

№1 (38)
2009 г.

НАУКА И ПРАКТИКА

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

№ 1(38)

2009 г.

НАУКА И ПРАКТИКА

Орёл

2009

Министерство внутренних дел Российской Федерации
ГОУ ВПО «Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУКА И ПРАКТИКА

Периодическое печатное научное издание – журнал
Издается с 1996 года
Выходит 1 раз в квартал

№ 1 (38)
2009 г.

Редационный совет:

Председатель редакционного совета:

И.А. Калинин, начальник института, кандидат педагогических наук.

Заместитель председателя редакционного совета:

Л.Ю. Щербакова, заместитель начальника института по научной работе, кандидат юридических наук.

Члены редакционного совета:

С.Л. Паньков, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела;

Н.Ф. Зейналов, начальник кафедры тактико-специальной и огневой подготовки;

Н.Г. Подчерняев, начальник кафедры информационных технологий в деятельности ОВД, кандидат технических наук, доцент;

Н.Н. Феликсов, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД, кандидат технических наук;

С.К. Жилиева, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук;

С.Н. Баркалов, начальник кафедры физической подготовки и спорта, кандидат педагогических наук;

А.В. Бульжгин, начальник кафедры криминалистики и предварительного следствия в ОВД, кандидат юридических наук;

В.С. Кураков, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент;

Д.Л. Проказин, начальник кафедры организации деятельности ГИБДД, кандидат юридических наук;

Е.В. Сальников, начальник кафедры социально-философских дисциплин и экономики, кандидат социологических наук;

Д.В. Сопов, начальника кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент;

И.И. Нефёдова, врио. начальника кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук;

Л.И. Анохина, заведующая кафедрой иностранных и русского языков, кандидат филологических наук, доцент.

Редакционная коллегия:

Председатель редакционной коллегии:

Л.Ю. Щербакова, заместитель начальника института по научной работе, кандидат юридических наук.

Заместитель председателя редакционной коллегии:

С.Л. Паньков, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела.

Члены редакционной коллегии:

Е.В. Мурашев, старший редактор организационно-научного и редакционно-издательского отдела;

П.А. Роголёв, редактор организационно-научного и редакционно-издательского отдела;

Н.А. Коваленко, корректор организационно-научного и редакционно-издательского отдела.

Адрес редакции:

Игнатова ул., д.2, Орёл, 302027

Тел.: (4862) 41-06-11, факс: (4862) 41-48-56

E-mail: onirio@orurinst.orel.ru

Данный выпуск журнала составлен по материалам выступлений участников состоявшейся в Орловском юридическом институте МВД России научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью» (26 февраля 2009 года).

Материалы опубликуются в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка: П.А. Роголёв

Свидетельство о государственной аккредитации рег. № 0440 от 22.12.06 г.

Подписано в печать ____ мая 2009 г. Формат 60x90^{1/8}.

Учет.-изд. л.-11,3. Тираж ____ экз. Заказ № ____.

ГОУ ВПО «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
Игнатова ул., д.2, Орёл, 302027.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в сборник. Отклонённые материалы не рецензируются и не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абашина Л.А.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ.....	5
<i>Бадиков Д.А.</i> К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО РЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ.....	7
<i>Балашов Д.Г.</i> ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	11
<i>Богданчиков С.В.</i> К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ЗАЛОГА.....	14
<i>Бузмаков В.А.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛЕДОВ КРОВИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	16
<i>Васюков В.Ф.</i> ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ОТКРЫТОЙ МЕСТНОСТИ.....	19
<i>Гарашко А.Ю.</i> ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СПЕЦИАЛИСТА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....	24
<i>Голованова О.А.</i> ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА.....	28
<i>Гришина Е.Б.</i> К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ И ПОКАЗАНИЯХ СПЕЦИАЛИСТА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	31
<i>Давыдов М.В.</i> СООТНОШЕНИЕ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ И СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.....	33
<i>Жукова О.С.</i> СОСТОЯНИЕ РЕЖИМА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ (1930-1941 ГГ.).....	36
<i>Заугольников С.Л.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОГО ИСТОЧНИКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ КОНОПЛИ.....	39
<i>Захарова Е.И.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ.....	42
<i>Карпушкин О.С.</i> ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ В ХОДЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	45
<i>Клевцов В.В.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ, НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ.....	48
<i>Кожухова Ю.В.</i> ПРИРОДА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.....	51
<i>Коновалов Н.А.</i> ПРОВЕДЕНИЕ СЕМИНАРОВ В ВУЗАХ МВД РОССИИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ К БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ.....	53
<i>Курышева Н.С.</i> РАВНОПРАВИЕ УЧАСТНИКОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ЖАЛОБЕ (В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ).....	59
<i>Леонов А.И.</i> ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОНИМАНИИ ЖИЛИЩА.....	63
<i>Леонов И.Н.</i> НЕДОСТАТКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КВАРТИРНЫХ КРАЖ.....	65
<i>Леонова Е.Н.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ПОЧВЕ НАРКОМАНИИ, И ОСНОВНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	67
<i>Лифтеров В.А.</i> РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ КРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ У РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	69
<i>Лукьянчикова С.А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ БУХГАЛТЕРСКИХ ЗНАНИЙ В ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	72

Макаров П.А. УГОЛОВНО ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 199-2 УК РФ. ВЫЯВЛЕНИЕ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДАННОЙ КАТЕГОРИИ, СОВЕРШАЕМЫХ СУБЪЕКТАМИ – ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ.....	74
Матвеев С.С. К ВОПРОСУ О ВОСТРЕБОВАННОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОСТЯЗАЮЩИМИСЯ СТОРОНАМИ ДОПРОСА ЭКСПЕРТА, ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОКАЗАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА.....	77
Миленин Ю.Н. АУДИО- И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	81
Моругина Н.А. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РУКОВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ И ТЕРМИНЕ ПОЛНОМОЧИЯ.....	83
Никитина Н.Ю. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФИКСАЦИИ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....	85
Пигорев О.И. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА.....	88
Подчерняев С.Н. КОНТРОЛЬ ОВД ЗА ОБОРОТОМ СЛУЖЕБНОГО ОРУЖИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ОХРАННЫХ СТРУКТУР.....	90
Попрядухина Г.П. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	92
Рагулин А.В. ПРАВО НА ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА АДВОКАТ ИМЕЕТ И НА НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....	94
Ростовцев А.В. К ВОПРОСУ О КОНТРОЛЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЦИФРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В СУДЕБНОЙ ФОТОГРАФИИ.....	98
Сайфиева Ж.М. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП.....	100
Санькова О.А. АНТИНАРКОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ПОНЯТИЕ И ТЕХНОЛОГИИ.....	103
Сахарова Е.Г. ЛИЧНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ЗДРОВЬЮ.....	106
Семенов Е.А. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ.....	108
Сретенцев Д.Н. ПРИМЕНЕНИЕ БАЗ ДАННЫХ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	111
Флоря Д.Ф., Калюжный А.Н. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	115
Ховалкин Е.С. ЗАКОННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	119
Чаплыгина В.Н. УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ - ПРАВОВАЯ И НРАВСТВЕННАЯ ЦЕЛЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ.....	121

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ

*Абашина Л.А.,
заместитель заведующего кафедрой
административного и финансового права
Орловской региональной академии
государственной службы*

Вопрос уголовной ответственности юридических лиц обсуждается несколько столетий, но до конца так и не разрешен. В общем праве первые сдвиги в направлении признания корпораций уголовно ответственными наблюдаются с середины XIX века. В настоящее время вопрос решен положительно в рамках двух теорий: «субститутивной» или «заменяющей» ответственности (*vicarious liability*) и теории «отождествления» (или теории *alter ego*). Возможности внедрения в практику теории отождествления достаточно узки, поскольку связаны исключительно с деятельностью высшего менеджмента, тогда как чаще преступные деяния совершаются на более низких уровнях руководства; как следствие, чем крупнее корпорация, тем больше у нее шансов избежать уголовной ответственности.

Противники уголовной ответственности юридических лиц (Н.Ф. Кузнецова, М.И. Бажанов, Л.Д. Ермакова, Т.В. Кондрашова, Л.К. Савюк и др.), прежде всего, подчеркивают, что установление уголовной ответственности юридических лиц не соответствует краеугольным принципам уголовного права – принципам личной и виновной ответственности¹.

На наш взгляд, личную ответственность не следует понимать узко только как ответственность физического лица. Юридическое лицо, устойчивая и наделенная или обладающая самостоятельным правовым статусом общность физических лиц (организация, учреждение, предприятие, орган государственной власти, государство в целом), также является целостным лицом, способным совершать юридически значимые деяния и, следовательно, нести за них в предусмотренных законом случаях, собственную (личную) ответственность. Проблема личной ответственности на сегодняшний день уже не является препятствием для ответственности юридических лиц в «неуголовных» отраслях права (гражданском, административном, налоговом, международном), значит, данный аргумент противников ответственности таких субъектов в российском уголовном праве преодолим и при построении концепции уголовной ответственности юридического лица.

Говоря о принципе виновной ответственности, следует отметить, что в таможенном законодательстве упоминания о вине юридических лиц отсутствует, а в административном, гражданском и налоговом праве основанием ответственности, в том числе и юридических лиц, считается противоправное виновное деяние². Как и в уголовном праве, в указанных отраслях под *виной* понимается психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к своему противоправному поведению.

Необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц за совершение, главным образом, хозяйственных и экономических преступлений связана во многом с тем обстоятельством, что внутри коллективного субъекта или сообщества (предприятия, корпорации) обнаруживается действие мощных факторов, влияющих на индивидуальную волю отдельных членов этого образования.

При совершении юридическим лицом правонарушений немаловажное значение имеет характерное для современной хозяйственной жизни разделение труда. У отдельно члена сообщества не возникает осознания неправомерной направленности конкретного выполняемого им поведенческого акта, так как он не представляет себе, часто и не может представить, что участ-

¹ См.: Кузнецова Н. Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса // Государство и право. 1992. № 6. С.82; Бажанов М. И. Уголовное право Украины. Общая часть. Днепропетровск, 1992. С.42; Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М., 1997. С.167-168.

² См., напр.: Алехин А.П. Административное право Российской Федерации / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. М., 2002. С.273-278; Гражданское право / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. Ч.1. СПб., 1996. С.491-505.

вует в противоправном деянии¹. Кроме того, отдельный соучастник в этом случае зачастую не выполняет полного состава преступления. Специфика разделения труда на производствах и предприятиях позволяет перекладывать ответственность за деяния с лиц, которые должны были бы ее понести в соответствии с законом, на зависимых от них подчиненных².

Следует отметить, что необходимым условием успешного расследования уголовных дел, особенно в сфере экономической деятельности, является их своевременное возбуждение. В связи со сложностью отграничения составов преступлений от административных и гражданско-правовых нарушений работникам правоохранительных органов зачастую весьма трудно отследить все тонкости процесса создания, организации и функционирования юридического лица. Поэтому в большинстве случаев возбуждение уголовного дела происходит уже после того, когда организация прекратила свою деятельность, её руководители (физические лица) скрылись, а признаки состава преступления стали очевидными.

Зачастую невозможно установить конкретное лицо, которое непосредственно совершило преступление. При этом обычно делаются ссылки на то, что с подписанными документами тот или иной ответственный работник в связи с загруженностью по работе не смог ознакомиться лично. Доказать, входило ли это в круг его обязанностей иногда невозможно из-за того, что эти обязанности строго не закреплены. Столь же трудно доказуема дача сотруднику поручения по осуществлению специальных обязанностей как необходимое условие для привлечения его к ответственности.

Трудности в доказывании объясняются еще и тем, что в области действия права, регулирующего хозяйственную деятельность (в первую очередь, экологическую), многочисленные административные органы используют неформальные отношения и практикуют заключение устных договоренностей с хозяйствующими субъектами, склонными к совершению правонарушений в этой сфере³.

На наш взгляд, целесообразно различать субъект преступления (физическое лицо) и субъект уголовной ответственности (юридическое лицо). Данную точку зрения из отечественных юристов отстаивал Ю.В. Петровский при обсуждении вопроса о субъекте международного преступления; в частности, он указывал, что «одна из интересных особенностей международно-правовой ответственности за такие деяния состоит в несовпадении субъектов правонарушения и субъектов ответственности»⁴. Преступление как общественно опасное противоправное и виновное деяние (точнее сказать, выполнить объективную сторону состава преступления) может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Именно такое деяние, содержащее все признаки соответствующего состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, является основанием уголовной ответственности. При этом нести уголовную ответственность за такие деяния могут не только физические, но при наличии определенных условий и юридические лица.

Говоря о субъективной стороне преступления юридических лиц, следует подчеркнуть, что уголовная ответственность *de lege ferenda* наступает только при наличии вины юридического лица, совершившего преступное деяние.

По нашему мнению, следует выработать объективно-субъективный подход (включающий объективные и субъективные признаки) к анализу вины юридического лица как необходимому условию привлечения его к уголовной ответственности:

во-первых, вина юридического лица в совершении преступления есть субъективное отношение к противоправному деянию его участников (членов) или служащих, действовавших в рамках своих полномочий. В этом случае вина юридического лица, рассматриваемая как продукт психической деятельности людей, должна пониматься как вина указанных физических лиц и считаться доказанной только при наличии вины в их деяниях;

во-вторых, вину юридического лица следует рассматривать с объективных позиций как наличие возможности для соблюдения установленных законом правил и норм, неприложение допускаемых и требуемых законодательством усилий для выполнения своих обязанностей, а

¹ См.: Schuntmann В. *Untertnmenkriminalitat und Strafrecht*. Koln – Munchen, 1979. S.30-36.

² См.: Иванов Л. Административная ответственность юридических лиц // Закон. 1998. №9. С.91.

³ Там же.

⁴ Петровский Ю.В. *Международно-правовая ответственность*. Л., 1968. С.113.

также неиспользование всех зависящих от него прав и возможностей для предупреждения преступления.

Юридическое лицо не должно нести уголовной ответственности за преступное поведение своих участников (членов) или служащих, деяния которых, даже если они прикрывались его именем, не соответствуют целям и интересам юридического лица и, значит, не являются его деяниями, и наоборот. Формулируя основания уголовной ответственности юридического лица, следует отразить тот факт, что преступление совершено *в интересах юридического лица*. Данный признак позволит отграничить уголовную ответственность юридического лица (возможно наряду с физическим) от индивидуальной ответственности физического лица, которое действовало только в своих интересах.

В заключение отметим, что отсутствие законодательной базы привлечения юридических лиц к уголовной ответственности увеличивает уровень латентной преступности. Кроме того, Россия обязана учитывать международные стандарты и рекомендации, касающиеся уголовно-правовых методов борьбы с общественно опасными деяниями, совершаемыми юридическими лицами¹. Таким образом, перспективы введения уголовной ответственности для юридических лиц в России имеются, и дискуссия по данной проблеме продолжается.

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО РЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

*Бадиков Д.А.,
к.ю.н., преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного
расследования в ОВД Орловского
юридического института МВД России*

Действующее уголовно-процессуальное законодательство регламентирует основания, условия, процессуальный порядок прекращения уголовных дел и (или) уголовного преследования на стадии предварительного расследования. К числу новелл УПК РФ применительно к данной проблематике относятся положения, касающиеся перечня оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования.

Процедура прекращения уголовного преследования, как и прекращения уголовного дела, применяется в случаях, когда в ходе предварительного расследования выявляются обстоятельства, устраняющие возможность дальнейшего производства по делу. Она может осуществляться одновременно с прекращением уголовного дела, ибо влечет за собой и прекращение уголовного преследования, либо самостоятельно, например, в случаях прекращения уголовного преследования без прекращения уголовного дела. К примеру, при прекращении уголовного преследования в отношении отдельных лиц уголовное дело в отношении других может продолжаться (ч. 4 ст. 27 УПК РФ).

Основания прекращения уголовного дела и прекращения уголовного преследования с применением мер по реабилитации лица на досудебных стадиях уголовного судопроизводства представляются весьма различными по своему содержанию и последующим правовым последствиям. Закон приводит определенный перечень оснований прекращения уголовного преследования.

В ходе предварительного расследования уголовное дело, как и уголовное преследование, прекращается при наличии определенных оснований (глава 4 УПК РФ). И хотя ст. 27 и 28 УПК РФ регламентируют основания прекращения уголовного преследования, тем не менее, законодатель закрепил отсылочную норму, в частности п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, которая ориен-

¹ В частности, такие рекомендации изложены в Международной конвенции «О борьбе с финансированием терроризма» от 9 декабря 1999 г., Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» от 27 января 1999 г., Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., Конвенции Совета Европы «О киберпреступности» 2001 г., Шанхайской конвенции «О борьбе терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 г.

тирует на положения прекращения уголовного дела, по основаниям, закрепленным в п. 1-6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. К перечню оснований прекращения уголовного преследования, помимо указанных в ст. 27 и 28 УПК РФ, относится также применение принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

Анализируя уголовно-процессуальное законодательство, ряд процессуалистов предпринимают попытки классифицировать основания прекращения уголовного дела. При этом в юридической литературе встречаются различные позиции по данному вопросу. Например, одни процессуалисты подразделяют основания к прекращению уголовного дела на юридические и фактические (М.А. Чельцов)¹, другие – на материально-правовые и процессуальные (Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин, П.А. Лупинская)² и т. п.

Одна из таких классификаций подразделяет основания прекращения уголовного дела на реабилитирующие и нереабилитирующие³. Поддерживая данную точку зрения, полагаем, что и основания прекращения уголовного преследования на предварительном расследовании можно классифицировать по этой же системе, исходя из содержания оснований возникновения права на реабилитацию (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ), соответственно разграничивая их на реабилитирующие и нереабилитирующие.

По смыслу п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ к реабилитирующим основаниям прекращения уголовного преследования следует относить:

- 1) отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);
- 2) отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);
- 3) непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ)⁴.

Первые три основания законодатель выделяет особо, так как они являются не только основаниями прекращения уголовного преследования, но и основаниями прекращения уголовного дела, а также условиями вынесения постановления оправдательного приговора в суде. Эти основания являются обязательными для применения мер по реабилитации лица, о чем непосредственно указывает закон в ч. 2 ст. 212 и ч. 3 ст. 302 УПК РФ.

Другими основаниями прекращения уголовного преследования с реабилитацией лица, указанными в п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, являются:

- 4) отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе, как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

5) отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 1, 3 - 5, 9 и 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалифицированной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или на привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в п. 1 и 3 - 5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ (п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

- б) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению (п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ);

¹ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962. С.327.

² См.: Жогин Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. М., 1965. С.305; Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. проф. П.А. Лупинской. М., 1995. С.289.

³ Данную классификацию рассматривают такие ученые-процессуалисты, как В.М. Савицкий, А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, Б.Т. Безлепкин и др. См.: Ларин А.М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки / А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий // Под ред. проф. В.М. Савицкого. М.: БЕК, 1997. С.158; Безлепкин Б.Т. Вопросы реабилитации на предварительном следствии: Лекция. Горький: Горьковская ВШ МВД СССР, 1975. С.8.

⁴ Ранее это основание формулировалось как недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР). Сейчас согласно п. 20 ст. 5 УПК РФ под непричастностью понимается неустановленная причастность либо установленная непричастность лица к совершению преступления.

7) наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ);

8) отказ Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица (п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

К приведенному выше перечню оснований прекращения уголовного преследования целесообразно, на наш взгляд, отнести в качестве реабилитирующего то, на которое законодатель прямо не указывает, но при этом ссылается на п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В данном случае имеется в виду ч. 3 ст. 27 УПК РФ, в которой содержится указание на то, что уголовное преследование в отношении лица, не достигшего к моменту совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, возраста, с которого наступает уголовная ответственность, подлежит прекращению по основанию, указанному в п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. По этому же основанию подлежит прекращению уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом. Однако в п. 4 ст. 133 УПК РФ предписано, что по последнему основанию правила на реабилитацию в отношении вышеуказанных лиц не распространяются. Мы не можем с этим согласиться, поскольку в данных случаях при прекращении уголовного дела и уголовного преследования по данному основанию (ч. 3 ст. 27 УПК РФ) отсутствует один из элементов состава преступления – его субъект. Отсутствие в деянии состава преступления является не только основанием прекращения уголовного дела и, соответственно, уголовного преследования, но и основанием отказа в возбуждении уголовного дела вообще (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а оно, как говорилось выше, относится к реабилитирующим.

К реабилитирующим основаниям прекращения уголовного дела в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 212 УПК РФ относятся только основания, предусмотренные п. 1, 2 ч. 1 ст. 24, а также п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, о чем уже упоминалось. Именно эти реабилитирующие основания прекращения уголовного дела полностью совпадают с основаниями прекращения уголовного преследования.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что перечень оснований возникновения права на реабилитацию в связи с прекращением уголовного преследования значительно шире, чем перечень в случаях прекращения уголовного дела. Это, возможно, связано с тем, что основания прекращения уголовного преследования более разнообразны и охватывают более широкий круг лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу. Таким образом, перечень реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела несколько уже, чем основания прекращения уголовного преследования. Полагаем, что в данном случае законодатель исходит из принципа целесообразности, придерживаясь которого, возможно осуществлять процесс расследования по уголовным делам в более оптимальном для потребностей практики режиме.

Иные не рассмотренные выше основания прекращения уголовного преследования на предварительном следствии можно рассматривать в качестве нереабилитирующих. Это: 1) вследствие акта об амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ); 2) истечение сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ); 3) смерть подозреваемого или обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ); 4) в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ); 5) применение принудительной меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

Вне зависимости от того, по какому основанию прекращается уголовное преследование, органы предварительного расследования обязаны отменить все меры уголовно-процессуального принуждения (например, привлечение его в качестве подозреваемого (обвиняемого), при-

менение мер пресечения в виде задержания, ареста, отстранение от должности, наложение ареста на имущество и т. п.) в отношении лица, к которому они были применены¹.

Элементами механизма реабилитации должны выступать, с одной стороны, отмена незаконного и необоснованного решения, а с другой – устранение причиненных таким решением последствий². Законом установлено, что при прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 5, 6 ч. 1 ст. 24, п. 1, 4-6 ч. 1, а также ч. 3 ст. 27 УПК РФ, следователь обязан принимать соответствующие меры по реабилитации физического и (или) юридического лица и возмещению вреда, причиненного в результате уголовного преследования.

Основания возникновения права на реабилитацию, признания на ее права, порядок возмещения имущественного и морального вреда, обжалование решения о производстве выплат, восстановление иных прав реабилитированных регламентирован ст. 133-139 главы 18 УПК РФ. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме, независимо от того, действиями какого именно органа или должностного лица этот вред причинен³.

Следовательно, должностное лицо при прекращении уголовного преследования обязано разъяснить порядок восстановления прав и свобод лица и возмещения вреда, причиненного уголовным преследованием в ходе предварительного расследования.

Право на реабилитацию по общему правилу (ст. 133 УПК РФ) включает в себя: возмещение имущественного вреда; устранение последствий морального вреда; восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Следователь выносит соответствующее постановление о частичном прекращении уголовного преследования или о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в полном объеме в отношении конкретного лица (лиц) и направляет копию постановления прокурору, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, разъяснив последним право и порядок обжалования принятого решения.

Требование о возмещении имущественного вреда может заявить в течение срока исковой давности как сам реабилитированный, так и его законный представитель (а в случае смерти – его родственники или иждивенцы) путем обращения в орган, вынесший определенное постановление о прекращении уголовного преследования (ст. 135 УПК РФ). Размер имущественного вреда, причиненного реабилитированному, определяет судья, прокурор, следователь или дознаватель, что указывается в постановлении о производстве выплат, не позднее одного месяца со дня поступления требования о его возмещении.

Изложенное позволяет предположить, что поддерживаемая нами классификация на сегодняшний день имеет преимущественное значение в связи с тем, что позволяет оптимизировать деятельность прокурора и органов предварительного расследования при разрешении актуальных вопросов, связанных как с реабилитацией, так и возмещением ущерба, причиненного незаконными действиями органов дознания, следствия, прокуратуры.

Несмотря на то, что в указанной работе рассматривались в основном вопросы, связанные с реабилитирующими основаниями, прекращение уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Исходя из того, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, он создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ст. 15 УПК РФ).

Анализ этой нормы позволяет сделать вывод о том, что суд лишен какой-либо самостоятельности в принятии решений, он следует за суждениями сторон и присоединяется к мнению одной из них⁴.

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен XXI, 2002. С. 472.

² См.: Химичева О.В. Реабилитация: Учебное пособие. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С. 34.

³ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. М.: Экзамен XXI, 2002. С. 296, 297.

⁴ См.: Российское право. 2003. № 2. С. 28.

Таким образом, полагаем, что было бы логично и последовательно закрепить в тексте закона правило о том, что прерогативой прекращения уголовного преследования по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям обладает и суд, несмотря на то, что не относится ни к стороне защиты, ни к стороне обвинения.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Балашов Д.Г.,
преподаватель кафедры криминалистики
Тульского филиала Московского
университета МВД России*

В настоящий период еще распространена практика проведения множества различных проверок юридических лиц и частных предпринимателей, дублирования деятельности отдельных правоохранительных органов, необоснованного изъятия и истребования значительного количества деловой документации, что препятствует нормальной работе предприятий и организаций, создает почву для коррупции и подрывает авторитет органов исполнительной власти.

С учетом многообразия правоохранительных органов Российской Федерации, которые взаимодействуют при решении служебных задач борьбы с налоговыми правонарушениями, происходит искусственное разделение единого процесса выявления и расследования налоговых преступлений между оперативными службами, органами дознания, органами предварительного следствия и другими правоохранительными органами.

Анализ прекращенных и направленных в суд уголовных дел по налоговым преступлениям показывает, что эффективность борьбы с этими преступлениями затруднена в силу определенной неурегулированности уголовно-процессуальной, документально-проверочной и оперативно-розыскной деятельности. Получению необходимой информации о правонарушениях в налоговой сфере еще мешают межведомственная разобщенность, соблюдение узковедомственных корпоративных интересов и отсутствие единых оценочных показателей оперативно-служебной деятельности. Поэтому одним из важнейших условий роста эффективности борьбы с налоговыми преступлениями является повышение качества и действенности документального контроля за налогоплательщиками, а также формирование единой информационной системы органов государственной власти, ответственных за обеспечение безопасности в финансовой и налоговых сферах. В настоящее время функционирует множество государственных, ведомственных и независимых видов учетов и различных информационных ресурсов на территориальном и местном уровнях. Сведения, собираемые на основе первичных документов и других материалов, обобщают около 70 различных форм государственной и ведомственной статистической отчетности¹.

Вместе с тем, следует отметить, что документы играют главную роль в выявлении и расследовании налоговых преступлений, так как в них находит отражение вся финансовая деятельность предприятий, учреждений и организаций, в том числе и действия, связанные с совершением налоговых правонарушений. При всей скрытости налоговых преступлений те или иные действия, в том числе и преступные, неизбежно отражаются в документах. Поэтому на первоначальном этапе расследования чрезвычайно важно принять срочные меры к их обнаружению и изъятию².

Как свидетельствует следственная и судебная практика в первую очередь должны быть изучены и проанализированы:

- регистрационные документы организации (учредительный договор, устав, протокол общего собрания, свидетельство о регистрации);

¹ Ларичев В.Д. Методика криминологического исследования налоговой преступности (вопросы совершенствования) / В.Д. Ларичев, С.П. Баграев, Ю.В. Трунцевский. М., 2007. С.64.

² Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. М., 2001. С.789.

- документы бухгалтерского учета и отчетности (бухгалтерские книги, регистры, отчеты и балансы);
- приказы, распоряжения, служебная переписка, договоры, книга учета выдачи доверенностей;
- документы учета операций по расчетным счетам (платежные требования и поручения, карточка с образцами подписей лиц, наделенных правом подписи денежных документов, и оттиском печати организации, банковские выписки);
- первичные кассовые документы (кассовые ордера, кассовая книга);
- транспортные и приемосдаточные документы (товарно-транспортные накладные, счета-фактуры);
- документы складского учета.

Кроме того, специалисты рекомендуют подвергать анализу и изучению не только официальные документы, но и:

- черновики расчетов налогов;
- первые варианты налоговых деклараций бухгалтерской отчетности, в которых правильно были отражены данные об объектах налогообложения и суммах налогов, подлежащих перечислению в бюджеты;
- расписки в получении денег, товаров, продукции;
- черновые листы из документов аналитического учета;
- черновые записи о количестве изготовленной продукции, суммах выручки, количестве фактически отгруженной продукции, не отраженных в документах, и т. п.;
- оборудование, используемое для изготовления неучтенной продукции, самой неучтенной продукции, выручки от ее реализации, не учтенной в документах;
- книги продаж, покупок, контрольных кассовых лент;
- запасные кассовые аппараты, не учтенные на балансе организации;
- записные книжки, в том числе электронные;
- нормативные документы с пометками в тексте и на полях, которые могут свидетельствовать об осведомленности определенных лиц о нормативном порядке учета объектов налогообложения.

При изучении и анализе документов необходимо иметь в виду, что нередко нарушения законности и финансовой дисциплины скрываются за внешне правильно оформленными документами (фиктивными нарядами, трудовыми соглашениями, счетами, актами и т. п.). По содержанию операции в документе следует установить степень ее соответствия действующему законодательству и внутренним распоряжениям экономического субъекта хозяйствования.

Необходимо детально осуществлять проверку подлинности документов, содержащихся в них реквизитов и записей для выявления фактов подлога. Так, при осмотре документов можно выявить следы подклейки, подчисток, травления, приписок и других изменений цифровых и иных записей. Особое внимание следует обращать на оттиски штампов и печатей. Их неправильная форма, разный размер одних и тех же знаков, неравномерный текст и другие признаки могут указывать на подлог. Осмотр документов с целью выявления подлога должен сочетаться с проверкой соблюдения правил составления и оформления документов, поскольку нарушение этих правил во многих случаях бывает связано именно с подлогом. Для его выяснения необходима проверка отраженных в документе операций по существу. При этом целесообразно использовать некоторые приемы выявления подлогов, например, по формальным признакам, когда сопоставляются разные экземпляры одного и того же документа, копии документов с подлинником и т. п.

Арифметическая проверка позволяет обнаруживать хищение материалов и денежных средств путем завышения итогов в горизонтальных и вертикальных графах платежных ведомостей и других документов, неправильного подсчета процентов и т. д.

Используя метод встречной проверки, можно выявить злоупотребления, при которых двусторонние операции получают отражение у каждой из сторон (неоприходование полученных от поставщиков материальных ценностей, наличие бестоварных операций и др.). Подобные злоупотребления скрываются путем исправления данных в отдельных экземплярах документов, составления новых, подложных документов, неправильного отражения или не отраже-

ния в документах и в учетных регистрах операций, которые в действительности были совершены.

Так, при сопоставлении документов, отражающих операции, с документами, обосновывающими их, выясняются противоречия между ними. В случаях, когда для совершения каких-либо действий требуется документальное обоснование, необходимо сопоставить документы, отражающие эти действия, с документами, обосновывающими их. Это дает возможность проверить реальность действий и их взаимное соответствие. Примерами может служить сопоставление: оплаченных счетов с договорами, приходными и расходными накладными, актами приемки работ; записей о списании материалов в отходы с актами на порчу материалов; сметы на ремонт зданий с дефектными актами и др. Расхождения данных по этим документам не всегда указывают на злоупотребления. Тем не менее, в случае выявления отклонения необходимо проверить, не связаны ли они с хищениями или с другими правонарушениями.

Сопоставление исполнительных и распорядительных документов позволяет проверить соответствие совершенных операций содержанию распоряжения. Например, сравнивая данные, указанные в требовании или доверенности, с данными накладной на отпуск материальных ценностей, можно обнаружить, что отпущены другие ценности или иное их количество, нежели было затребовано. В других случаях может оказаться, что распоряжение осталось без исполнения или, напротив, произведен отпуск без распоряжения. Все это при определенных обстоятельствах может свидетельствовать о злоупотреблениях, в частности об уничтожении исполнительных документов, о выписке бестоварных накладных и т. п.

Сопоставление документов, отражающих данные о предстоящих и выполненных работах, рекомендуется использовать в процессе проверки выполнения строительно-монтажных работ, а также работ по оказанию услуг. При этом способе контроля характер, объем, стоимость и другие данные о предстоящих работах, указанные в договорах подряда (субподряда), в проектах, сметах, трудовых соглашениях и дефектных актах, сопоставляются с актами приемки выполненных работ и другими документами, отражающими производство работ. Выявленные расхождения могут свидетельствовать о приписках.

Наиболее действенным является систематизированный способ проверки содержания операций и записей в учетных регистрах, при котором проверка осуществляется путем сопоставления групп документов, отражающих однотипные операции вне зависимости от времени их совершения. Этот прием документального контроля дает возможность глубоко изучить взаимосвязь отдельных операций за разные периоды времени и выявить нарушения законности.

Несомненно, также важно определить, каким изменениям могли подвергнуться интересующие следствие документы и оставленные преступником следы. При этом существенное значение имеет не только полученная, но и отсутствующая информация о каких-либо следах преступления, дающая следователю знание о том, что ему надо искать. В частности, отсутствие первичных бухгалтерских документов на приобретение товара, находящегося на складе налогоплательщика, говорит о необходимости поиска поставщика, проверки отражения у него факта реализации указанного товара, определения его количества, цены и общей стоимости, а также поиска документов, подтверждающих оплату товара.

При этом первостепенная роль отводится специалистам: бухгалтеру, ревизору, аудитор, которые могут дать консультации по вопросам: определения вида документа и его относимости к расследованию; установления того, кто из должностных лиц мог быть причастен к составлению конкретного документа; каким образом может быть истолкована собранная информация и т.д. Например, с помощью опытного бухгалтера, знающего специфику финансово-хозяйственной деятельности проверяемой организации и привлеченного к участию в проверке в качестве специалиста, моделируется во всех возможных вариантах цепочка действий заинтересованных лиц, имеющих целью уклонение от уплаты налогов. После этого определяется, в каких документах могут быть обнаружены следы таких действий. Следующий этап - передача заинтересованным лицам собранной информации, ее анализ, оценка и использование¹. Дальнейшей задачей становится обнаружение и фиксация процессуальными средствами и способами этих следов.

¹ «Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд».

В странах с хорошо развитой налоговой, правоохранительной и информационной системами выявление признаков налоговых правонарушений, а также планирование и контроль оперативно-розыскных и документально-проверочных мероприятий осуществляется главным образом аналитическими методами. Среди юридических лиц для этого организуется информационный поиск субъектов, объявляющих доходы, существенно заниженные по сравнению с реальным оборотом, профилем и конъюнктурой деятельности. Для физических лиц автоматизированным путем сопоставляются их расходы и доходы, указываемые в налоговых декларациях, с реальными данными, которые достаточно полно учитываются благодаря всеобщей электронизации расчетов.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ЗАЛОГА

*Богданчиков С.В.,
адъюнкт, Академия управления
МВД России*

В своем Послании Президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев заявил: «Нельзя забывать и о таком принципиальном вопросе, как гуманизация закона и порядок его применения. Судам следует более взвешенно относиться к избранию мер пресечения в виде ареста и к назначению наказаний, связанных с изоляцией от общества. В то же время правоохранительная и судебная системы должны обеспечивать действенную защиту прав и интересов лиц, пострадавших от совершенных преступлений. В праве, как известно, следует видеть не только продукт практической пользы, а «условие истинно человеческого существования», - когда-то утверждал известный русский правовед Борис Чичерин»¹.

Позицию президента поддержал и председатель Верховного Суда РФ Вячеслав Лебедев. В своем выступлении на 7 Всероссийском съезде судей он заявил о необходимости смягчения наказаний и развитии практики применения залога, подписки о невыезде, домашнего ареста².

Следует отметить, что в 2007 году залог, как мера пресечения по уголовным делам, была избрана в отношении 1,2 тыс. лиц, из них на стадии предварительного следствия – в отношении 0,8 тыс. лиц, а на стадии судебного разбирательства – в отношении 0,4 тыс. лиц. В доход государства обращено 138 залогов, из них 74 применены на стадии следствия, что составляет 9 % от числа лиц, которым на стадии следствия была избрана данная мера пресечения и 64 – на стадии судебного разбирательства, что составляет также 15 % от числа лиц, которым была избрана данная мера на вышеуказанной стадии. Общая сумма залогов, обращенных в доход государства, по данным статистических отчетов составила 12 млн. 144 тыс. рублей, что в среднем составляет 88 тыс. рублей на один залог³.

Исходя из вышеуказанного, полагаем, что развитие института уголовно-процессуального залога является значимым элементом гуманизации уголовного судопроизводства РФ.

В теории уголовного процесса принято считать, что залог, вносимый подозреваемым, обвиняемым (подсудимым), и залог, вносимый третьим лицом (физическим или юридическим), различаются по ряду процессуальных моментов, и соответственно образуют различные процессуальные формы.

Так, А.Д. Буряков отмечал: «Залог представляет собой действенную меру пресечения, опирающуюся либо на экономическую заинтересованность в сохранении денежной суммы или ценностей, если залогодателем является обвиняемый, либо на моральные обязанности обвиняемого перед другими лицами, внесшими залог»⁴.

В УПК РФ нет дифференциации форм процессуального порядка избрания залога в качестве меры пресечения. Независимо от формы суть данной меры пресечения заключается в

¹ Российская газета от 6 ноября 2008 г. № 4787.

² http://www.cdep.ru/home.asp?search_frm_auto=1&dept_id=1.

³ http://www.cdep.ru/stat.asp?search_frm_auto=1&dept_id=1.

⁴ Буряков А.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1967. С.49.

обеспечении надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого. Данное обязательство подкрепляется внесенным на депозит суда залогом.

Однако реализуется данная мера пресечения по-разному. В одном случае, подозреваемый, обвиняемый сам вносит залоговую сумму, и тогда соглашение, достигнутое между залогодателем и органом, избравшим залог, формирует экономическую заинтересованность в сохранении материальных ценностей. В другом случае залог вносится третьим лицом, и соглашение приобретает определенные права и обязанности. Соответственно надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого обеспечивается моральной ответственностью данного лица перед залогодателем.

И здесь следует говорить о разном характере принуждения, соответствующих процессуальных форм. Соответственно, при внесении залога подозреваемым, обвиняемым действует имущественное принуждение, а при применении залога, вносимого третьим лицом, психологическое.

Естественно, имеют отличия и процедуры применения данных форм.

Так, первая форма, при которой залог вносится самим подозреваемым, обвиняемым, обуславливает орган, применяющий данную меру пресечения, сопоставлять имущественное положение подозреваемого, обвиняемого и размер залога. Подозреваемый, обвиняемый предупреждается о последствиях неисполнения данных им обязательств. Копия протокола принятия залога вручается подозреваемому, обвиняемому. В случае ненадлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого данное лицо лишается материальных ценностей, являющихся предметом залога.

Вторая форма, в соответствии с которой, залог вносится третьим лицом, имеет свои особенности. Так, при избрании залога лицо, выступившее в качестве залогодателя, приобретает процессуальные права и обязанности. Залогодателю разъясняются основания, сущность, возможные последствия меры пресечения в виде залога. Копия протокола принятия залога вручается данному лицу. Также при установлении размера залога орган, избирающий данную меру пресечения, учитывает имущественное положение залогодателя. Ну и конечно, при ненадлежащем поведении подозреваемого, обвиняемого предмета залога лишается третье лицо.

Разграничивая разные формы процессуального порядка применения залога, ряд ученых настаивает на законодательном закреплении данного вопроса. В частности, С.И. Вершинина полагает, что необходимо осуществить законодательное разграничение всех форм залога, а также предусмотреть правовой механизм реализации каждой из них на практике¹.

По нашему мнению, данная позиция не является рациональной. Выделение обособленных форм залога в законодательстве существенно усложнит процедуру применения данной меры пресечения, что скажется на эффективности. Следовательно, необходимости в законодательной дифференциации форм нет.

В заключение хотелось бы отметить, что представленные формы процессуального порядка применения залога должны осуществляться в соответствии с законодательством и обобщено часто, в зависимости от ситуации, определяющей наиболее приемлемую как для залогодателя, так и для органа, избравшего данную меру пресечения, форму. Это позволит оптимизировать условия применения залога, что положительно скажется на практической реализации данной меры пресечения.

¹ Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения: Дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 1998. С.93.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛЕДОВ КРОВИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бузмаков В.А.,

*к.биол.н., преподаватель кафедры
криминалистики и судебной экспертизы
Тюменского юридического института
МВД России*

Вещественные доказательства биологического происхождения играют значительную роль в раскрытии и расследовании преступлений против жизни и здоровья, против половой неприкосновенности несовершеннолетних и государства, а также в расследовании гражданских дел (о спорном отцовстве, материнстве и др.) и административных дел при нарушении правил дорожного движения водителем, повлекшем причинение легкого вреда здоровью потерпевшего. В связи с этим требуется тщательное изучение теоретических и практических основ вещественных доказательств биологического происхождения.

В данной работе акцентируется внимание на механизме возникновения, грамотном отыскании, оформлении, упаковке и направлении на экспертизу следов крови. Кроме того, актуальность выбранной темы объясняется еще и тем, что в настоящее время большинство преступлений совершается с применением насилия, вследствие чего на месте преступления остаются следы биологического происхождения. В 2005 г. со 148784 мест происшествий изъяты следы биологического происхождения, результаты исследования которых стали важной доказательственной базой при раскрытии и расследовании преступлений¹. В первом полугодии 2007 года в районных судах РФ уголовные дела об убийстве (ч.1 ст.105 УК РФ) составили 2,5% от всех поступивших дел; о грабеже (ст.161 УК РФ) – 11,2%; об умышленном причинении тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью (ст.111, 112 УК РФ) – 6 %; о разбое (ст.162 УК РФ) – 3,7 %; о неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения (ст.166 УК РФ) – 2,7%.

Судебно-медицинскому исследованию подлежат вещественные доказательства биологического происхождения – ткани и выделения организма человека и животных (кровь, сперма, волосы, кости, пот, моча, слюна и т.п.). Экспертиза вещественных доказательств проводится в судебно-биологических отделениях бюро судебно-медицинской экспертизы. Для ее проведения необходимо владеть сложными методиками исследования; ошибки приводят к порче или потере материала, что делает невозможным повторное исследование².

В качестве доказательства в уголовно-процессуальной деятельности рассматриваются данные о каких-либо обстоятельствах дела, которые должны быть получены в установленном порядке. Одним из видов таких данных являются вещественные источники криминалистической информации³. Это может быть информация о внешних признаках объекта, оставившего следы, о его внутренних свойствах и структуре, о механизме следообразования и т.д. В результате приобщения к делу источников криминалистической информации в виде материальных следов расследуемого деяния они становятся вещественными доказательствами. Ценность материальных следов для следствия заключается в их свойствах — внешних и внутренних, которые можно использовать для познания механизма совершения и других обстоятельств преступления.

¹ Чудинов О.С. Технично-экономическое обоснование внедрения ДНК-исследований в экспертно-криминалистическую деятельность и ее автоматизация / О.С. Чудинов, М.Г. Пименов, А.Б. Абрамова // Эксперт-криминалист. 2006. № 3. С.55-57.

² Лобан И.Е. Судебно-медицинская деятельность в уголовном судопроизводстве: Правовые, организационные и методические аспекты. СПб., 2003. 467 с.

³ Ищенко Е.П. Криминалистика / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков. М.: Инфра-М, 2005. 670 с.

Деление следов на объективные и субъективные дало основание для разграничения видов осмотра места происшествия: на субъективный и объективный¹. Под субъективным понимается осмотр только по очевидным следам преступника, т.е. следам, оставленным субъектом преступления. Соответственно, следы, полученные в результате такого осмотра, будут являться субъективными. Под объективным осмотром понимается осмотр всего места происшествия, а полученные следы можно отнести к объективным. Следы, отнесенные к событию преступления, также могут происходить от обвиняемых, подозреваемых. Поэтому неясно, чем они отличаются по происхождению от второй группы следов. Справедливо мнение Д.П. Рассейкина о том, что «объективный осмотр представляет собой тщательный осмотр всего места происшествия, включая следы пребывания, действия преступника, т.е. фактически он включает в себя и субъективный осмотр. Что касается субъективного метода, то применение его "в чистом виде" действительно нецелесообразно»². Деление следов на объективные и субъективные вряд ли можно считать целесообразным, поскольку субъективные следы являются частью объективных.

Следы-отпечатки А.И. Винберг делил на негативные и позитивные. Кроме того, он подразделял следы — частицы и пятна — по происхождению: от твердых, жидких и газообразных веществ. С подобной трактовкой трудно согласиться, т.к. нет с точки зрения значения следов в расследовании преступлений принципиальных различий, с одной стороны, между волокнами и другими частицами, отнесенными к следам в узком смысле, а с другой спичками и иными предметами, отнесенными к следам в широком смысле³. Позже В.Я. Колдин вводит понятие «вещественные источники криминалистической информации». Под ними он понимает «любые объекты, отражающие информацию, необходимую для раскрытия и расследования преступления, в форме изменения материальных свойств и признаков источника, в том числе вещественные доказательства; материальные модели следов; образцы, необходимые для сравнительного исследования»⁴.

В криминалистике традиционно под механизмом следообразования понимается процесс, конечная фаза которого представляет собой образование следа-отображения⁵. Элементы данного процесса - объекты следообразующий и следовоспринимающий, а также вещество следа; результат их взаимодействия - следовой контакт; энергия, приложенная к объектам следообразования.

По мнению автора, следует согласиться с мнением А.И.Дворкина, который подразделяет следы крови на пять основных типов: лужи, потеки, пятна, брызги, помарки. Рассмотрим каждый из этих типов более подробно.

Лужи представляют собой большие бесформенные скопления крови на непористых преградах или поверхности объектов со слабой впитывающей способностью (деревянный пол, паркет, земляной пол и т.д.)⁶. Пример из протокола осмотра места происшествия по факту обнаружения трупа: «...В дальнем конце коридора около двери, ведущей в ванную комнату, обнаружен труп М. с повреждениями головы, рядом с которой на паркетном полу находится лужа округлой формы, также образованная жидким бурым веществом, похожим на кровь. Размеры лужи – 15Х30 см...».

Потеки крови возникают при ее стекании по поверхности (тела, одежды). Приведем пример описания: «...В левой лобной области в 3 см кверху от верхнего края глазницы и в 4 см от срединной линии рана звездчатой формы с тремя лучами общими размерами 4х3 см и длиной лучей от 1,5 до 1,7 см. Края раны неровные, мелкофестончатые, осадненные, ближе к центру раны разможенные. Нижний левый край отслоен от лобной кости до 1 см. Концы лучей

¹ Торбин Ю.Г. К вопросу развития учения о следах (криминалистический и уголовно-процессуальный аспекты) // Криминалистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Б.И. Шевченко. Тезисы выступлений. М.: МАКС-Пресс, 2004. С.215-220.

² Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. 688 с.

³ Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина. М.: Норма, 2001. 652 с.

⁴ Колдин В.Я. Криминалистика: информационные технологии доказывания. М.: Зерцало, 2007. С.63-64.

⁵ Шамонова Т.Н. О содержании криминалистического учения о следах // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2005. № 1. С.419-426.

⁶ Настольная книга следователя / Под ред. А.И. Дворкина. М.: Экзамен, 2006. 670 с.

остроугольные, дном раны является поврежденная лобная кость. От нижнего края раны к левой ушной раковине проходит потек засохшей крови бурого цвета...».

Пятна крови возникают от падения капель крови под действием своего веса. Брызги крови возникают при попадании летящих капель крови на различные преграды. Приведем фрагмент описания в протоколе осмотра места происшествия брызг крови: «...на левой стороне коридора на бумажных обоях желтого цвета в непосредственной близости от входной двери на расстоянии 1,0 м от угла и на высоте от 2,0 до 2,5 м обнаружены многочисленные брызги высохшего вещества бурого цвета, похожего на кровь. Разлет брызг веерообразный под углом от 0 до 45 градусов, считая от вертикали, проходящей через центр условной зоны, образованной брызгами, острые концы которых обращены книзу. Размер брызг примерно одинаков и составляет по длине 3-3,5 см и по ширине 1,0-1,2 см...».

Помарки крови представляют собой следы, возникающие при соприкосновении окровавленного предмета с чистым. В протоколе осмотра места происшествия описание помарок может быть следующим: «...Рядом с трупом на расстоянии 30 см от коленного сустава левой ноги обнаружен обрезок металлической трубы длиной 50 см и диаметром 2,5 см. Один конец трубы обмотан синей изоляционной лентой. На другом конце трубы имеются многочисленные помарки, образованные влажным веществом бурого цвета, похожим на кровь...».

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что следы крови классифицируются в криминалистической науке по самым различным основаниям. Единой позиции на этот счёт не выработано.

Известно, что в своей совокупности следы крови позволяют восстановить картину значительной части преступного события. По следам крови проводятся различные исследования. Рассмотрим методы, которые имеют наиболее высокую информативную ценность.

В отличие от других методов судебно-медицинского исследования, осуществляющих только групповую, а не индивидуальную идентификацию, генотипоскопия позволяет сделать категорический вывод о принадлежности данного биологического материала конкретному лицу. Метод основан на исследовании содержащейся во всех клетках человеческого организма дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) – носителя генетической информации. Следует также отметить, что объектами генотипоскопического исследования помимо крови могут служить сперма, слюна и волосы с сохранившейся луковицей.

Следует согласиться с мнением И.О. Перепечиной о том, что «генетическая идентификация личности является мощным инструментом получения доказательственной информации при расследовании уголовных преступлений, связанных с посягательством на жизнь и здоровье граждан»¹.

Ряд вопросов, выносимых на разрешение комплексной судебно-медицинской и судебно-трасологической экспертиз, связан с установлением механизма образования следов крови:

1. С какой высоты падали капли крови? Находился ли определенный объект или предмет, на который капала кровь, в горизонтальном или вертикальном положении?
2. Передвигался ли человек в момент или после причинения повреждения?
3. Каково было направление травмирующей силы?
4. В каком положении находился человек в момент нанесения ему повреждений?

Выводы по результатам экспертизы формулируются в заключении эксперта. Оценка заключения эксперта включает в себя, прежде всего, установление его допустимости как доказательства. Необходимым условием допустимости заключения эксперта является соблюдение процессуального порядка назначения и проведения экспертизы. Должна быть проверена также компетентность эксперта и его незаинтересованность в исходе дела. Нужно иметь в виду, что экспертному исследованию могут быть подвергнуты только объекты, которые надлежащим образом процессуально оформлены. В случае существенных нарушений, влекущих их недопустимость, заключение эксперта также теряет доказательственную силу. Правильность оформления заключения эксперта должна быть проверена следователем и судом.

¹ Перепечина И.О. Генетическая идентификация личности в судебно-медицинской экспертизе // Гражданин и право. 2002. № 5. С.36.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ОТКРЫТОЙ МЕСТНОСТИ

*Васюков В.Ф.,
адъюнкт кафедры криминалистики
и предварительного расследования
в ОВД Орловского юридического
института МВД России*

Наиболее важным средством получения информации о расследуемом грабеже или разбое рассматриваемой группы является следственное действие - *осмотр места происшествия*, так как в ходе его проведения происходит обнаружение, фиксация, изъятие, а нередко и предварительное исследование следов преступления. Последние являются криминалистически значимыми источниками доказательственной информации об обстоятельствах преступления и лицах, его совершивших, и в совокупности определяют направленность расследования преступления. При этом нередко фактические данные, полученные в результате осмотра, невозможно получить из других источников.

Будучи неотложным следственным действием, осмотр места происшествия, в соответствии с п. 2 ст. 176 УПК РФ, в случаях, не терпящих отлагательства, проводится и до возбуждения уголовного. Немаловажно то, что по уличным грабегам и разбоям до возбуждения уголовного дела осмотр места происшествия проводился в 22,5% случаев.

Особую значимость осмотр места происшествия имеет при расследовании уличных грабежей и разбоев, совершенных в условиях неочевидности.

О значении осмотра места происшествия свидетельствует и тот факт, что его проведение направлено на получение информации из материальных следов преступлений, т.е. объективных носителей, не ведающих чувств страха или корыстных побуждений, чему подвержены субъективные (личностные) источники информации, а это способствует реальной объективизации процесса доказывания при раскрытии и расследовании преступлений указанного вида. Однако эффективность и высокое качество проводимого осмотра места происшествия будет обеспечено лишь при условии соблюдения тактических положений следственного осмотра, а также выбора наиболее оптимальных в каждом конкретном случае тактических приемов и рекомендаций его проведения.

Полученные при этом сведения позволяют выдвинуть обоснованные версии, наметить целесообразные пути их проверки, определить круг лиц, среди которых нужно искать преступника, и, в конечном счете, способствуют раскрытию преступления и изобличению виновных. Тщательно проведенный осмотр по количеству и ценности доказательств, получаемых при его производстве, представляет собой одно из наиболее эффективных следственных действий. Тактико-криминалистические рекомендации проведения осмотра места происшествия обеспечивают предоставление в распоряжение следствия важных фактических данных, относящихся ко всем обстоятельствам, входящим в предмет доказывания.

Анализ результатов работы следственных органов свидетельствует о необходимости повышения эффективности исследования и использования обнаруженных следов на месте происшествия в условиях раскрытия и расследования грабежей и разбоев, совершаемых на открытой местности.

В результате изучения уголовных дел стало известно, что осмотр места происшествия грабежа или разбоя, совершенного в условиях открытой местности, проводился лишь в 64,6% случаев. Как нам представляется, это обусловлено тем, что указанные преступления совершаются скоротечно, в благоприятных условиях для преступника, поэтому материальных следов в большинстве случаев обнаружить не удастся. В связи с этим у следователей складывается не совсем верное представление о том, что данное следственное действие не приносит определенных результатов. В частности, пренебрежительное отношение к осмотру места происшествия следователями проявляется в случаях, если сообщение о преступлении поступило по истечении определенного времени – спустя 2-3 дней.

Изучение протоколов осмотра места происшествия позволило сделать следующие выводы: в 62,3% дел протоколы составлены некачественно, с нарушением правил описания места происшествия, либо описание обнаруженных следов и вещественных доказательств было недостаточным; в 88,6% дел отсутствовали планы и схемы осмотров мест происшествий.

В 53,3% дел производилась фотосъемка осмотра места происшествия, но только в 44,9% ее результаты приобщались к протоколу.

Вместе с тем изучение описательной части протоколов места происшествия показало, что в большинстве случаев (86,7%) следователи отнеслись формально к их составлению. При этом продолжительность осмотров в 58,3% уголовных дел не превышала 30 минут, в 31,1% - до 1 часа, и только в 10,6% уголовных дел место совершения грабежа или разбоя осматривалось свыше 1 часа.

Таким образом, необходимость тщательного проведения осмотра места происшествия по рассматриваемой категории дел на практике явно недооценивается. Такой подход, по нашему мнению, не оправдан и требует коренных изменений.

Для достижения положительного результата в доказывании по уголовному делу следовать не должен пренебрегать любой информацией, в том числе полученной при осмотре места происшествия, проводимого спустя долгое время после совершенного грабежа или разбоя на открытой местности. Анализ практики показывает что при тщательно и умелом проведенном осмотре места происшествия практически всегда можно обнаружить следы преступника, потерпевшего и установить объективную сторону преступления (физическое или психическое насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего с целью непосредственного завладения имуществом). Даже в тех редких случаях, когда отыскать материальные следы преступления на месте происшествия не удастся, осмотр все равно бывает полезным, так как дает возможность следователю непосредственно изучить место происшествия, зафиксировать ее обстановку, глубоко осмыслить сущность совершенного деяния. Промедление с осмотром отрицательно сказывается на его результатах. Поэтому по делам о грабежах и разбоях, совершаемых на открытой местности, осмотр места происшествия должен проводиться без задержки, как правило, сразу же после опроса пострадавшего.

Одним из типичных недостатков проведения осмотра места происшествия является несвоевременное принятие мер по охране осматриваемого участка. Это, как правило, влечет за собой «затаптывание» запаховых следов, неэффективности работы розыскной собаки.

В некоторых случаях следователи непредусмотрительно изымают и упаковывают обнаруженные предметы, оставленные преступником на месте происшествия, до их «отработки» розыскной собакой, что зачастую также является причиной потери следа.

Нередки случаи, когда требования, предъявляемые к упаковке таких предметов, не соблюдались. В частности, вещи, содержащие следы запаха преступника, упаковывались в полиэтиленовые пакеты, что приводило к невозможности назначения ольфакторных исследований.

В ходе осмотра места происшествия также имеют место недостатки, связанные с применением средств и методов криминалистической фотографии. Так, в ходе осмотра мест происшествий по изученным делам с участием специалиста-криминалиста фотосъемка места происшествия производилась в подавляющем большинстве случаев. Между тем фотосъемка производится либо в условиях естественного освещения - в дневное время, либо с использованием фотовспышек с автономным аккумуляторным питанием в темное время суток.

Следует сказать и том, что переносные осветительные приборы при осмотрах мест совершения уличных грабежей (разбоев) не используются, в связи с чем в темное время суток ориентирующая фотосъемка не проводится.

Не проводится и дополнительная ориентирующая и обзорная фотосъемка места происшествия в светлое время суток (например, на следующий день). В случае отсутствия специалиста-криминалиста при осмотре какие-либо технические средства применялись следователями в редких случаях.

Изучение уголовных дел позволило сделать вывод о том, что место совершения уличного грабежа (разбоя) не всегда является локализованным участком местности, и при проведении осмотра места происшествия нередко удается обнаружить материальные следы преступления на значительном удалении от объекта осмотра. Это связано с тем, что в некоторых случаях при нападении на жертву злоумышленникам не удавалось в кратчайшие сроки завладеть иму-

ществом потерпевшего в силу того, что последний оказывал сопротивление, смог вырваться и на некоторое время уйти от преследования преступника. Поэтому стоит учитывать, что следы преступления могут быть обнаружены не только на месте, где преступные действия грабителя (разбойника), направленные на хищение имущества, были окончены, но и в месте - исходной точке нападения.

Также в некоторых случаях имеет смысл расширить границы осмотра за счет обследования участков местности - наиболее вероятных путей подхода преступника к месту, где был совершен грабеж или разбой, а также путей, которыми преступники предположительно могли скрыться. Как правило, обследуя соответствующие участки местности, можно обнаружить, помимо следов ног и транспортных средств, выброшенные преступниками окурки, орудия совершения преступления, а также предметы и части предметов, которые были отобраны у потерпевших, но не представляли ценности для грабителя или разбойника (женские сумочки, кошельки, чехлы от мобильных телефонов и т.д.). На некоторых из этих предметов могут оставаться следы пальцев рук преступника. Поэтому изымать их следует весьма осторожно, строго соблюдая криминалистические правила обращения с вещественными доказательствами.

Полагаем, что действия следователя при осмотре места происшествия грабежа или разбоя, совершенного на открытой местности, должны быть построены следующим образом:

После прибытия на место происшествия следователь выясняет у потерпевшего (в случае его присутствия), очевидцев и уже прибывших на место происшествия должностных лиц конкретные данные о том, что, где, когда произошло, сколько при этом участвовало лиц, какое имущество было похищено и каким способом.

В ситуациях, когда требуется осмотреть большой участок местности (лесной массив, парк, сквер и т.д.), следователь, во избежание проникновения посторонних лиц при осмотре, организует охрану места происшествия дополнительными силами.

При подготовке к осмотру, изначально целесообразно произвести обзор места происшествия для определения границ участка, подлежащего осмотру и способа последовательного изучения обстановки на месте происшествия. В случае задержания преступника по «горячим следам» на участках местности, удаленных от места совершения преступления, их также целесообразно осматривать, так как не исключена возможность обнаружения спрятанного или выброшенного похищенного имущества.

Параллельно этому представляется эффективным задействовать розыскную собаку, которая под руководством специалиста-кинолога может привести к дополнительным следам преступления, предметам, неумышленно оставленным преступником. Наряду с этим целесообразно организовать работу сотрудников органов дознания, которым поручается проведение поквартирного (подомового) обхода, «прочесывания» местности; в случае, если потерпевших от грабежа или разбоя несколько – поручается их предварительный опрос.

В том случае, если организационные, оперативно-розыскные мероприятия и неотложные следственные действия не привели к быстрому задержанию преступника, следователь приступает к осуществлению рабочего этапа осмотра места происшествия.

В соответствии со ст.ст. 168, 58, 60 УПК РФ перед началом осмотра места происшествия следователь разъясняет специалисту (в случае его присутствия) и понятным их права и обязанности. В случае необходимости следователь предупреждает понятых о неразглашении ими сведений, полученных при осмотре места происшествия, а специалиста — об ответственности за отказ и уклонение от выполнения своих обязанностей.

Осмотр места происшествия проводится следователем по определенному способу. В криминалистике наиболее разработаны три способа осмотра места происшествия: эксцентрический (от центра к периферии), концентрический (от периферии к центру) и линейный, или, как его еще называют, фронтальный.

Эксцентрический способ осмотра места уличного грабежа (разбоя) наиболее эффективен, если на месте происшествия следы, предметы преступления расположены на коротком промежутке друг от друга (следы борьбы на мягком грунте, крови, орудие преступления). Концентрический способ применим в том случае, если центр места происшествия не определен либо необходимо осматривать не только центр совершения преступления, но и близлежащие к нему участки. Выбор концентрического способа осмотра обусловлен тем, что при подготовке к рассматриваемым преступлениям преступники, как правило, выбирают такие места засад, ко-

торые расположены в непосредственной близости от того места, где и происходит нападение на жертву. Поэтому, следует учитывать, что чаще всего следы преступника (например - оставленные окурки, использованные жевательные резинки, пустые сигаретные пачки, стеклянные бутылки, банки из-под пива, использованные шприцы и т.д.) были обнаружены и изъяты в ходе осмотров места засады – кустов, неосвещенных проулков, заброшенных зданий и т.д.

Линейным способом осмотр места происшествия также проводится, но в случаях, когда следы были расположены на участках местности, которые имели определенные рамки (например, проезжая часть, огороженная высоким бордюром, дорога, которая с двух сторон обнесена забором частных построек и т.д.).

Изучение практики свидетельствует о том, что нередко следователи осматривают место совершения уличного грабежа или разбоя смешанным способом. Это связано с тем, что в ходе осмотра обнаруживались дополнительные следы преступления, которые были найдены за пределами участков первоначально осматриваемой местности.

Так, 25 мая 2005 года было совершено ограбление гражданки Р. При осмотре места происшествия следователь отразил эксцентрическим способом территорию, прилегающую к остановке общественного транспорта «Ул. Черняховского» города Курска. От центра к периферии в протоколе были зафиксированы обнаруженные на асфальте пятна бурого цвета, оторванная ручка женской сумки, пакет (с учебниками), выброшенный преступником.

Присутствовавшая при осмотре места происшествия потерпевшая дополнительно указала на заросшее кустарниками место, откуда вышли преступники. В указанном месте были обнаружены окурки и две пустые пивные банки. Данные предметы в протоколе были отражены уже концентрическим способом.

Далее с помощью розыскной собаки удалось установить, что в двадцати метрах от места происшествия грабителем была оставлена сумка, похищенная у потерпевшей. Участок местности, где находилась сумка, следователь осматривал фронтальным способом, так как помимо сумки на земле были обнаружены предметы косметики, ключи, записная книжка, которые были разбросаны вдоль проселочной дороги¹.

Все обнаруженные в ходе осмотра места происшествия предметы, имеющие, по мнению следователя, отношение к происшедшему событию, осматриваются на самом месте происшествия.

Так как во время пребывания в засаде преступник мог использовать средства сотовой связи, в ходе осмотра места происшествия вполне допустимо проведение экспериментальных действий по определению номера IMEI и SIM-карты аппарата сотовой связи грабителя (разбойника).

Это возможно благодаря действиям следователя, который:

1. Производит звонок со служебного (собственного) мобильного телефона на номер мобильного телефона другого сотрудника, который должен при этом на него ответить. После этого в базу данных оператора связи поступят сведения о ближайшей базовой станции, с помощью которой осуществлялся звонок следователя.

2. Истребует у оператора связи сведения о произведенном звонке и о расположении ближайших базовых станциях.

3. Истребует у оператора связи сведения о всех произведенных звонках в зоне действия базовых станций, установленных благодаря полученным данным по звонку следователя. При этом следователь должен указать период времени, в который могли производиться данные звонки преступником².

4. Анализирует полученные сведения, в случае необходимости организует розыскные мероприятия и неотложные следственные действия по изобличению преступника.

¹ Материалы УД №37282. СО при ОМ – 4 УВД г. Курска, 2005 г.

² Следует отметить, что проведенное исследование практики использования такой информации, проведенной В. Жулановым и Е. Ищенко показало, что в городской черте для обработки запроса следователя оператором сотовой связи необходимы 3 - 4 часа в дневное время или до 8 часов в ночное, а вне городской черты в малонаселенных районах на это уходят примерно сутки. См.: Жуланов В. Осмотр места происшествия с целью получения информации из электронных баз данных / В. Жуланов, Е. Ищенко // Законность. 2006. № 6. С.12.

Как правило, действия последних трех пунктов предпринимаются уже после окончания осмотра места происшествия в процессуальном порядке, предусмотренном ч.4 ст.21, ч.3 ст. 38 УПК РФ.

С развитием систем безопасности все большее распространение получают средства видеонаблюдения, которые размещаются на фасадах административных зданий, жилых домах, оградительных сооружениях, территориях автозаправочных станций, супермаркетов, автостоянок.

Например, в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Казань, успешно функционирует автоматизированная система «Безопасный город» («Безопасность»), осуществление работы которой происходит благодаря средствам видеонаблюдения, установленным в местах массового скопления людей: на площадях, вокзалах, оживленных перекрестках, в местах отдыха и развлечения граждан.

Данные обстоятельства необходимо учитывать при осмотре места грабежа или разбоя, совершенного в районе жилых массивов, на проезжей части или близлежащей территории к объектам, оснащенным средствами видеонаблюдения.

Если в ходе осмотра территории удалось обнаружить такие средства, то следователь предпринимает меры по истребованию информации, которая была ими зафиксирована в период времени совершения «уличного» грабежа или разбоя.

В ходе проведения рассматриваемого следственного действия целесообразно привлечь к участию потерпевшего. Это объясняется возможной осведомленностью потерпевшего о местонахождении следов и предметов, оставленных (потерянных) преступником. Данные следы и предметы чаще всего остаются в результате предпринятых жертвой действий по сопротивлению преступному посягательству. Такими предметами могут стать куски оторванной одежды, пуговицы, застёжки, шапки, перчатки, цепочки и др.

Если в момент грабежа или разбоя между преступником и его жертвой происходила борьба, на одежде потерпевшего либо на отдельных предметах могут остаться микрочастицы. Они изымаются, как правило, вместе с предметом-носителем. При обнаружении на месте происшествия предмета, к которому, возможно, прикасался преступник, следует изъять образец запаха.

В большинстве случаев следы слюны обнаруживаются на окурках, использованных жевательных резинках, носовых платках, зубочистках и др. Наряду с установлением групповой принадлежности слюны в ряде случаев может быть определена половая принадлежность обнаруженных в ней эпителиальных клеток. В ходе осмотра места происшествия также могут быть обнаружены части одежды преступника, на которых имеются следы пота. Как и следы слюны, они подвергаются экспертному исследованию с целью установления групповой принадлежности пота. Волосы человека часто обнаруживаются на месте контакта частей тела, покрытых волосами преступника с предметами, составляющими обстановку места происшествия и одеждой и телом потерпевшего. В случаях обнаружения таких следов необходимо назначать биологическую, геномную, одорологическую экспертизу, экспертизу микрообъектов с целью установления групповой и родовой принадлежности, а также идентификации лиц, подозреваемых в грабеже или разбое.

Изъятие биологических следов приобретает особую актуальность в связи с вступлением в действие 1 января 2009 года Федерального закона № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»¹. В соответствии с указанным законом неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий, подлежат обязательной государственной геномной регистрации (п.2 ч.1 ст.7), которая проводится органами предварительного следствия, органами дознания совместно с подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации, к компетенции которых относится указанный вид деятельности, и учреждениями судебно-медицинской экспертизы, входящими в государственную систему здравоохранения (п.2 ч.1 ст.9).

Изучение следственной практики показало, что следователями зачастую не учитывается возможность получения запаховых следов, следов биологического происхождения с предметов,

¹ О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 49. Ст. 5740.

оставленных преступником на месте происшествия, на теле и одежде потерпевшего; оружие, другие предметы, обнаруженные в ходе проведения и подвергшиеся влаге перед их упаковкой должным образом не просушиваются, доставляются в криминалистические лаборатории уже в гнилом состоянии в связи с тем, что упаковочный материал, как правило, не отвечает установленным требованиям, что ведет к безвозвратной потере доказательственной информации.

Между тем доказательственное значение следы биологического происхождения получают путем проведения судебно-биологической экспертизы, которая позволяет выделить ДНК конкретного человека. Это в дальнейшем может быть использовано при идентификации задержанного подозреваемого. Результаты такой экспертизы являются неопровержимым доказательством присутствия подозреваемого на месте происшествия.

Таким образом, результаты, полученные при осмотре места происшествия, являются отправной точкой всего предварительного следствия, от которой зависит весь последующий ход расследования преступления.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СПЕЦИАЛИСТА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

*Гарашко А.Ю.,
курсант 401 учебной группы
Орловского юридического института
МВД России*

Процесс доказывания не способен достичь своей цели без участия в нем субъектов, не относящихся ни к одной из сторон уголовного процесса. Без них трудно, а в абсолютном большинстве случаев невозможно быстро, точно и достоверно установить обстоятельства преступления, а также принять справедливое процессуальное решение. Эти участники вовлекаются в уголовно-процессуальные правоотношения не для обеспечения их прав и свобод, а для получения доказательственной информации.

Весомое значение в формировании уголовных доказательств имеет участие лиц, обладающих специальными знаниями¹. По мнению В.Н. Махова, вынужденный отказ следователей от помощи сведущих лиц вследствие отставания законодательного процесса от нужд практики во многих случаях «ведет к утрате доказательственного значения за фактическими данными, полученными таким образом»².

В настоящее время специальные знания так называемых сведущих лиц используются в доказывании посредством вовлечения в него эксперта и специалиста. В соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК специалист - это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном законом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Специалист не только оказывает помощь следователю или суду в поиске, обнаружении и изъятии доказательственной информации, но и самостоятельно формирует доказательства по уголовному делу, представляя свое заключение. Законодатель, отвечая на многочисленные призывы ученых-юристов обеспечить возможность получения доказательств, требующих проведения специальных познаний до возбуждения уголовного дела, наделил показания и заключения специалистов доказательственным значением.

Деятельность специалистов является фактически единственной возможной формой применения специальных знаний в уголовном процессе на стадии возбуждения уголовного дела, так как судебная экспертиза на данной стадии может быть лишь назначена. Таким образом, единст-

¹ См.: Исаева Л.М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. М., 2002. С. 36.

² См.: Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М, 2000. С. 212.

венным процессуальным лицом, в чьей компетенции находится возможность применения научных методик исследований на стадии возбуждения уголовного дела, является специалист.

Наличие сведений о таких преступлениях, как, например, незаконное приобретение, хранение, сбыт наркотических средств, незаконный оборот оружия и боеприпасов, причинение телесных повреждений и других, в абсолютном большинстве случаев требуют проведения так называемых предварительных исследований, в основном с целью получения оснований для возбуждения уголовного дела. Лицо, осуществляющее такие предварительные исследования, не является экспертом, несмотря на то, что предварительные исследования в случаях, когда сведущим лицом является сотрудник экспертного учреждения, проводятся по правилам и в порядке проведения судебной экспертизы¹.

Процесс дачи специалистом заключения, как и осуществление судебной экспертизы, находится за рамками уголовно-процессуальных правоотношений, такие исследования не могут регламентироваться нормами УПК РФ. Причем, ввиду отсутствия запрета привлекать специалиста до возбуждения уголовного дела, закон относит это процессуальное действие к действиям, осуществление которых проводится в случаях, не терпящих отлагательства. Фактически заключение специалиста позволяет проводимым предварительным исследованиям придать процессуальный статус и приобщить это заключение к уголовному делу в качестве доказательств, что исключительно важно для выявления, раскрытия и расследования преступлений. Препятствием в реализации данного положения является отсутствие в УПК РФ указаний на форму заключения специалиста, который даёт заключение в произвольной форме. Произвольность формы оформления заключения специалиста, проводящего предварительные исследования с применением научных методик, не позволяет считать заключение допустимым. Но полагаем вполне уместным использовать по аналогии положения ст. 204 УПК, содержащие перечень данных, которые должны быть в заключении эксперта².

Изучение процессуального положения специалиста в уголовном судопроизводстве выявило концептуальные проблемы, связанные с несовершенством нормативной базы и практикой ее применения. В определении специалиста, представленном в УПК РФ, имеются теоретические и правовые неточности и пробелы, связанные с формой использования его возможностей в целом и познаний в частности.

Во-первых, законодатель, давая определение понятия «специалист», не указал на его незаинтересованность в исходе дела. Проверка данного условия является объективной необходимостью при решении вопроса о возможном привлечении специалиста к процессу раскрытия и расследования преступления. Поэтому нами предложено дополнение определения специалиста в статье 58 УПК РФ словами: «лицо, не заинтересованное в исходе дела».

Во-вторых, в законодательном определении указывается: «специалист - лицо... привлекаемое к участию в процессуальных действиях, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов...». Считаем, что данное положение не отражает существующую следственную практику, так как перечень материальных носителей информации, могущей иметь доказательственное значение по уголовному делу, не ограничивается лишь документами и предметами, он гораздо шире. Проблема видится в противоречиях внутри одной нормы - нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 58 УПК РФ: специалист привлекается к участию в процессуальных действиях (без ограничений), но роль его ограничена собиранием предметов и документов. Думается, целесообразно указать в УПК РФ на содействие специалиста в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств.

В-третьих, в определении указано: «Специалист - лицо, обладающее специальными знаниями...». Почему именно знаниями, а не познаниями?

Традиционно в русском языке эти понятия применялись как синонимы. С учетом того, что термин «специальные знания» является межотраслевым юридическим (специальные знания применяются в уголовном, гражданском, арбитражном, конституционном и административном процессе), он не может быть рассмотрен исключительно с точки зрения философских позиций. Познание закономерностей общественного развития, природы, человеческого мышления в фи-

¹ См.: Егоров Н.Н. Собираание доказательств в структуре процесса // Рос. следователь. 2004. № 3. С.2.

² См.: Усачев А.А. Понятие и сущность акта возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2004. №.1. С.29-30.

лософском плане безгранично, а познание истины судом имеет свои строго определенные рамки в пространстве и во времени и заканчивается по общему правилу вынесением приговора и вступлением его в законную силу.

Многие авторы склонились к точке зрения, что термин «познания» более емкий, поскольку охватывает как сумму определенных теоретических знаний субъекта, так и его опыт, а также навыки применения полученных знаний¹. Мы придерживаемся такой же точки зрения и постараемся проанализировать применение термина «специальные знания (познания)» в современном уголовно-процессуальном законодательстве при характеристике сведущих лиц. В ст. 57 и 58 УПК РФ экспертами и специалистами названы лица, обладающие только специальными знаниями, об их навыках и умениях законодатель умалчивает. Получается, что законодатель предъявляет и к эксперту, и к специалисту только требование о наличии теоретических знаний, без учета обладания навыками применения этих знаний. А это прямо указывает на то, что ни эксперт, ни специалист не могут быть признаны достаточно квалифицированными и компетентными лицами, что автоматически влечет их отвод по основаниям, указанным в п. 3 ч. 2 ст. 70 и ч. 2 ст. 71 УПК РФ. Налицо противоречивость нормативных формулировок.

Сам законодатель в применении данных терминов оказывается не совсем последовательным: в 2001 г. при формулировании основных понятий, касающихся участия сведущих лиц в судопроизводстве, он использует понятие «специальные знания», а в Федеральном законе от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» употребляет термин «специальные познания», раскрывая сущность показаний специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ)².

Для устранения данных противоречий полагаем необходимым предложить законодателю заменить в ст. 57 и 58 УПК РФ термин «специальные знания» на «специальные познания» и сформулировать в ст. 5 УПК РФ дефинитивную норму о специальных познаниях сведущих лиц: «Специальные познания - это используемые в установленной законом процессуальной форме в ходе доказывания по уголовным делам достоверные сведения из какой-либо области знаний, а также навыки и умения, которыми обладает ограниченный круг лиц, имеющих профессиональную подготовку, практический опыт работы в данной сфере деятельности и привлекаемых судом и сторонами для оказания им содействия в целях обеспечения назначения уголовного судопроизводства».

Кроме того, выявлены проблемы обеспечения возможности применения к специалисту мер процессуального принуждения, а также привлечения специалиста к уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Для их решения следует закреплять процессуальное положение специалиста постановлением следователя о назначении лица специалистом, а затем брать у него подписку об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения или показаний. В случае дачи специалистом показаний, его процессуальное положение фиксируется в протоколе допроса свидетеля, что представляется возможным³. Но допрашиваемый специалист не только дает показания о ставших известными ему фактах и обстоятельствах, но и делает по ним суждения, что радикально отличает специалиста от обычного свидетеля. Права и обязанности специалиста и свидетеля различаются, поэтому целесообразно вынесение постановления о назначении лица специалистом перед его допросом. Вынесение данного постановления следует считать обязательным в случае дачи им заключения или показаний.

В этой связи необходимо дополнить статью 168 УПК РФ частью третьей следующего содержания: «3. Признав необходимым получение от специалиста показаний или заключения, следователь выносит постановление о назначении лица специалистом, в котором указывается:

- 1) основания привлечения специалиста;

¹ См., например: Арсентьев В.Д. Использование специальных познаний при установлении фактических обстоятельств дела / В.Д. Арсентьев, В.Г. Заболоцкий. Красноярск, 1986. С.4; Торбин Ю.Г. Теоретические и прикладные проблемы обнаружения и использования в уголовном судопроизводстве следов и особых примет на живых лицах: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С.42; Селина Е.В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе: Дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2003. С.29.

² См.: Сборник законодательства Российской Федерации. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

³ См.: Агутин А. В. К проблеме допустимости источника доказательств в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2004. № 12. С.45.

- 2) фамилия, имя, отчество специалиста, его место работы, вид деятельности, квалификация, специальность, опыт работы;
- 3) вопросы, поставленные перед специалистом;
- 4) материалы, представляемые в распоряжение специалиста».

Проведен анализ норм УПК РФ с целью выявления случаев обязательного участия специалистов в раскрытии и расследовании преступлений. Ряд статей указывает специальность сведущего лица, не являющегося экспертом, и применение знаний которого является обязательным при производстве по уголовному делу. Так, статья 425 УПК РФ обязывает привлекать педагога или психолога к участию в допросе несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, а статья 191 УПК РФ - педагога к участию в допросе несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего. Участие врача предусмотрено при осмотре трупа (часть 1 статьи 178 УПК РФ), а также при освидетельствовании (часть 4 статьи 179 УПК РФ). Переводчик указан статье 59 УПК РФ как отдельная процессуальная фигура, наделенная своими правами и обязанностями¹.

Мы стоим на позиции необходимости внесения изменений в УПК РФ, которые предусматривали бы обязательность назначения специалиста в соответствующей ситуации аналогично обязательному назначению экспертизы, а именно систематизировать случаи обязательного назначения специалиста². Для установления критериев обязательного привлечения специалиста необходимо, исключив статьи 59 и 169, дополнить статью 168 УПК РФ частью четвертой следующего содержания:

«4. Следователь привлекает в обязательном порядке к участию в следственном действии специалиста следующей профессии:

- 1) врача - в случаях, указанных в части первой статьи 178 и части третьей статьи 179 настоящего Кодекса;
- 2) педагога - в случаях, указанных в части первой статьи 191 настоящего Кодекса;
- 3) педагога или психолога - в случаях, указанных в части третьей статьи 425 настоящего Кодекса;
- 4) переводчика - в случаях, указанных в части второй статьи 18 настоящего Кодекса;
- 5) специалиста иной профессии - в случаях, когда получение сведений иным способом невозможно, либо для придания сведениям официального значения».

Внесение в УПК РФ указанных положений позволит объединить сведущих лиц, процессуальное положение которых отличается от положения эксперта в уголовном судопроизводстве России, в одну процессуальную фигуру - специалист. Тем самым будет обеспечено единообразное понимание процессуального положения специалистов разных профессий, их прав, обязанностей, ответственности за их деятельность, а также разъяснение оснований привлечения специалистов в иных случаях, когда сведения могут быть получены исключительно от сведущего лица либо сведениям необходимо придать официальный статус.

В развитии перспектив института специалиста и процессуального положения этого участника уголовного судопроизводства России нами сделан вывод о необходимости изложить само понятие «специалист», представленное в части 1 статьи 58 УПК РФ в следующей редакции: «Специалист – независимое, компетентное, не заинтересованное в исходе дела лицо, обладающее опытом и знаниями, отсутствующими у иных участников уголовного судопроизводства либо представляющими сложность в их применении и не относящимися к знаниям уголовного и уголовно-процессуального права, привлекаемое к участию в следственных и иных процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, посредством дачи показаний в качестве специалиста, дачи заключения специалиста, составления письменных справок и документов».

¹ См.: Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000; Власов А.А. Особенности доказывания в судопроизводстве / А.А. Власов, И.Н. Лукьянова, С.В. Некрасов. М., 2004. С.23.

² См.: Рябцева Е.В. Деятельность и положение суда в состязательном уголовном судопроизводстве. Дис. ... канд. наук. Воронеж, 2005. С.31.

Изложение ч. 1 ст. 58, ст.168 УПК РФ и других затронутых статей в вышепредставленной редакции представляется наиболее оптимальным, так как в этом случае в них в полном объеме отражаются формы использования познаний специалиста и более детально регламентируется процессуальный статус данного участника уголовного судопроизводства.

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

*Голованова О.А.,
адъюнкт кафедры криминалистики
и предварительного расследования
в ОВД Орловского юридического
института МВД России*

Ученых всего мира занимает вопрос о типологии личности преступника. Все они хотят обобщить и классифицировать личность преступников, для того чтобы выявить закономерности её возникновения.

Типология личности преступника имеет непреходящее теоретическое и прикладное значение. Методологической основой типологии являются, в первую очередь, основные законы и категории философии. Создать типологию личности преступника возможно, только основываясь на признании взаимосвязи, взаимозависимости явлений и процессов окружающей действительности и ее развития.

Прежде всего, необходимо определить – существует ли такой социальный тип как личность преступника. Ряд авторов делит всех людей на законопослушных граждан и преступников. Следует отметить, что в реальной жизни мы вряд ли найдем индивидов с чисто типичными признаками криминогенности или идеально правопослушных граждан. Однако лиц с преимущественным преобладанием свойств того или иного типа существует предостаточно. Признание необходимости определения общего типа личности преступника имеет методологическое значение в теоретическом и практическом планах. Отграничение типа личности преступника на уровне обобщенного образа необходимо для раннего распознавания криминогенной личности, выявления личностных причин совершения преступления, индивидуального профилактического воздействия на подобную личность.

Вычленение на уровне обобщенного образа типа личности преступника является отправной точкой внутренней типологии, которая служит методом познания и объяснения этой личности.

Признавая существование типа личности преступника, следует помнить, что это не биологическая типология. В связи с тем, что преступление – понятие социальное, то есть существующее в обществе, поэтому и о типологизации личности преступника можно говорить только в социальном плане, то есть как о социальном типе. Социальное в типологии криминогенной личности проявляется в связи личности преступника со средой, условиями жизни, общественными отношениями, определенным временем и государством. При этом типичные общественно опасные свойства личности проявляются при разрешении конфликтных ситуаций в характерных для этой категории лиц деяниях, признаваемых преступлениями. Выделение личности преступника в самостоятельный социальный тип основывается на наличии общих свойств, по основным показателям отличающих ее от нормотипической личности. Однако эта точка зрения не является единственной. Существует мнение, что личность преступника – это категория социальной типологии, и типологические признаки следует искать в криминогенных особенностях, психологических отклонениях и деформациях, образующих определенную подструктуру в целостной личности¹.

¹ См.: Миньковский Г.М. Личность преступника и методы ее изучения // Вопросы советской криминологии. М., 1976. С.34-38; Долгова А.И. Общий подход к исследованию личности преступника и социальной ситуации ее развития // Социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника. М., 1975. С.7-11.

Однако существовало мнение, направленное против выделения личности преступника в самостоятельный вид¹. А.М.Яковлев предлагает типологизировать преступное поведение, а не личность преступника. Под поведением он понимает «тип взаимодействия лица с социальной средой». По его мнению, «поведение – это не просто проявление черт и свойств личности. Поведение – это и есть личность»².

Другие противники выделения личности преступника в отдельный социальный тип обосновывали это существованием процесса криминализации и декриминализации деяний в пространстве и времени³. Но криминогенная личность тем и характерна, что с различными формами стойкости, глубины нигилистически относится к требованиям уголовно-правовых запретов, имеет определенные деформации потребностей, моральных принципов, нравственных позиций, ценностных ориентаций, способов разрешения конфликтов, достижения целей, удовлетворения потребностей, которые имеют явно антиобщественный и общественно опасный характер.

Общепризнанно, что критериями типологии личности преступника являются антиобщественная направленность и общественная опасность⁴. Ряд авторов убедительно доказали, что антиобщественная направленность и общественная опасность свойственны не только типу преступника. Такие свойства различной степени стойкости, глубины, объема можно найти не только у преступников, но и у правонарушителей, не выходящих за рамки уголовно-правовых запретов, а также у лиц, страдающих психическими заболеваниями, исключаящими вменяемость, и у лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. В свете этого Ю.М. Антонян и Ю.Д. Блувштейн говорят о неверности утверждения, что личность преступника всегда отличается от личности человека вообще антиобщественными взглядами, убеждениями, стремлениями, так как такие взгляды, убеждения, стремления могут быть и у лиц, которые не совершали и не совершат преступления⁵.

Существует мнение, что отдельным категориям преступников признаки общественной опасности и антисоциальной направленности вообще не присущи. К ним относят личность преступников, совершающих преступления по неосторожности, образцу группового поведения, в силу неблагоприятной жизненной ситуации и т.п.⁶

К.Е. Игошев предлагал сведение признаков, являющихся существенными составляющими личности преступника как типа, в три относительно самостоятельные группы:⁷

- во-первых, особенности отношений и социальных связей, в которых сформировалась и действовала личность;
- во-вторых, особенности духовного мира преступника как личности, совершившей общественно опасное деяние и представляющей опасность для социума;
- в-третьих, особенности проявления черт духовного мира личности в преступной деятельности, выражающиеся наиболее ярко в мотивационных процессах.

Другие авторы отрицали возможность создания универсальной типологии, пригодной для всех случаев и личностей, имея в виду крайнее многообразие возможных типобразующих признаков и сочетаний. Но они же, противореча себе, выделяли три группы оснований именно для общей внутренней типологии личности преступника: 1) отражающие степень криминоген-

¹ См. Лейкина А.М. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С.9.

² См. Яковлев А.М. Индивидуальная профилактика преступного поведения. Горький, 1977. С.107-110, 40.

³ См. Блувштейн Ю.Д. Понятие личности преступника // Сов. гос. и право. 1979. №8, С.98-99.

⁴ См., например: Ведерников Н.Т. Понятие личности преступника // Вопросы предупреждения преступности. Томск, 1967. С.22-23; Закалок А.П. Проблемы социальной типологии и личности правонарушителя и преступника. М., 1984. С.12-21.

⁵ См. Антонян Ю.М. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения / Ю.М. Антонян, Ю.Д. Блувштейн. М., 1974.

⁶ См. Закалок А.П. Проблемы социальной типологии и личности правонарушителя и преступника. М., 1984. С.16

⁷ См. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С.31-32.

ного искажения личностных характеристик; 2) отражающие характер такого искажения; 3) раскрывающие социальный генезис становления личности на преступный путь¹.

Чаще всего встречается типология личности преступника, основывающаяся на личностно мотивационных свойствах изучаемой криминогенной личности. Это объясняется тем, что мотив - внутренне побуждение, субъективный смысл деятельности человека, он наиболее выпукло характеризует личность и, в первую очередь, ее специфические черты.

По мотивам выделяют следующие типы:

1. Корыстный - к этому типу относят лиц, совершающих или способных совершить преступление ради наживы.

2. Престижный или самоутверждающийся тип — часто встречающийся, особенно среди несовершеннолетних преступников. Ведущим у такого типа личностей является мотив самоутверждения. Это может проявляться в стремлении занять с помощью преступления более высокое положение в обществе, обладать престижными вещами, завоевать авторитет в микроокружении, утвердиться в референтной группе. Подобный тип личности представляет интерес прежде всего тем, что по престижным мотивам совершает самые разнообразные преступления, в которых мотивами традиционно признается то, что на самом деле является мотивировкой или дополнительным, второстепенным мотивом (например, хулиганства, убийства, кражи, изнасилования и др.).

3. «Игровой» тип включает в себя свойства, присущие лицам, совершающим преступления по игровым мотивам. Это, как правило, несовершеннолетние, для которых совершение преступлений является продолжением игры.

4. Насильственный тип - встречается довольно редко, так как следует различать насилие инструментальное (то есть для достижения иной цели) и насилие ради насилия, которое и является сущностью данного типа. Следовательно, к насильственному типу следует относить лиц, совершающих преступления с помощью насилия, когда применение его не является необходимым для достижения преступного результата. Поэтому убийства, причинение вреда здоровью, разбои, хулиганства могут совершаться как «насильственным» типом личности, так и иным.

5. «Сексуальный» тип характеризуется совершением половых и даже неполовых преступлений именно на сексуальной почве².

Следует отметить, что типология носит условный характер. В одном лице могут сочетаться признаки и мотивы различных типов, но все же можно вычленив ведущие черты, способствующие отнесению лица к тому или иному преступному типу.

Одним из направлений типологии можно назвать то, которое проводит дифференциацию и объединение личности преступника по взаимодействию личности с обществом и ситуацией. Так, А.Б. Сахаров по этому критерию выделил такие типы: 1) привычный, 2) профессиональный и 3) случайный.⁵ Развивая свое учение и детализируя его, А.Б. Сахаров выделил: 1) «случайных», 2) «ситуационных», 3) «неустойчивых», 4) «злостных» и 5) «особо опасных» преступников.³

Другое направление включает типологии по признаку социально-психологических особенностей. Примером может служить дифференциация преступников по степени криминогенной зараженности личности, предложенная А.Г. Ковалевым:

1. Глобальный преступный тип с полной преступной зараженностью. Лица, относящиеся к этому типу асоциальны, негативно относятся к труду и людям, не мыслят иной деятельности, кроме преступной. Основные их помыслы связаны с преступными замыслами.

2. Парциальный, с частичной криминогенной зараженностью, в котором соседствуют черты преступника и нормальной социализированной личности.

¹ См.: Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М., 1985. С.294.

² См.: Антонян Ю.М. Личность преступника / криминология. М., 1999. С. 146-147; Антонян Ю.М. Психология преступления и наказания / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. М., 2000, С. 33-38.

³ См.: Сахаров А.Б. Личность преступника и типология преступников // Соц. законность. 1973. №3. С.19-23.

3. Предкриминальный, к которому относятся лица, обладающие свойствами, определяющими совершение преступлений при определенных ситуациях. Представители этого типа характеризуются чрезвычайной эмоциональной возбудимостью и недостаточным самообладанием, либо предпочитают жить за счет других¹.

Личность каждого преступника индивидуальна, неповторима, своеобразна и необычна, в связи с этим в теоретическом и практическом планах необходимо изучение типологии личности преступника. Мы не сможем найти двух абсолютно одинаковых преступников по системе признаков, присущих каждому из них, даже, несмотря на схожесть преступлений, ими совершаемых. Сколь бы ни были разнообразны лица, совершающие преступления, но, поскольку они выделены в отдельный тип, следовательно, имеют общие черты и характеристики, которые являются достаточно устойчивыми. Это позволяет делить преступников на отдельные группы по схожим и различным чертам.

К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ И ПОКАЗАНИЯХ СПЕЦИАЛИСТА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Гришина Е.Б.,
адъюнкт кафедры уголовного
процесса Орловского юридического
института МВД России.*

Заключение и показания специалиста в настоящий момент являются полноценным средством доказывания в уголовном судопроизводстве. Появление данных видов среди перечня доказательств были вызваны практическими потребностями, кроме того, заключение и показания специалиста заметно расширили рамки использования специальных знаний в уголовном процессе. Вместе с тем этот вид доказательств пока воспринимается юридической общественностью неоднозначно и используется в практических целях чрезвычайно редко.

Доказательственное значение заключения и показаний специалиста, порядок их истребований, процессуальное положение среди ученых расценивается неоднозначно и критически, однако стоит заметить, законодатель сам дал достаточный повод для такого рода спорных суждений, так как нормы УПК РФ о данных видах доказательств сформулированы явно неудовлетворительно, что дает возможность их различного толкования.

Это обстоятельство не способствует правильному пониманию сущности заключения и показания специалиста, что будет серьезным препятствием для эффективного применения этого вида доказательств в следственной и судебной практике.

Так, например, ряд авторов справедливо указывают, что в ст. 58 УПК РФ в ее настоящей редакции ничего не говорится ни о праве, ни об обязанности специалиста давать какие-либо заключения. В ст. 168 УПК РФ, регламентирующей участие специалиста в следственных действиях, также не содержится указаний о порядке дачи специалистом заключений, а законодатель не счел необходимым внести соответствующие дополнения в указанную статью. Это обстоятельство следует считать упущением, так как процессуальный порядок истребования и представления заключения специалиста остался в УПК РФ нерегламентированным².

Принятое законодателем решение связать в ст. 74 УПК показания специалиста с данным им заключением в качестве единого средства доказывания также небезупречно.

¹ См.: Ковалев А.Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М., 1968. С.48-51.

² См.: Седова Т.А. Заключение и показания специалиста // Уголовный процесс России: Общая часть: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / А.И. Александров, С.А. Величкин, Н.П. Кириллова и др.; Под ред. В.З. Лукашевича. СПб., 2004. С.261-262; Кудрявцева А.В. Заключение и показания специалиста как вид доказательств в уголовном процессе России. // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сборник статей. В 3 частях. Часть 1. Вопросы уголовного судопроизводства. М., 2004. С.57 и др.

Законодатель связывает показания и заключение по признаку субъекта, участвующего в их формировании (специалист и эксперт), в то время как один и тот же субъект в данном случае участвует в формировании разных по сущности средств доказывания (показания формируются посредством преобразования устной вербальной информации должностным лицом, производящим допрос или очную ставку; заключение представляет письменную вербальную информацию, представленную следователем, дознавателю или суду). В этой связи профессор А.В. Победкин справедливо предлагает внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК и пункт 3 изложить в редакции «показания специалиста и показания эксперта», а п. 4 – «заключение специалиста и заключение эксперта», пункты 4, 5, 6 считать соответственно пунктами 5, 6, 7¹.

Реализовав предложения о процессуальном статусе лиц, дающих показания справочного характера (показания специалиста), законодатель расширил сферу процессуальных возможностей специалиста.

По мнению Ушакова А.Ю., использование заключения и показаний специалиста сторонами в уголовном судопроизводстве неодинаково - возможности по использованию данного вида доказательств у стороны обвинения гораздо шире. Автор предлагает проследить это на примере одного из участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения – следователя, который согласно УПК РФ самостоятельно определяет линию и ход расследования, и зачастую от его властного решения будет зависеть возможность по использованию заключения и показаний специалиста, полученных стороной защиты. Кроме того, следователь в полном объеме наделен законодателем необходимым процессуальным инструментарием, при помощи которого он может использовать в процессе доказывания такой вид доказательств, как заключение и показания специалиста.

Итак, Ю.А. Ушаков указывает, что УПК РФ, с одной стороны, дал возможность стороне защиты самостоятельно обращаться к сведущему лицу, назвав это «привлечением специалиста», предполагая, что это даст возможность использовать в процессе доказывания заключение и показания специалиста, тем самым уравнивая с возможностями стороны обвинения. Но с другой - не дал необходимого процессуального инструментария для полноценного использования возможностей специалиста и полученных в результате его деятельности доказательств².

На наш взгляд, Ю.А. Ушаков верно подметил применение принципа состязательности на этапе предварительного расследования, но он найдет свое выражение в том случае, если закон придаст заключению и показаниям специалиста, полученным стороной защиты, то же доказательственное значение, что и соответствующим доказательствам, добытым стороной обвинения. В УПК РФ необходимо прямо указать на то, что заключение специалиста может быть получено стороной защиты, обвинения, судом в порядке, установленном законом.

Представляется, что содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела реализуются в рамках привлечения специалиста к участию в следственных и иных процессуальных действиях.

Иные процессуальные функции специалиста, обозначенные в ч. 1 ст. 58 УПК РФ (привлечение специалиста для постановки вопросов эксперту, а также разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста), могут приобретать процессуальную форму показаний специалиста. Данные функции специалиста могут быть реализованы и посредством дачи им заключения. Однако следует учитывать, что получение показаний специалиста, в отличие от его заключения, - исключительная прерогатива должностных лиц, осуществляющих производство по делу. Кроме того, если заключение специалиста не может быть инициировано судом (ч.3 ст. 80 УПК), то показания специалиста, напротив, могут быть сформированы в ходе допроса специалиста судом³.

¹ См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание: монография. ТФ ГОУ ВПО РПА Минюста России. Тула: Папирус, 2007. С.281.

² См.: Ушаков Ю.А. Применение заключения и показаний специалиста в состязательном уголовном процессе. Нижегородская академия МВД России. Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 9. Сибирский юрид. институт МВД России. Ответ. ред. С.Д. Назаров. Красноярск. СЮИ МВД России, 2006. С.98.

³ См.: Победкин А.В. Указ. раб. С.284.

По мнению некоторых ученых, привлечение специалиста для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, реализуются только в ходе судебного разбирательства¹.

Е.В. Селина пишет, что для предварительного расследования устной формы общения со сведущим лицом, дающим справку, не предусмотрено. По мнению автора, это объясняется тем, что предварительное расследование не является ни устным, ни непосредственным, поэтому и результат привлечения специалиста на предварительном расследовании должен оформляться справкой. При этом Е.В. Селина предлагает предусмотреть в УПК возможность допроса специалиста в ходе предварительного расследования, поскольку это действие широко распространено на практике, но его результаты сейчас не имеют уголовно-процессуального значения².

Однако в уголовно-процессуальных нормах нет принципиальных возражений против того, чтобы вопросы перед специалистом в целях получения суждения по ним ставили также должностные лица, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Таким образом, специалист в российском уголовном процессе выступает: 1) в роли своеобразного технического помощника, оказывая содействие в обнаружении, закреплении и изъятии следов, предметов и документов, в применении различного рода технических средств, но не имеет права на самостоятельное исследование, его роль носит вспомогательный характер; 2) в качестве консультанта при изучении уголовного дела для постановки вопросов эксперту, а также разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

СООТНОШЕНИЕ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ И СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

*Давыдов М.В.,
адъюнкт кафедры уголовного
процесса Орловского юридического
института МВД России*

С 1 июля 2002 года на территории Российской Федерации действует новый Уголовно-процессуальный кодекс, который расширил перечень следственных действий, ранее неизвестных действующему УПК РСФСР, среди которых можно выделить и проверку показаний на месте. До законодательного закрепления на практике оно применялась довольно широко, но при этом оформлялось как следственный эксперимент, дополнительный осмотр места происшествия, допрос. Поэтому включение проверки показаний на месте в систему следственных действий является важным шагом для российского уголовно-процессуального законодательства.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что некоторые из авторов даже после законодательного закрепления данного следственного действия не признавали его как таковое вследствие его большого сходства с другими следственными действиями³. Действительно, проверка показаний на месте сочетает в себе ряд черт, свойственных допросу, осмотру, предъявлению для опознания, следственному эксперименту. Но при этом оно не повторяет ни одно из них, благодаря своим специфическим целям, задачам и условиям. Особенно большое сходство проверки показаний на месте усматривается со следственным экспериментом. Однако это сходство прослеживается лишь в общих правилах производства следственных действий: проверка показаний на месте и следственный эксперимент воспроизводят действия, имевшие место во время

¹ См.: Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2002. С.48; Зажицкий В.И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права // Российская юстиция. 2007. № 9, С.3.

² См.: Селина Е.В. Указ. раб. С.104.

³ См. например: Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. М.: «ТК Велби», 2003. С.277-280; Фурьгин Б.В. Процессуальные формы проверки показаний на месте // Государство и право, 2003. №7. С.36-38.

совершения преступления, и оба эти следственные действия могут быть осуществлены только после возбуждения уголовного дела и, как правило, на стадии предварительного расследования.

Следственный эксперимент согласно ст.181 УПК РФ рассматривается как самостоятельное следственное действие, которое проводится опытным путем, в результате чего воспроизводятся действия, обстановка и иные обстоятельства определенного события, направленные на проверку собранных доказательств, получения новых доказательств, а также проверку, выдвижение и опровержение следственных версий по уголовному делу.

Главная цель следственного эксперимента, как опытного действия, заключается в возможности проверяемого лица при определенно созданных искусственных условиях видеть, слышать, совершать какие-либо действия. Проверка показаний на месте же такой цели не преследует, ее цель усматривается в выявлении осведомленности лица относительно происходящего события в конкретной материальной обстановке.

Проверка показаний на месте, в отличие от следственного эксперимента, не требует моделирования той ситуации, в которой исследуемое событие происходило. Его сущность состоит в сопоставлении показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля относительно места и обстановки события, действий его участников с показаниями, данными этим лицом на допросе.

Так, если для проведения следственного эксперимента требуются создание специальных условий, максимально соответствующих периоду совершения преступления, то проверка показаний на месте не нуждается в этом, поскольку обстановка не реконструируется, а воспринимается в том виде, в каком она была на момент совершения преступления.

Если производство следственного эксперимента возможно в любом месте, наиболее соответствующем проверяемым условиям, то проверка показаний на месте проводится не иначе как в конкретном месте, определенном участником следственного действия. Кроме того, проверка показаний на месте может проходить в любых ситуациях, несмотря на погоду, время суток и года.

Отличительной чертой проверки показаний на месте является также и то, что проведение данного следственного действия возможно лишь с непосредственным участием ранее допрошенного лица, тогда как следственный эксперимент может производиться и без участия этого лица.

При проверке показаний на месте проверяются показания только одного лица (не допускается проверка показаний одновременно с несколькими лицами – ч.3 ст.194 УПК РФ), а в ходе следственного эксперимента возможно единовременное участие нескольких лиц (например, при установлении взаимного расположения участников).

В ходе следственного эксперимента следователь (дознатель) выступает в качестве организатора данного следственного действия: определяет место проведения, порядок и последовательность производства, условия эксперимента, определяет содержание опытов – одним словом, руководит всем ходом следственного эксперимента. И от того, насколько точно следователю (дознателю) удастся воспроизвести обстановку проверяемого события, в конечном итоге будет зависеть результат.

При производстве проверки показаний на месте проведение данных действий категорически запрещено, любое постороннее вмешательство в ход проверки со стороны следователя (дознателя) может повлечь за собой утрату получения новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В данном случае следователь предлагает лицу, чьи показания проверяются, указать путь следования к месту события, само это место и изложить связанные с ними обстоятельства. Невмешательство в данном случае выступает психологическим средством более углубленного осознания механизма совершенного преступления. А.В. Дулов правильно указывает, что присутствие на месте, где произошло преступление, воздействует на психику лица, давшего показания, приводит к оживлению процессов памяти и вызывает определенные переживания, связанные с данным местом¹.

Важно также отметить, что в ходе проверки показаний на месте проверяемое лицо непосредственно соприкасается с расследуемым событием в том месте, где оно происходило. По-

¹ См.: Дулов А.В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. М.: Издательство «Юридическая литература», 1973. С.134.

этому следователю (дознавателю) в процессе наблюдения за лицом легче прийти к выводу о причастности лица к проверяемому событию.

В случае проведения следственного эксперимента ситуация совершенно иная. Во-первых, место проведения следственного эксперимента не всегда совпадает с местом происшествия. Во-вторых, искусственно созданные условия не могут в полной мере отразить глубину исследуемого события. В-третьих, при моделировании условий зачастую лицо использует не сами вещественные доказательства, а их макеты, что, в конечном счете, не позволяет в полной мере пережить ту ситуацию, в которой лицо находилось в момент преступления.

Поэтому сведения, полученные в ходе проверки показаний на месте, позволяют максимально точно оценить ситуацию и принять по ней правильное решение. В отличие от следственного эксперимента, где воспроизведенная обстановка хоть и приближена к условиям, в которых совершено проверяемое действие, но при этом она не идеальна, что позволяет говорить о возможности, вероятности совершенного действия.

Важное отличие проверки показаний на месте от следственного эксперимента заключается в том, что при фиксации хода и результатов проверяемых событий в протоколе проверки показаний на месте основное внимание сосредотачивается на показаниях и объяснениях лица, участвующего в следственном действии, в особенностях его поведения, манере держаться, демонстрации своих действий и т.д.

В протоколе же следственного эксперимента характер фиксации хода и результатов проведения следственного действия несколько другой. Прежде всего, в протоколе следственного эксперимента описывается обстановка, в которой проверяемое действие совершается, последовательность этих действий, а также повторяемость их в различных условиях и, конечно же, полученные результаты. Показания и объяснения же участников следственного действия в протоколе не отражаются, а как правильно заметил М.Н. Хлынцов, они лишь выступают организационно-механической стороной, позволяющей оценить характер и степень восприятия результатов этих действий¹.

С учетом приведенных доводов можно сформулировать вывод о том, что следственный эксперимент на то и является экспериментом, что в ходе его производства проводятся опыты и испытания в специально созданных условиях, максимально приближенных к расследуемому событию, с целью установления фактических данных, имеющих значение для дела. Однако и при проверке показаний на месте устанавливаются обстоятельства, играющие важное значение для уголовного дела, но при этом происходит окончательное закрепление доказательств, но уже не посредством опытных действий, а с использованием непосредственной обстановки, в которой лицо демонстрирует событие или действие, имевшее место в момент совершения преступления.

Из всего сказанного выше следует, что хоть эти два следственных действия и схожи, однако их процессуальная природа не позволяет их отождествлять вследствие наличия у них существенных различий. Проверка показаний на месте, выступая самостоятельным следственным действием, позволяет в меньшей степени сомневаться в объективности полученных результатов. Это связано с тем, что проведение следственного эксперимента связано с большим количеством трудностей организационного характера, а, кроме того, результаты, полученные в ходе проведения следственного эксперимента, не всегда являются бесспорными, так как при производстве следственного эксперимента мы имеем дело с моделированной схемой обстановки, то при проверке показаний на месте лицо осматривает фактическую обстановку, в которой происходило преступление.

Таким образом, за последние годы, особенно в следственной практике, после законодательного закрепления данное следственное действие стало широко применяться. Анализ практики свидетельствует о распространенности и высокой эффективности проверки показаний на месте. Несмотря на то, что проверка показаний на месте по своей сути является сложным следственным действием, поскольку включает в себя элементы ряда других: осмотра места происшествия, допроса, следственного эксперимента, она тем не менее имеет самостоятельную процессуальную форму.

¹ См.: Хлынцов М.Н. Проверка показаний на месте. Саратов, 1971. С.20.

СОСТОЯНИЕ РЕЖИМА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ (1930-1941 ГГ.)

*Жукова О.С.,
аспирант Орловского государственного
технического университета*

В предвоенные годы режим в ИТЛ регламентировался Временной инструкцией о режиме содержания заключенных в ИТЛ НКВД СССР (1939г.), а в исправительно-трудовых колониях – Временной инструкцией о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых колониях НКВД СССР (1940г.) Особенности контингента заключенных, вытекающие из условий отбывания наказаний в ИТЛ или ИТК, предопределили необходимость издания двух инструкций, в которых наряду с общими требованиями для всех выделялись и специфические особенности.

В ИТЛ инструкция устанавливала два вида режима: общий и усиленный¹. Общий предназначался для отбывания наказания лицами, осужденными за общеуголовные преступления независимо от числа судимостей. Тем самым не исключалось влияние рецидивистов на впервые осужденных. Заключенные могли расконвоироваться индивидуально, в составе звеньев или бригад.

Усиленный режим предназначался для содержания заключенных за преступления, отнесенные к контрреволюционным. Они не подлежали расконвоированию и не могли использоваться на административно-командных должностях. По сравнению с заключенными общего режима значительно ограничивалось их право на свидание с родственниками, переписку, приобретение через торговую сеть продуктов питания и предметов первой необходимости.

Исправительно-трудовые колонии предназначались для содержания главным образом лиц, осужденных на срок до 3 лет. Здесь же предусматривалось содержание инвалидов и других больных, которые по этой причине не могли этапироваться в ИТЛ.

Для борьбы с преступностью в местах лишения свободы, а также в целях воздействия на лиц, систематически нарушающих установленный порядок, в ИТЛ и ИТК предусматривалась организация штрафных изоляторов с размещением их в зоне или за зоной. Наказанные в дисциплинарном порядке размещались в камерах, рассчитанных на 6-10 человек. Несколько иначе решался этот вопрос в штрафных лагерных пунктах или колониях. Начальником штрафного изолятора назначался вольнонаемный сотрудник. Наружную охрану несли только вольнонаемные стрелки из числа членов или кандидатов ВКП (б) и ВЛКСМ. Нарушители помещались в ШИЗО, в которых они содержались в одиночных камерах, на срок до 20 суток. На работу не выводились. Горячую пищу получали раз в 3 дня².

Лица, совершившие преступления в местах лишения свободы, направлялись в штрафные лагерные пункты или участки (колонии). Срок пребывания там зависел от состава преступления и вида исправительно-трудового учреждения, в котором ранее заключенный отбывал наказание (ИТК или ИТЛ). Повышенная социальная опасность направляемых сюда заключенных требовала усиления их охраны. Они были полностью лишены связи с родственниками. Привлекались только к тяжелым физическим работам.

Сравнительный анализ этого Положения с Положением о штрафных изоляторах ИТЛ ОГПУ (1933г.) показывает, что порядок содержания заключенных значительно изменился. Если раньше из заработанных средств заключенные через представителя администрации могли приобретать все, что полагалось всем заключенным, то теперь эта норма была исключена. Прежде они имели право отправлять одно письмо в месяц и раз в три месяца получать посылку, то теперь это исключалось. Была также аннулирована норма, допускавшая досрочное освобождение из штрафного изолятора по отбытии 1/2 срока с направлением на общелагерный режим.

¹ См.: Положением об ИТЛ (1930г.) в нём устанавливались 3 вида режима: первоначальный, облегченный и льготный.

² См.: Временная инструкция о режиме содержания заключенных в штрафных изоляторах в ИТЛ и ИТК НКВД СССР 1939.

Принимаемые меры по усилению изоляции и контроля за поведением заключенных, обеспечение соблюдения всеми сотрудниками ИТУ требований режима, анализ применения дисциплинарной практики с целью определения ее эффективности обуславливали создание специального аппарата и определения его функций.

В июле 1939 года, в целях укрепления режима содержания и изоляции заключенных, в управлениях ИТЛ организуются отделы, а в лагерях с числом заключенных до 15 тысяч человек отделения. Отделы (отделения) режима подчинялись заместителю начальника лагеря по военизированной охране (ВОХР), а там где их не было, лично начальнику лагеря. В крупных лагерях, имевших в своей структуре районы и отделения, в штаты вводилась должность инспектора по режиму.

В соответствии с «Временным положением об отделе режима Управления охраны Главного управления ИТЛ НКВД СССР и отделах режима в управлениях ИТЛ» на них возлагалась обязанность по изоляции заключенных, наблюдение за правильным проведением в жизнь приказов, за порядком содержания заключенных¹. В сентябре были утверждены типовые штаты отдела – отделения режима. При численности лагеря от 100 до 120 тысяч человек в отделе режима вводилось 14 должностей. Этим же приказом вводились должности цензоров из расчета один человек на 3000 заключенных².

Но уже 7 февраля 1940 года они были упразднены в связи с мерами по сокращению расходов на управленческие аппараты в стране.

Важнейшими элементами, определявшими содержание режима в местах лишения свободы, являлись изоляция заключенных от внешней среды и надзор за ними. В начале 30-х годов степень изоляции была относительно не высокой. Об этом свидетельствует статистика побегов из ИТЛ. В 1934 году из лагерей ГУЛАГа бежало 83490 заключенных, в 1935 году – 67493, в 1936 году – 58313, в 1937 году – 88264 заключенных³.

Для осуществления охраны лагерей и надзора широко привлекались сами заключенные. К январю 1939 года число стрелков военизированной охраны из среды заключенных в системе ГУЛАГа составляло 25 тысяч человек⁴. Лицам внутреннего надзора из числа заключенных в лагерях ОГПУ устанавливалась специальная форма одежды. В зависимости от занимаемого положения в системе надзора устанавливались соответствующие знаки – угольники на петлицах одежды работников внутреннего надзора⁵. Формирование военизированной охраны и надзора из числа заключенных имело свое преимущество перед вольнонаемными. Они несли службу значительно лучше, так как возвращение в среду заключенных имело для них весьма тяжелое последствие.

Широкое применение зачетов рабочих дней в срок отбытого наказания в исправительно-трудовых колониях и лагерях приводило к тому, что многие осужденные освобождались из мест лишения свободы, отбыв половину назначенного срока наказания. Между тем плановая экономика нуждалась в стабильной рабочей силе. В связи с этим руководство НКВД СССР в середине 1939 года принимает решение и входит в правительственные органы с ходатайством об отмене зачетов рабочих дней в срок отбытого наказания и условно-досрочного освобождения⁶.

Отмена зачетов и условно – досрочного освобождения повлекло за собой осложнение оперативно – режимной обстановки в местах лишения свободы. Это выразилось в усилении побеговой активности заключенных, в отказах от работы, в актах саботажа на производственных объектах, неподчинение законным требованиям администрации и т.п.⁷ В конфликтных ситуациях заключенные нередко использовали запрещенные предметы, которые несвоевременно

¹ См.: Приказ НКВД СССР. №107 от 25 июня 1939.

² См.: Приложение к приказу НКВД СССР. № 001086 от 10.09.1939.

³ См.: Земсков В.Н. «Архипелаг ГУЛАГ» глазами писателя и статистика // Аргументы и факты, 1989. № 45.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: ГАРФ, ф.9489, оп.2, д.50, л.405.

⁶ См.: Об отмене условно – досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТК и тюрьмах НКВД СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июня 1939.

⁷ См.: Об усилении борьбы с побегами и нарушениями лагерного режима: Циркуляр 3 отдела ГУЛАГ. №148. 1939.

изымались. Так, при проведении обыска заключенных в Локчимлаге в июне 1939 года изъято ножей – 1826, топоров – 347, игральные карты – 62 колоды, денег свыше установленной суммы – 224437 рублей. В Севураллаге изъято ножей – 596, топоров – 8, игральные карты – 371 колода, спиртных напитков – 102,5 литра¹.

Хотя руководство НКВД СССР было вынуждено прибегать к усилению карательных мер по отношению к лицам, дезорганизующим деятельность исправительно-трудовых учреждений, но оно все же понимало, что только такими мерами невозможно поддерживать должный правопорядок. Поэтому НКВД СССР в качестве смягчающих мер рекомендовало администрации на местах переводить положительно зарекомендовавших себя заключенных на облегченный режим, предоставлять более частые свидания с родственниками, увеличить сумму премиального вознаграждения, улучшать питание и вещевое снабжение и др.² Специальным указанием ГУЛАГа «О льготах» заключенным разъяснялось, что льготы в виде сокращения срока наказания, утвержденные ЦИК СССР, Президиумом Верховного Совета СССР, бывшей коллегией ОГПУ СССР и Особым Совещанием НКВД СССР полностью сохраняют свою законную силу³.

В первой половине 30-х годов для стимулирования трудовой активности заключенных руководство ГУЛАГа, по согласованию с Прокуратурой СССР, прибегало к начислению дополнительных зачетов рабочих дней в виде сокращения срока наказания до полутора лет. Поскольку эти льготы являлись незаконными, то они отменялись за исключением льгот за строительство Беломоро-Балтийского канала и канала Москва-Волга, применяемых на основании специального постановления Правительства СССР.

Перед войной применялись меры по усилению изоляции заключенных в соответствии с Временной инструкцией по режиму содержания заключенных в ИТК (1940г.) На Украине ряд колоний открытого типа преобразовывались в колонии закрытого типа. Вследствие этого из таких известных колоний как Бровары, Куряж, Вольно были выведены несовершеннолетние⁴.

В конце 30-х годов усиливается надзор за деятельностью администрации мест лишения свободы со стороны органов прокуратуры. Для оказания помощи органам прокуратуры в решении поставленных перед ними задач заместитель наркома Чернышев издал в июне 1940 года специальный приказ, адресованный начальникам управлений ИТЛ, ОИТК, ИТК, трудовых колоний для несовершеннолетних и начальникам тюремных отделов НКВД – УНКВ. В соответствии с данным приказом впредь копии всех издаваемых приказов, приказаний и циркулярных распоряжений, регулирующих деятельность в части лагерного распорядка и режима, направлялись для сведения соответствующим прокурорам, осуществляющим надзор за этими объектами⁵.

В 1940 году ГУЛАГ возглавлял систему мест лишения свободы, состоявшую из исправительно-трудовых лагерей, исправительно-трудовых колоний, тюрем, следственных тюрем, колоний для несовершеннолетних и бюро исправительных работ. ГУЛАГ в своей деятельности по размещению, обеспечению режима и охране заключенных руководствовался постановлениями партии и правительства и разработанными по этим вопросам инструкциями и приказами НКВД СССР.

В основу режима содержания правонарушителей в конце 30-х годов были положены принципы:

- 1) обеспечения надежной изоляции в соответствии с тяжестью уголовного наказания;
- 2) наибольшей эффективности труда заключенных;
- 3) обязательности работы каждого заключенного по назначению администрации;
- 4) поощрения честного отношения к труду и соблюдения режима;
- 5) административного и уголовного воздействия в отношении лиц, нарушающих установленный порядок отбывания наказания.

¹ См.: Приказ НКВД СССР. № 147. 1941; №196. 1941. и др.

² См.: Приказ НКВД СССР. № 6. 1940.

³ См.: Указание ГУЛАГа НКВД СССР. №35/928775 от 17 июня 194.

⁴ См.: Архив МВД Украины. Ф.33. Оп.1. Д.18. Л.31.

⁵ См.: Приказ НКВД СССР. №160 от 28 июня 1940.

Обращает на себя внимание тот факт, что в первой половине 1941 года Прокуратура СССР предпринимала меры по усилению контроля за правильностью оформления администрацией мест лишения свободы заявлений осужденных о пересмотре дела и т.д. Заместитель прокурора СССР К. Мокичев 20 мая 1941 года направил в адрес прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей директивное письмо¹. «Несмотря на указание Прокуратуры СССР от 29.01.1941 года № Пр /17, - писал К. Мокичев, - взять под особый контроль и систематически проверять в поднадзорных Вам местах заключения, как поставлено дело в части надлежащего оформления заявлений заключенных, подаваемых о пересмотре дел и т.д., т.е. приобщение к заявлению справки с установочными данными и характеристикой на заключенных, это указание некоторыми прокурорами не выполняется. Это подтверждается тем, что администрация мест заключения, не чувствуя за собой контроля, относится халатно к запросам прокуратуры и следственных органов о высылке справок и характеристик на заключенных, нарушая тем самым приказ НКВД СССР №0039 от 31.01.1941 года. Вследствие этого задерживается принятое решение по заявлениям заключенных».

В связи с таким положением дел заместитель Прокурора СССР потребовал неукоснительно соблюдать ранее данные указания от 29.01.1941 года № 7 Пр 7 и от 27.02.1941 года № 17/12201/с и обязал вторично проверить в соответствии с приказами НКВД СССР № 209 от 30.08.1940 года и от 31.01.1941 года № 039 состояние работы администрации колоний, лагерей и тюрем по оформлению и направлению заявлений заключенных и не допускать нарушения этих приказов.

На наш взгляд, необходимо отметить, что непосредственно перед войной руководство ГУЛАГа и Прокуратура СССР мобилизовали свои совместные усилия на укрепление режима содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях, создавая тем самым объективные условия для повышения эффективности решаемых заключенными задач в тот период времени.

Проведенный анализ состояния режима в ИТЛ и ИТК в 30-х годах позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего, необходимо отметить его постоянное совершенствование и укрепление по мере нарабатываемого опыта. Прослеживается четкая тенденция на сокращение использования на административно-хозяйственных должностях заключенных, что, несомненно, способствовало укреплению режима. Постоянно совершенствовалась нормативная база, регулировавшая режим в местах лишения свободы. К концу 30-х годов режим содержания заключенных в лагерях и колониях регулировался специальными инструкциями, исключавшими локальное нормотворчество в этой исключительно важной сфере исполнения наказания в виде лишения свободы со стороны начальников ИТЛ и УИТЛК. Все это вместе взятое способствовало укреплению режима содержания осужденных в преддверии Великой Отечественной войны и сыграло свою позитивную роль в военное время.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОГО ИСТОЧНИКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫХ ИЗ КОНОПЛИ

*Заугольников С.Л.,
преподаватель кафедры ПС и ОСП
Курского филиала Орловского
юридического института МВД России*

При расследовании уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, актуальным вопросом является проведение сравнительных экспертиз наркотических средств, изготовленных из конопли (марихуаны, гашиша) с целью установления общего источника происхождения (принадлежности к так называемой «единой массе»). Для достижения этой цели в схему исследования включаются методы, позволяющие выявить признаки внешне-

¹ См.: Указание Прокуратуры СССР от 20 мая 1941 г. №17/25605с.

го вида и химического состава, связанные с особенностями условий произрастания конопли, со способами изготовления и дополнительной обработки, особенностями сырья, условиями хранения и др.

В типовую схему криминалистического сравнительного исследования наркотических средств растительного происхождения входят:

- внешний осмотр (визуальный осмотр);
- ботаническое исследование (по возможности; криминалистическая лупа);
- микроскопическое исследование (микроскоп);
- исследование органических компонентов (газовый хроматограф с пламенно-ионизационным детектором, газовый хроматограф с масс-селективным детектором).
- исследование минеральных компонентов (атомно-абсорбционный спектрометр, атомно-эмиссионный спектрометр, рентгено-флуоресцентный спектрометр);
- определение зольности (муфельная печь).

При подготовке материалов для назначения сравнительных экспертиз в отношении наркотических средств растительного происхождения следует учитывать следующие правила.

1. Сравнительному исследованию подлежат только наркотические средства, относящиеся к одному виду. Например, невозможно проводить сравнительное исследование марихуаны и гашиша, т. к. эти объекты относятся к разным наркотическим средствам.

2. Сравнимые объекты должны быть сопоставимы. Так, два образца марихуаны, имеющие разное соотношение листовых пластин, соцветий и стеблей (например, один образец состоит исключительно из листовых пластин, а второй - практически только из фрагментов стеблей), являются несопоставимыми и не подлежат сравнительному исследованию.

При этом следует иметь в виду, что каннабиноидный состав марихуаны и гашиша значительно варьируется в зависимости от условий произрастания конопли и способа изготовления наркотического средства. В изготовленном наркотическом средстве количественное содержание каннабиноидов также непостоянно и может изменяться в процессе хранения (в зависимости от внешних условий и длительности). В случае если отдельные части изначально одного вещества (так называемой «единой массы») хранятся в различных условиях, то вопрос об их принадлежности к некоей общей совокупности (по сути – к первоначальной, исходной) характеризуемой понятием «единая масса», не может адекватно соответствовать обстоятельствам дела.

Каждый из сравниваемых образцов (минимум - двух) наркотического средства марихуана (гашиш) может быть изготовлен:

- в результате объединения различных частей отдельных экземпляров растений конопли, произрастающих в одинаковых почвенно-климатических условиях;
- в результате объединения однотипных частей отдельных экземпляров растений конопли, отличающихся по месту произрастания;
- с использованием частей одного и того же растения конопли, располагавшихся на конкретном растении на разной высоте (что влияет на химический состав).

Необходимо учитывать, что в условиях кустарного изготовления (хранения) наркотического средства марихуана, «масса», внешне кажущаяся «единой», вероятнее всего будет характеризоваться неоднородностью перемешивания по всему объему отдельных «порций», из которых она (масса) была поэтапно сформирована.

В связи с этим следует подчеркнуть роль грамотного отбора проб наркотических средств для последующего успешного решения сравнительных вопросов. По возможности, необходимо тщательно оценивать условия хранения наркотических средств и их внешний вид. Следует понимать, что если различные образцы марихуаны (дифференцируются по цвету, степени измельчения, влажности и т.п.) хранятся в территориально близких условиях (например, разные «партии» марихуаны - в одной емкости, на одной полке и т.п.), не исключая их взаимного перемешивания, то эти отдельные образцы, при некорректном (недифференцированном) изъятии и упаковке могут быть перемешаны и фактически станут «единой массой», хотя, по сути, ее не составляли. Неправильное изъятие наркотического средства (отбор проб) может в дальнейшем (при производстве физико-химических экспертиз) привести к получению неадекватных обстановке места происшествия выводов и способствовать направлению органов следствия и дознания по ложному пути. Важно помнить, что ошибки, допущенные при фикса-

ции и изъятии объектов на месте происшествия исправить невозможно, т.к. невозможно в точности воссоздать исходную обстановку.

Также в данном случае необходимо уделить повышенное внимание детальному проведению фиксации (фотографирования, видеосъемки), что будет способствовать правильной оценке соответствия условий хранения (обнаружения) наркотических средств и их упаковки (изъятия).

Учитывая сказанное выше, можно сделать вывод о том, что понятие «единая масса» (особенно при формулировании отрицательного вывода) становится весьма условным и требует от следователя (дознателя) грамотной трактовки полученной криминалистической информации.

В этом случае более корректно говорить о сходстве (различии) состава исходного растительного сырья, использованного для изготовления сравниваемых между собой образцов марихуаны, другими словами – о «едином источнике происхождения по использованному сырью и едином источнике происхождения по месту произрастания».

Формулировать вопрос рекомендуется следующим образом:

- «Имели ли единый источник происхождения (составляли ли ранее единую массу) вещество растительного происхождения, находящееся в упаковке №1 и вещество растительного происхождения, находящееся в упаковке №2?»

В связи с тем, что вопрос о едином источнике происхождения наркотических средств растительного происхождения в настоящее время недостаточно разработан и научно обоснован, утвержденные методические рекомендации по данной проблеме отсутствуют, ответы на поставленный вопрос могут быть даны только в вероятной форме.

Ответ в вероятной положительной форме рекомендуется давать в следующем виде: «Вещества растительного происхождения, находящиеся в упаковке №1 и находящиеся в упаковке №2 (наркотическое средство *марихуана*), одинаковы между собой по внешнему виду, качественному химическому (каннабиноидному) составу, количественному каннабиноидному составу (абсолютному содержанию тетрагидроканнабинола и относительному количественному содержанию сопутствующих каннабиноидов), зольности (массе зольного остатка) и, вероятно, могли ранее иметь общий источник происхождения по использованному сырью».

При совпадении также и минерального (микроэлементного) состава сравниваемых объектов можно говорить о «едином источнике происхождения по месту произрастания».

Ответ в вероятной отрицательной форме рекомендуется давать в следующем виде: «Вещество растительного происхождения, находящееся в упаковке №1 (наркотическое средство марихуана), и вещество растительного происхождения, находящееся в упаковке №2 (наркотическое средство марихуана), одинаковы между собой по ... (указываются исследованные признаки), но различаются друг от друга по ... (указываются исследованные признаки) и, вероятно, не имели общего источника происхождения».

Формулирование вероятного положительного или отрицательного вывода проводится экспертом на основании совокупности данных, полученных с применением различных методов, и при достаточном обосновании может быть основано на отдельных признаках сходства.

Особое внимание стоит обратить на то, что в каждом конкретном случае вопрос о назначении физико-химической экспертизы (исследования) по установлению единого источника происхождения марихуаны следует предварительно согласовывать с экспертом-химиком (специалистом), а после выполнения экспертизы – уточнять криминалистический смысл сделанного вывода и возможности использования полученной информации для корректной ее оценки и эффективного использования в раскрытии и расследовании преступлений.

Важно отметить, что вероятный *отрицательный* вывод нельзя оценивать как *негативный*, так как в конкретном рассматриваемом случае он дает даже большие возможности для выдвижения оперативных и следственных версий, нежели вероятный положительный вывод.

Литература:

1. Семкин Е.П. Экспертное исследование гашиша: Методическое пособие / Е.П. Семкин, Г.Г. Бутрименко, О.Н. Буров, Н.М. Кузьмин // под ред. Э.А. Бабаяна. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1976. – С.57.
2. Волков А.В. О возможности использования рентгенофлуоресцентного спек-

трального анализа в комплексном исследовании наркотических средств, изготавливаемых из растений рода конопля / А.В. Волков, И.А. Литвинова, Е.Б. Подгорная. – С-Пб.: сб. Альманах судебной медицины. – 2004. – № 7.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

*Захарова Е.И.,
преподаватель кафедры уголовного
процесса Орловского юридического
института МВД России*

Важным условием эффективного развития любого общества является адекватность практики использования мер пресечения в уголовном процессе господствующим экономическим отношениям. Поэтому широкое распространение и активное использование домашнего ареста как меры пресечения закономерно в государствах с высокоразвитой рыночной экономикой. Характерно, что практика реализации данной меры всесторонне разработана в США и странах Евросоюза.

В условиях рыночной экономики немаловажно и другое. Применяя домашний арест в качестве меры пресечения, государство избегает значительных затрат на содержание лиц, помещаемых в следственные изоляторы. На освободившиеся бюджетные средства можно улучшить условия пребывания под стражей тех, кого нельзя оставлять на свободе. Для обвиняемых и подозреваемых домашний арест как мера пресечения обычно более предпочтительна, поскольку оставляют их в привычной среде, не помещая в жесткие условия следственного изолятора.

В России мера пресечения – домашний арест – предусматривалась еще в XIX веке со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (1864 по 1903). Согласно Уставу обвиняемый оставался в своей квартире и к нему представлялась стража «для воспрепятствования побегу и предупреждения сношения с другими лицами»¹. Но при этом ввиду проблемности осуществления данная мера применялась только к больным и лицам «видного общественного положения»². Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года также предусматривал эту меру пресечения (1922-1926 г). В УПК Российской Федерации 2001 г. домашний арест как мера пресечения существует с 1 июля 2001 года.

Домашний арест так же, как заключение под стражу, имеет своей целью пресечь для подозреваемого, обвиняемого возможность скрыться от следствия и суда, совершать преступления, незаконным образом препятствовать производству по уголовному делу (ст. 97 УПК РФ). Домашний арест заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете общаться с определенными лицами; получать и отправлять корреспонденцию; вести переговоры с использованием любых средств связи.

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьей 108 («Заключение под стражу») Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств³.

Но практика применения домашнего ареста как меры пресечения крайне незначительна. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2004 году суды рассмотрели 892 ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, из которых удовлетворили 838; в 2005 году рассмотрено таких ходатайств уже только 555, из которых удовлетворены 518. Эта тенденция объективно связана со значительным ростом

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. С.337.

² Там же. С.337.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. 2001 г.

числа судебных решений об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: в 2004 году суды удовлетворили 221 635 соответствующих ходатайств, в 2005 году - 254 554¹.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что домашний арест, предусмотренный ст. 107 УПК РФ, не имеет перспективы стать сколько-нибудь значимой мерой пресечения в системе процессуального принуждения в качестве альтернативы заключению под стражу. Основная причина состоит в том, что правоохранительная система не готова к применению домашнего ареста.

Законодателем не установлены правила и порядок исполнения данной меры пресечения². В частности, не определено, когда, как, при каких обстоятельствах и на какой период подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут покинуть место постоянного или временного жительства, по которому исполняется домашний арест; возможно ли посещение ими работы, больницы, поликлиники, детских воспитательных учреждений (если, например, человек один воспитывает нуждающегося в уходе ребенка или ухаживает за больным родственником); в какой период возможно покинуть квартиру, дом, дачу и т. п. и на какой срок (например, от одного до шести часов) и т. д.

Так, например, есть факты, когда суд своим решением разрешил покинуть жилище на срок до 3 часов в сутки, в другом случае - ограничил расстояние, на которое можно отходить от дома³.

Вызывает споры вопрос о возможной ответственности обвиняемого, подозреваемого за нарушение установленных судом ограничений. Какой орган и каким образом должен осуществлять надзор за надлежащим исполнением домашнего ареста и установленных в связи с ним ограничений?

Остается неурегулированным срок домашнего ареста и порядок продления данного срока.

Нет ясности в запрете на отправку корреспонденции. В том случае, если обвиняемый проживает вместе с близкими родственниками или близкими лицами, такой, например, запрет, как получать и отправлять корреспонденцию, не всегда будет эффективным по той причине, что информация, имеющая значение для уголовного дела, может содержаться не только в корреспонденции, адресованной самому обвиняемому, но и в той, что поступает на имя лиц, с ним проживающих. Подвергнуть этих лиц данному (или иному) запрету невозможно, так как они не находятся под домашним арестом.

Однако в отличие от лиц, пребывающих под домашним арестом, подозреваемым и обвиняемым, находящимся в местах содержания под стражей, разрешается вести переписку с родственниками и иными лицами без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем. Переписка этих лиц подвергается цензуре⁴.

Наряду с этим подозреваемым и обвиняемым, которым в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу не запрещается вести телефонные переговоры. Они возможны только под контролем администрации с разрешением следователя либо суда и т.д.⁵ Таким образом речь идет не о запрещении, а об ограничении основного права граждан, предусмотренного ч. 4 ст. 29 Конституции РФ.

Не урегулирован механизм осуществления надзора за надлежащим исполнением домашнего ареста и установленных в связи с ним ограничений.

Одним из активных методов надзора за надлежащим поведением обвиняемого по соблюдению установленного ограничения и запретов является применение электронных средств контроля, которые апробированы во многих зарубежных странах (США, Швеция, Германии,

¹ Бородинов В.В. Домашний арест «без права переписки» // Российская юстиция. 2007. № 3. С.30.

² Мельников В.Ю. Проблемы применения домашнего ареста как меры пресечения // Журнал российского права. 2007. № 3. С.73.

³ Справка о результатах обобщения практики применения органами прокуратуры нового уголовно-процессуального законодательства. Управление методического обеспечения Генеральной прокуратуры РФ. М., 2003.

⁴ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995. № 103-ФЗ. п. 7 ст. 16, п. 8 ст. 17, ст. 20.

⁵ Там же п. 6 ч. 2 ст. 17.

Австрия, Великобритания, Бразилия и др.). Интересен шведский опыт домашнего ареста - интенсивный надзор с применением электронного мониторинга (применялся в качестве меры наказания в отношении лиц, которые осуждены не более чем на 3 месяца лишения свободы).

Надзор заключается в том, что лицу, за которым установлено наблюдение, на лодыжке закрепляется манжетка со специальным передатчиком, направляющим радиосигналы на компьютер в офисе управления исполнения наказания. В компьютере заложен режим для каждого осуждённого: учёба, работа, дом и маршруты передвижения. Если последний нарушает своё расписание, то срабатывает сигнализация.

Одной из основных сложностей применения подобного рода слежения станет стоимость этой системы. Так, как отмечает Ю.Г. Овчинников¹, введённая в Швеции в 2000 г. она обошлась государству в 20 миллионов долларов. В среднем ежедневно под её наблюдением находятся 300 человек. Расходы в день на одного суждённого с «браслетом» - 70 долларов, а его содержание в тюрьме (шведской) обошлось бы в 200 долларов.

Также актуальным является вопрос о законодательном регулировании использования технических средств при применении новой меры пресечения. Технические средства контроля, применяемые при домашнем аресте, именуется в зарубежных государствах по-разному: система электронного наблюдения, система электронного мониторинга или электронные средства контроля. Отечественное процессуальное законодательство насыщено понятием «технические средства». Криминалисты данное определение рассматривают как совокупность реально существующих приборов, технических устройств, приспособлений, применяемых в целях эффективного расследования и предупреждения преступлений². Поэтому представляется важным в УПК РФ положение о том, что судья вправе применить к обвиняемому с его согласия технические средства в целях осуществления надзора и возложить на него обязанность носить их при себе.

Представляется целесообразным определить также порядок применения меры пресечения в виде домашнего ареста к несовершеннолетним при наличии специальных условий, свидетельствующих о необходимости их строгой изоляции от общества, поскольку особая юридическая защита несовершеннолетних одна из основных задач ювенальной юстиции, и ее решение занимает особое место в российском уголовном процессе.

Согласно ч. 3 ст. 107 УПК РФ в постановлении или определении суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения указываются конкретные ограничения, которым подвергается подозреваемый, обвиняемый, а также указываются орган или должностное лицо, на которые возлагается осуществление надзора за соблюдением установленных ограничений.

Передавая решение рассматриваемых вопросов суду, законодатель стремился гарантировать квалифицированное применение домашнего ареста как меры пресечения в условиях отсутствия готовности к этому некоторых других правоохранительных органов.

Но вместе с тем не определена процедура судебной проверки законности, обоснованности применения домашнего ареста. Следует обратить внимание на то, что домашний арест в качестве меры пресечения избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены ст. 108 УПК РФ, посвященной заключению под стражу. Однако если в отношении заключения под стражу предусмотрен специальный кассационный порядок обжалования, то в отношении домашнего ареста применяется общий порядок обжалования действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

В связи с этим ст. 107 УПК представляется обоснованным предложением П. Стрехова дополнить ч. 4 следующим содержанием: «Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста или об отказе в этом может быть обжаловано в порядке, установленном частью 11 статьи 108 настоящего Кодекса»³.

¹ Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: Научно-методическое пособие. М. 2006. С.138.

² См.: Криминалистика: Учебник / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб.: Лань, 2001. С.80.

³ Стрехов П. Судебный контроль и проблемы применения домашнего ареста и залога в качестве мер пресечения / П. Стрехов, И. Стрехова. С.82.

В результате судебный контроль за применением домашнего ареста будет не препятствовать, а способствовать развитию практики применения данной меры пресечения.

Очевидно, что домашний арест как мера пресечения существует, применяется. Однако четкой регламентации ее применения, исполнения, контроля нет. Весь комплекс проблем не может быть урегулирован только внесением изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Весь комплекс проблем не может быть урегулирован только внесением изменений в УПК.

Эти вопросы необходимо решать на законодательном уровне путем разработки и принятия соответствующего федерального закона. Более детально процессуально-правовые отношения между арестованным и должностным лицом (или органом), осуществляющим надзор, должны быть указаны в ведомственных нормативных актах.

ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ В ХОДЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Карпушкин О.С.,

*к.ю.н., преподаватель кафедры
уголовного права и уголовного
процесса Академии ФСО России*

Социальные процессы и изменения в жизни страны, связанные с формированием рыночных отношений, отразились и на состоянии преступности. За последние годы появились новые преступления, в том числе и экономические, большинство которых направлено на извлечение выгоды и получение сверхдоходов. Полученные в результате совершения преступлений в сфере экономической деятельности доходы зачастую служат финансовой базой для формирования и существования организованной преступности. Вместе с тем экономическая безопасность страны является составляющей национальной безопасности России. Без мощной экономики государство не в состоянии выполнить свои основополагающие функции в области управления, обороны, социального развития. От состояния экономики зависит величина доходов, поступающих в государственный и местные бюджеты.

Анализ количества преступлений экономической направленности свидетельствует о необходимости разработки более действенных методик выявления и расследования данных преступлений. Об этом же свидетельствуют данные статистики: так, в 2006 г. в России было зарегистрировано 489554 преступлений экономической направленности, что на 11,8% больше, чем в 2005 г, из них – 92317 преступлений в сфере экономической деятельности¹. В то же время в 2007 г. было зарегистрировано 459198 преступлений экономической направленности, что на 6,2% меньше, чем в 2006 г, из них – 84665 преступлений в сфере экономической деятельности². Из всех зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности в 2006 г. в суд было направлено всего 19654 уголовных дел, а в 2007 г. – 22182 уголовных дела.

Указанные данные свидетельствуют о том, что правоохранительные органы нуждаются в более действенных методиках формирования доказательственной базы по выявленным преступлениям. При этом, поскольку основными источниками формирования доказательственной базы по преступлениям данной категории являются документы, данные бухгалтерского и налогового учетов, налоговая отчетность, большое значение имеет более эффективное использование всех возможностей экономической информации при раскрытии и расследовании преступлений.

Истребование и получение органами внутренних дел этих документов является залогом успешного выявления и раскрытия данных преступлений. В практической работе на этом этапе деятельности, направленной на выявление и пресечение налоговых преступлений, сотрудники ОВД сталкиваются со значительными сложностями, наличие которых обусловлено рядом факторов, одним из которых является ограниченность средств и методов, используемых ОВД

¹ Состояние преступности в России за январь - декабрь 2006 г. М., 2007.

² Состояние преступности в России за январь - декабрь 2007 г. М., 2008.

на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении или получении оперативной информации о нем¹.

Истребование материалов в юридической науке может рассматриваться как требование о предоставлении предметов, документов, имеющих отношение к проверяемому факту преступления, осуществляемое посредством их запроса. Так, в соответствии с п.п. 4 и 30 ч.1 ст.11 Закона РФ «О милиции» ОВД предоставлено право получать от граждан и должностных лиц необходимые объяснения, сведения, справки, документы и копии с них.

Затребовать можно практически любые документы организации: содержащие данные бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности, состоящей из бухгалтерского баланса, отчета о прибылях и убытках (с приложениями), аудиторского заключения и т.п. Как показывает практика, значение для установления факта совершения преступления могут иметь любые документы, отражающие финансово-хозяйственную деятельность организации либо индивидуального предпринимателя.

В то же время с целью уклонения от уголовной ответственности организациями или индивидуальными предпринимателями запрашиваемая информация и документы в нарушение закона могут не предоставляться с целью их последующего уничтожения, а иногда с мотивацией, что запрашиваемая информация содержит налоговую или банковскую тайну.

Порядок предоставления информации, содержащей налоговую или банковскую тайну, определен в ст.36 НК РФ и ст.857 ГК РФ. Специальный порядок получения информации о счетах, вкладах и по операциям физических и юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей предусмотрен ст. 26 ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности», в соответствии с ч. 3 которой «справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией органам внутренних дел при осуществлении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению налоговых преступлений».

Изложенное позволяет сделать вывод, что ч. 3 ст. 26 рассматриваемого закона содержит прямое указание, согласно которому сведения по операциям и счетам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей выдаются ОВД (и ее территориальным подразделениям) без согласия прокурора и наличия возбужденного уголовного дела.

Таким образом, организации и индивидуальные предприниматели за непредоставление запрашиваемой информации могут быть привлечены к административной ответственности в соответствии со ст.19.3, 19.7 КоАП РФ, а согласно ст.27.10 КоАП РФ сведения о финансово-хозяйственной и налоговой деятельности организации, имеющие значение доказательств по делу об административном правонарушении и обнаруженные на месте административного правонарушения, могут быть получены путем их изъятия в присутствии двух понятых.

В данном случае изъятие указанных сведений и документов оформляется протоколом изъятия вещей и документов, а исходя из буквального толкования ст.27.10 КоАП РФ, его необходимым условием является совершение организацией или индивидуальным предпринимателем административного правонарушения². С практической точки зрения это достаточно проблематично и обязывает сотрудников ОВД в первоначальные материалы включать протоколы об административном правонарушении, иначе ставится под сомнение законность изъятия данных документов вообще.

Кроме того, в случае непредоставления организацией финансово-хозяйственной документации, ее уничтожения, факты совершения преступлений могут быть скрыты, а виновность преступников так и не доказана. В связи с чем возникает обоснованная потребность практики в получении интересующей документации другими способами, предусмотренными действующим законодательством.

Так, в соответствии с п.25 ст.11 Закона РФ «О милиции» ОВД по мотивированному постановлению начальника или его заместителя предоставлено право проводить осмотр производственных, складских, торговых и иных служебных помещений, других мест хранения

¹ Коршунов А.В., Загорьян С.Г. Расследование налоговых преступлений: Учеб. метод. пособ. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2004. С.15.

² Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Под ред. Ю.М.Козлова. М.: Юрист, 2002. С.1059.

и использования имущества, при наличии данных о нарушении законодательства, регулирующего финансовую, хозяйственную, предпринимательскую и торговую деятельность, в целях установления оснований для возбуждения уголовного дела или дела об административном правонарушении. Осмотр производится в присутствии двух понятых, а также представителя юридического лица, индивидуального предпринимателя или его представителя. В ходе осмотра сотрудники милиции вправе изучать документы организаций и граждан и их изымать с обязательным составлением протокола и описи, а также с их обязательным возвращением в течение семи суток.

Вместе с тем в последнее время получили широкое распространение технические средства ведения финансово-хозяйственной отчетности предприятия: «1С-Бухгалтерия», «Зарплата+Кадры», «Налогоплательщик», «Торговля+Склад» и другие. Недобросовестные налогоплательщики используют компьютерные средства для ведения «черновой» бухгалтерии, где отражают реально осуществленные сделки и фактически полученные доходы. Такая информация незаменима при проверке заявления, сообщения о преступлении. Таким образом, кроме изъятия документации финансово-хозяйственной отчетности, возникает необходимость изъятия и компьютерных средств.

Мы разделяем позицию М. Гаврилова и А. Иванова, считающих, что «изъятие компьютерных аппаратных средств может быть обосновано в случаях, когда есть убедительное предположение, что аппаратура ... содержит информацию, имеющую значение для расследования преступления, исследование которой требует специального оборудования, программного обеспечения или привлечения сведущих лиц»¹. Изымать технические средства носителей информации имеет смысл и в том случае, когда есть достаточные основания полагать, что электронная информация, содержащая сведения о противоправной деятельности налогоплательщика, направленной на уклонение от уплаты налогов, может быть уничтожена.

Вместе с тем разделяем точку зрения О. Соколовой, считающей, что п.25 ст.11 Закона РФ «О милиции» при производстве проверок и ревизий предоставляет право лишь на изъятие документации, что означает невозможность изъятия компьютеров².

Поэтому сотрудники ОВД вынуждены использовать более эффективные формы получения необходимых документов в процессе выявления преступлений в сфере экономической деятельности или в процессе проверки заявления, сообщения о них. Единственным законным основанием получить требующиеся документы и изъять технические средства ведения финансово-хозяйственной отчетности предприятия становится их изъятие в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Пункт 1 ч. 1 ст. 15 ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» позволяет органам милиции при наличии оснований, предусмотренных ст. 7 этого закона, при осуществлении оперативно-розыскной деятельности производить изъятие предметов, материалов и сообщений, свидетельствующих о признаках преступлений, в том числе и до возбуждения уголовного дела. Согласно этой статье, изъятие предметов, материалов и сообщений допустимо осуществлять при проведении всех гласных оперативно-розыскных мероприятий, в том числе при обследовании помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (п. 8 ст. 6 указанного закона). В такой правовой форме и проводились изъятия документов практически по всем изученным нами уголовным делам.

В настоящее время имеется положительная судебная практика по вопросу правомерности проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как «обследование помещений», изъятия при его проведении документов и технических средств, дальнейшего их использования в качестве доказательств по уголовным делам. Например, Конституционный Суд РФ в своем определении от 15.07.2004 г. №304-О отметил, что проведенные на основе Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» изъятия предметов и документов, конституционные права и свободы граждан не нарушают.

С учетом вышеизложенного считаем, что предметы и документы, изъятые в ходе «обследования помещений», как одного из оперативно-розыскных мероприятий, проводимого

¹ Гаврилов М. Следственный осмотр при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / М. Гаврилов, А. Иванов // Законность. 2001. № 9. С.15.

² «БУХ.1С», №3, март 2005 г.

оперативными работниками на основании постановления в присутствии двух понятых, являются поводами и основаниями для возбуждения уголовного дела о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Проведение обследования и дальнейшая работа с изъятыми документами и предметами определяется сроками, необходимыми для решения вопросов и возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела (ст.145 УПК РФ). Таким образом, на настоящий момент обследование помещений и изъятие в ходе него необходимых предметов и документов является для ОВД наиболее оптимальным инструментом сбора информации, сроков ее обработки, закрепления и легализации.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ, НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Клевцов В.В.,
*адъюнкт кафедры криминалистики
и предварительного расследования
в ОВД Орловского юридического
института МВД России*

Проблемы наркомании среди молодежи уже много лет являются актуальными для нашей страны. Данные государственной статистики свидетельствуют о стабильно высоком уровне учтенной распространенности злоупотребления психоактивными веществами среди детско – подросткового населения (1294, 3 на 100 тыс. детско – подросткового населения), который достиг 1,2 % несовершеннолетнего населения городов.

Из 10 зарегистрированных несовершеннолетних 8 злоупотребляют алкоголем, 2 - наркотиками или иными психоактивными ненаркотическими веществами. 90% - это дети и подростки, злоупотребляющие психоактивными веществами без формирования синдрома зависимости.

При этом неуклонно растет число наблюдаемых несовершеннолетних потребителей алкоголя, наркотических и токсических веществ из числа школьников до 14 лет: с 47,6 % в 2004 г. от общего числа состоящих под наблюдением наркологов до 54,3 % в 2006 г. Число наблюдаемых учащихся профтехучилищ при этом уменьшилось с 32,8% от общего числа в 2004 году до 26,4% в 2006 году¹.

Данная статистика указывает на необходимость борьбы с наркотизмом, и первостепенное значение следует уделять мерам профилактического характера.

Согласно статье 38 Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года, и статье 20 Конвенции о психотропных веществах 1971 года, сторонам этих конвенций надлежит принимать все возможные меры, направленные на предотвращение злоупотребления наркотическими средствами или психотропными веществами, на раннее выявление, лечение, воспитание, восстановление трудоспособности, возвращение в общество соответствующих лиц и на наблюдение за ними после окончания ими лечения.

В статье 14 Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года предусмотрено, что «в целях уменьшения страдания людей и ликвидации финансовых стимулов для ликвидации незаконного оборота Стороны принимают надлежащие меры, направленные на ликвидацию или сокращение незаконного спроса на наркотические средства и психотропные вещества».

В результате обобщения многолетнего опыта борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков и психоактивных веществ выработаны две основные стратегические линии, которые зафиксированы в документах ООН:

- 1) сокращение незаконного спроса на наркотики и психоактивные вещества;
- 2) сокращение незаконного предложения наркотиков и психоактивных веществ.

¹ По данным электронного ресурса www.narkotikam.net.

Обе эти линии взаимосвязаны и представляют систему взаимообусловленных действий как на международном, так и на национальном уровнях.

Россия полностью поддерживает эти положения. Она присоединилась ко всем трем конвенциям, активизировала свое участие в рамках международных инициатив, подсоединилась к работе специализированных объединений в целях использования опыта тех государств, которые столкнулись с наркоманией значительно раньше России.

Что же такое профилактика наркомании и незаконного оборота наркотиков?

Давно известно, что болезнь легче предупредить, чем потом лечить. В этом и заключается смысл профилактики. А осуществлять ее надо на самой ранней стадии, пока болезнь не загнана вглубь.

Профилактика наркомании и незаконного оборота наркотиков — это целостная комплексная система мер, осуществляемых государством и общественностью, по выявлению, изучению и устранению причин и условий, способствующих немедицинскому потреблению и распространению наркотиков, а также совершению противоправных деяний и возникновению других негативных последствий¹.

В Концепции государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации от 22 июля 1993 года указывается, что государственная политика по контролю за наркотиками должна обеспечивать баланс мер, направленных на предупреждение и пресечение незаконного предложения наркотических средств и уменьшение спроса на них, и строиться по следующим главным направлениям: совершенствование порядка регулирования законного оборота наркотических средств; борьба с их незаконным оборотом; предупреждение незаконного потребления этих средств; лечение и социальная реабилитация больных наркоманией.

Она должна быть нацелена на комплексную профилактику их распространения и проводиться в неразрывной связи с деятельностью по сохранению психического здоровья нации при соблюдении принципов сбалансированного применения воспитательных и принудительных мер, скоординированного проведения просветительных, лечебно-реабилитационных и правоохранительных мероприятий.

Исходя из этих положений, разрабатываются основные стратегические направления и программы противодействия незаконному обороту наркотиков и злоупотреблению ими.

Остановимся более подробно на основных стратегиях профилактики наркомании, которые реализуются в России.

Стратегии профилактики в медицине. Их цель — снижение потребления наркотиков. Состоит из следующих разделов: лечение наркомании, реабилитация и реинтеграция больных к социально активной жизни².

Стратегия лечения включает два блока: повышение возможностей терапевтической системы и своевременность оказания помощи при обращении (немедленная помощь с оценкой эффективности). Она осуществляется с помощью лечебно-диагностических программ как для взрослых, так и молодежи.

Стратегии профилактики в деятельности системы просвещения — профилактика, предупреждение злоупотребления наркотиками и психоактивными веществами.

Она строится на основе Концепции комплексной активной профилактики и реабилитации (КАПР) и Концепции реабилитации несовершеннолетних, злоупотребляющих психоактивными веществами, и действует в образовательной среде.

Концепция КАПР, как отмечалось выше, предлагает в качестве кардинального решения проблемы профилактики наркомании объединение в единый комплекс образовательных, социальных и медицинских мер в рамках первичной, вторичной и третичной профилактики, обеспечивающих достижение общей цели.

Наряду с усилением мер по профилактике употребления наркотиков и психоактивных веществ необходима разработка дифференцированных реабилитационных программ для несовершеннолетних.

¹ Основы профилактики наркомании: Учебное пособие / Под ред. В.А. Кудина. Белгород: БелЮИ МВД России, 2006. С.46.

² Тихомиров С.М. Основные подходы к профилактике наркомании // Советская медицина. 1990. № 4. С.41–42.

При этом в качестве цели реабилитации рассматривается возвращение к жизни в обществе профилируемого на основе восстановления физического и психического здоровья, отказа от наркотиков и психоактивных веществ, восстановления (или формирования) его нормативного личностного и социального статуса¹.

Следует отметить, что внедрение КАПР идет медленными темпами, многие основополагающие жизненные идеи и стратегии остаются на уровне теоретических рассуждений, технологии профилактики и реабилитации не реализуются.

Стратегии профилактики среди взрослого населения включают предупреждение злоупотребления наркотиками и психоактивными веществами среди взрослого населения на рабочих местах.

С этой целью используются тестирование и контроль работников, анонимное лечение и социальная помощь лицам, имеющим зависимость. Все это осуществляется в рамках профилактических программ, разрабатываемых на промышленных предприятиях и фирмах, предусматривающих меры контроля и медицинской помощи на рабочих местах и т.д.²

Стратегии профилактики в сфере быта, по месту жительства, в досуговой области. Они остаются самым узким местом в профилактике наркомании. Их эффективность зависит от уровня самодеятельности населения, общественной активности различных неправительственных образований и организаций, государственных коммунальных и социальных структур, правоохранительных органов³.

Как нам представляется, уместным будет выделить и правоохранительные стратегии профилактики наркомании. Они включают в себя комплекс мероприятий по выявлению лиц, потребляющих, изготавливающих и распространяющих наркотики на всех уровнях профилактики.

В рамках этих стратегий используются разъяснительные, воспитательные, правоприменительные меры воздействия. К примеру, трудно переоценить предупредительное значение выявления мест сбыта наркотиков, установление за ними оперативного контроля, перекрытие каналов и источников поступления наркотических средств в образовательные учреждения, в микрорайоны проживания или мер по устранению с улиц и общественных мест мелких торговцев наркотиками⁴.

Долгосрочная программа по формированию общественного мнения должна лежать в основе реализации профилактических стратегий на всех уровнях профилактики. В данном случае речь идет о кратковременных или долговременных кампаниях привлечения СМИ к антинаркотической пропаганде, о стратегии формирования общественного мнения на всех уровнях в целях создания морально-психологической атмосферы во всех слоях общества, способствующей противодействию злоупотреблению наркотиками, осознанию обществом огромного социального вреда и опасности наркотиков, которые разрушают общественно-экономические, морально-нравственные устои общества и причиняют вред здоровью нации, пониманию наркомании как тяжелого хронического заболевания.

В достижении этих целей особое место отводится литературе, искусству, кинематографу, но основным звеном этой деятельности остается работа средств массовой информации.

Профилактические модели. В настоящее время во всем мире борьба с наркоманией проводится путем использования различных профилактических моделей⁵.

В нашей стране использовать эти модели следует с учетом специфики образовательных, социальных, психологических и медицинских факторов той среды, на которую они рассчитаны.

¹ Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. М.: Центр юридической литературы «Щит», 2001. С.44-45.

² Основы профилактики наркомании: Учебное пособие // Под ред. В.А. Кудина. Белгород: БелЮИ МВД России, 2006. С.72.

³ Левин Б. М. Родители и распространение наркотической зависимости среди подростков // За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями). М.: Институт социологии АН СССР, 1991. Кн.1. С.86-87.

⁴ Основы профилактики наркомании: Учебное пособие / Под ред. В.А. Кудина. Белгород: БелЮИ МВД России, 2006. С. 78.

⁵ Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. М.: Центр юридической литературы «Щит», 2001. С.81-82.

С учетом этого можно выделить медицинскую, образовательную и психосоциальную модели профилактики.

Медицинская модель ориентирована преимущественно на медико-социальные последствия наркомании и предусматривает в основном информирование о негативных последствиях приема наркотических и иных психоактивных средств на физическое и психическое здоровье.

В ее основе лежит информационно-лекционный метод совместной деятельности специалистов образовательных и лечебно-профилактических (наркологических) учреждений, направленной на формирование у детей и молодежи знаний о вредных последствиях потребления наркотиков для психического и физического здоровья человека, а также гигиенических навыков, предупреждающих развитие наиболее тяжелых медицинских последствий наркомании (заражение ВИЧ-инфекцией, гепатитом, венерическими заболеваниями).

Образовательная модель основана на воспитательно-педагогических методах деятельности специалистов образовательных учреждений, направлена на формирование у детей и молодежи знаний о социальных и психологических последствиях наркомании с целью формирования устойчивого альтернативного выбора в пользу отказа от приема наркотиков.

Психосоциальная модель главной своей целью утверждает необходимость развития определенных психологических навыков в противостоянии групповому давлению, в решении конфликтной ситуации, в умении сделать правильный выбор в ситуации предложения наркотиков. Эта модель основана на биопсихосоциальном подходе к предупреждению злоупотребления наркотиками и психоактивными веществами и представляет совместную деятельность специалистов образовательных и лечебно-профилактических учреждений, направленную на формирование личностных ресурсов, обеспечивающих доминирование ценностей здорового образа жизни и неприятие наркотиков.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости обеспечивать активную профилактическую работу с целью остановить эпидемию наркомании, оказать лечебно-реабилитационную помощь потребителям наркотиков и больным наркоманией, требуется совершенствовать законодательство и обеспечить вмешательство на всех уровнях в так называемую наркотическую пирамиду.

ПРИРОДА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

*Кожухова Ю.В.,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института
МВД России*

Вещественные доказательства образуют самостоятельный вид доказательств наряду с показаниями свидетеля и потерпевшего, обвиняемого и подозреваемого, заключением эксперта, протоколами следственных действий и иными документами. Раскрыть природу вещественных доказательств — значит определить то общее, что свойственно им, как доказательствам, и то особенное, что отличает их от других видов доказательств.

Вещественные доказательства свое наименование получили в законодательстве, теории и практике из-за вещественных, материальных свойств предмета, через которые предмет (вещь) объективно связан с обстоятельствами, подлежащими доказыванию¹. Согласно ч.1 ст.81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; имущество, деньги и иные ценности, полученные в результате преступных действий либо нажитые преступным путем; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Вещественным доказательством является не предмет, взятый сам по себе, а часть его относимых к делу свойств, состояний, выраженных в определенной форме. Между предметом и

¹ Дорохов В.Я. Природа вещественных доказательств // Советское государство и право. 1992. № 10.

показаниями свидетеля, заключением эксперта и др. имеются существенные различия. Такое сравнение может быть эффективным при условии, что сопоставляются однородные величины, сходные явления, их стороны, свойства. Поэтому для определения сходства или различия между видами доказательств необходимо сравнивать форму и содержание одного вида доказательств с формой и содержанием другого.

Для начала рассмотрим форму вещественных доказательств. Авторы, обосновывающие принципиальное различие в природе вещественных и других видов доказательств, под процессом формирования вещественного доказательства в действительности понимают процесс формирования информации, который, по их мнению, завершается образованием материальных следов¹. При этом они исходят из того, что «вещи сами по себе содержат информацию и объективные признаки вещей, т.е. источником информации признаются сами предметы объективной действительности, а заключенная в них информация рассматривается в качестве доказательства. Поэтому в их понимании «вещественное доказательство само по себе представляет и форму существования сведений, их содержание, и носителя этих сведений»².

При формировании вещественного доказательства непосредственно воспринимаемые следователем и понятыми (судьями и участниками судебного разбирательства) свойства и состояния обнаруженного предмета фиксируются в соответствующих протоколах. Это сообщение, выраженное в письменной форме, вместе с предметом приобретает доказательственное значение для всех других лиц, не принимавших участия в проведении надлежащего следственного действия.

Следовательно, процесс формирования вещественного доказательства (как и других доказательств) делится на внепроцессуальную и процессуальную стадии, которым соответствуют, с одной стороны, образование материальных следов, признаков и состояний вещи, предмета и с другой — их восприятие и фиксация в процессуальных документах.

Форма вещественного доказательства нетождественна объективной форме предмета. Более конкретно о форме вещественного доказательства говорится в УПК РФ, требующем обязательного составления протокола осмотра, в котором должно быть подробно описано вещественное доказательство. Протокол осмотра предмета будет формой вещественного доказательства, поскольку в нем находят отражение образ предмета, его свойства, состояния. Протокол осмотра предмета — это форма вещественного доказательства, выражающая его содержание.

Ту же роль формы вещественного доказательства играет и описание свойств предмета в протоколе его обнаружения (протокол осмотра места происшествия, обыска и др.), когда не составляется отдельный протокол осмотра предмета. В таких случаях в одном процессуальном документе фиксируются две группы свойств предмета, одна из которых составляет содержание протоколов следственных действий как самостоятельного вида доказательств, а другая — содержание вещественных доказательств.

Сложность уяснения природы вещественного доказательства распространяется и на установление его содержания. Представляется правильным отнести к содержанию вещественного доказательства только те имеющие отношение к делу свойства и состояния предмета, которые могут быть непосредственно восприняты следователем и понятыми (судьями и другими участниками судебного разбирательства) и зафиксированы в протоколе его осмотра³.

Доступность чувственного восприятия предмета не означает возможности непосредственного познания всех его свойств и состояний. При обнаружении предмета следователь может не знать о его принадлежности конкретному лицу, о значении имеющихся на нем следов и др. Эти свойства, состояния предмета составят содержание других доказательств: показаний свидетеля, заключения эксперта и т.д. Свидетель, например, может сообщить о том, что обнаруженный на месте происшествия топор принадлежит обвиняемому, а эксперт в своем заключении — указать на наличие крови человека на лезвии топора. Следовательно, один и тот же предмет, его различные свойства могут выражаться через разные формы, быть содержанием нескольких доказательств. Такая постановка вопроса вполне правомерна, поскольку любой

¹ Арсеньев В.Д. Теория доказательств в уголовном процессе. Часть Особенная. 2004. С.7.

² Эйсман А.А. Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). 2005. С.132.

³ Дорохов В.Я. Указанный источник.

факт, имеющий значение для уголовного дела, может устанавливаться несколькими доказательствами.

Отнесение к содержанию вещественного доказательства других свойств предмета, о наличии и значении которых сообщается в показаниях свидетелей, обвиняемых, потерпевших, в протоколах следственных и судебных действий, заключениях экспертов, не дает возможности правильно определить природу вещественных и иных доказательств¹.

Содержанием вещественного доказательства будут непосредственно воспринимаемые материальные, физические свойства предмета: размер, геометрическая форма, характер материала, следы на поверхности, цвет, запах и другие подобные признаки и состояния, присущие материальному объекту. Эти свойства неотделимы от предмета и поэтому могут быть восприняты в момент его обнаружения, а если не подвержены изменениям, то и спустя некоторое время при осмотре предмета по месту производства следствия.

Хотя протоколы следственных действий и вещественные доказательства могут формироваться в одинаковых условиях непосредственного восприятия свойств предмета, содержание этих двух видов доказательств все же различно. Содержанием протоколов следственных действий будут такие признаки и состояния предмета, которые можно наблюдать только в условиях производства следственного действия, когда обнаруживается предмет, вещь. К ним, например, относятся: время и место обнаружения предмета, его положение относительно других предметов в момент осмотра места происшествия, помещения или местности, обыска, выемки. Эти свойства и состояния характеризуют предмет в условиях окружающей его обстановки. В отличие от свойств, образующих содержание вещественного доказательства, они не следуют за изымаемой вещью и не могут быть сохранены путем изъятия и приобщения предмета к делу после его осмотра.

Таким образом, под вещественными доказательствами понимаются те непосредственно воспринимаемые и закрепляемые в протоколе осмотра материальные свойства и состояния обнаруженного при производстве надлежащего следственного действия вещественного объекта, которые отражают обстоятельства предмета доказывания или побочные факты. Вещественные доказательства по своим признакам не выходят за пределы единого понятия доказательства, имеют свои содержание и форму, подчиняются требованиям быть относимыми и допустимыми и не зависят от содержания и формы других видов доказательств.

ПРОВЕДЕНИЕ СЕМИНАРОВ В ВУЗАХ МВД РОССИИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ К БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

*Коновалов Н.А.,
старший преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного
расследования в ОВД Орловского
юридического института МВД России*

Образовательный процесс в современной высшей школе - это прежде всего взаимодействие личности преподавателя и студента. Профессиональная компетентность и творческая индивидуальность преподавателя имеют важнейшее значение. Особенно остро это ощущается на семинарских занятиях.

Во всей «технологической цепочке» обучения семинар - один из наиболее сложных видов педагогического взаимодействия. Семинарское занятие как форма группового обучения применяется для коллективной проработки тем учебного курса, усвоение которых определяет качество профессиональной подготовки, и для обсуждения сложных разделов курса, наиболее трудных для индивидуального понимания и усвоения.

На лекции общение с аудиторией развивается «по вертикали», когда лектор, идя, главным образом, от теории к практике, доводит до сознания слушателей содержание научных

¹ Полянский Н.Н. Доказательства в уголовном процессе. М., 2004. С.130.

идей, теорий, взглядов. Для семинара характерен непосредственный контакт преподавателя со слушателями, и первая его задача в этом случае - установление доверительного общения, создание атмосферы совместного творчества, взаимопомощи. Следовательно, в ходе семинара педагогическое взаимодействие осуществляется не только и не столько по линии «преподаватель-слушатель», но и по линии «преподаватель- слушатель- слушатель».

Таким образом, семинар, во-первых, является гибкой формой обучения, предполагающей (наряду с направляющей ролью преподавателя) интенсивную самостоятельную работу каждого слушателя. Во-вторых, организация семинарского занятия требует прекрасного владения материалом, быстрой реакции на содержание и форму подачи идей, умения распределить время слушателей и организовать работу всего коллектива учебной группы, уделяя внимание каждому слушателю. В-третьих, на семинарском занятии должна быть решена одна из главных его задач - научить слушателей использовать знания, полученные на лекциях, материалы научных исследований.

Основной целью семинарского занятия является не столько проверка знаний, сколько расширение, закрепление и полное усвоение того материала, в котором лекция ориентировала слушателей. Такой подход позволяет максимально приблизить содержание учебного материала к реальным потребностям практики и условиям профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Эффективность семинарских занятий определяется тем, что они проводятся как заранее подготовленное совместное обсуждение выдвинутых вопросов с коллективным поиском ответов на них. Это обязывает преподавателя так организовать обсуждение, чтобы добиться интенсивного общения со слушателями через активизацию их мыслительной деятельности, пробуждение интереса к обсуждаемой проблеме. Исходя из этого опытные преподаватели стремятся сначала разбудить любознательность слушателей, вызвать со стороны аудитории вопросы: «Почему? Зачем? С какой целью?». Настрой слушателей на ожидание интенсивного общения, интересных объяснений, обоснований доказательств позволяет избежать скучного описательства или повторения известных общих истин и штампов.

Выбор преподавателем такого варианта проведения семинара обязывает его быть режиссером каждого занятия, овладевать навыками педагогической работы с учебной группой, чтобы уметь организовать живое общение, выслушать мнение каждого по обсуждаемым вопросам, обеспечить «партнерское взаимодействие». Это позволит ему реализовать все основные функции семинарского занятия - обучающую, воспитывающую, развивающую, организующую, активизирующую и поисковую.

Анализ показывает, что наиболее распространенный вид семинарских занятий - тематический семинар, на котором проводится коллективная проработка-обсуждение учебных вопросов.

В каждой теме слушателям, кроме учебных вопросов, списка литературы для самостоятельной подготовки к занятиям, методических рекомендаций, должны быть предложены на выбор темы докладов (рефератов). Доклад готовится двумя слушателями - докладчиком и содокладчиком. Кафедрой должны быть назначены дни консультаций для слушателей, самостоятельно проработавших программный материал. Самостоятельно готовясь к семинару, слушатели изучают рекомендованную литературу, повторяют основные положения лекции, составляют развернутый план выступления по учебному вопросу (подвопросу).

Дидактическая цель этого вида семинарского занятия - научить слушателей свободно выступать, вести дискуссию при обсуждении темы не только на уровне воспроизведения учебного материала, но и используя разнообразные источники, документы. Задача преподавателя так организовать отработку учебных вопросов и управлять процессом обсуждения, чтобы все вопросы были полно и всесторонне раскрыты, все обучаемые были активны, логично и последовательно излагали свои мысли, руководствуясь планом выступления, приводили необходимые примеры, исторические факты. Одним из методических приемов, позволяющих преподавателю активизировать аудиторию, является обращение после каждого выступления к слушателям с вопросом: Что вы можете дополнить или с чем не согласны?

Помимо основной задачи - помочь слушателям овладевать навыками самостоятельной работы – преподаватель на каждом семинаре преследует еще несколько педагогических задач. Среди них важнейшая - научить слушателей - будущих юристов - навыкам выступления перед

аудиторией (для начала - перед своими товарищами), не бояться вопросов, которые могут возникнуть по ходу сообщения, чувствовать себя «преподавателем-лектором», так как данное занятие проводится в форме семинара-беседы с элементами обратной связи (т.е. осуществляется закрепление материала по ходу рассказа).

Дидактической особенностью семинаров с докладами слушателей является то, что в них раскрывается теоретико-прикладная проблема, которая мало освещалась в лекции по теме, но служит целям ее углубления и логического продолжения. Не следует думать, что выбор данной методики преподавателями позволяет «ничего не делать» на занятии. В действительности временные затраты преподавателя увеличились (и в несколько раз), возросла ответственность, так как кроме консультирования каждого слушателя и помощи ему в подготовке доклада необходимо очень внимательно слушать сообщения, дополнять их (при необходимости) и давать ответы на вопросы, на которые докладчики не смогли ответить. Выступление слушателей ограничивается определенным временем (15-20 мин.).

В методических указаниях по проведению семинаров должны быть подчеркнуты те представления, которые слушатели должны получить о правовых институтах, нормах; предложен алгоритм работы слушателя по подготовке к семинарскому занятию. Отмечено, что самостоятельную работу следует начинать с рассмотрения плана семинара и изучения рекомендованной литературы. Следующим шагом является повторное обращение к конспекту лекции. Вслед за этим целесообразно составить краткий письменный ответ на каждый вопрос семинара. Учитывая отсутствие современных учебников и пособий, особое внимание предложено обращать на изучение нормативного материала. Освоив тему семинарского занятия, слушателю рекомендуется приступить к непосредственной подготовке своего выступления. Для этого целесообразно продумать и составить план ответа на каждый вопрос, отобрать необходимый нормативный материал, подобрать статистические данные и примеры из правоохранительной практики, придающие ответу обоснованность и большую аргументированность.

При подготовке к семинару слушателям рекомендуется использовать в полной мере консультативную помощь преподавателя, возможности учебно-методического кабинета кафедры (фоноконсультации, наглядные пособия и схемы, фондовые лекции, нормативный материал, юридические журналы).

В планах семинарских занятий и методических указаниях по изучению курса необходимо отмечать, что главной целью семинаров является закрепление и углубление знаний слушателей, полученных на лекциях и при самостоятельной работе над курсом, выработка навыков юридического и научного мышления, умения последовательно и аргументированно излагать свои мысли и вести научную дискуссию.

Кафедрой должна быть поставлена задача научить слушателей самостоятельно находить ответы на короткие и оригинальные вопросы, решать нестандартные задачи творческого, исследовательского и поискового характера на семинаре-практикуме. В этих целях вычленяются взаимосвязанные проблемные вопросы, составляются задачи-ситуации как теоретического, так и практического характера, определяются задания слушателям на индивидуальные занятия (выполнение задач проводится затем парами или игровыми коллективами в 3-5 человек).

Слушатели самостоятельно прорабатывают литературу, приказы, нормативные акты и делают необходимые записи (конструированные ответы) в рабочих тетрадях. На занятии после вступительного слова преподавателя в ограниченный период времени они излагают в паре или игровом коллективе свое видение проблемы, затем подключаются к другим группам, где излагают свои вопросы и выслушивают других. Обмен мнениями идет по кругу, что позволяет сделать известными всем поставленные для обсуждения вопросы и проблемы. Каждый слушатель получает практику решения задач или вводных. Преподаватель руководит ходом отработки заданий, помогает при необходимости игровым коллективам. Данный вид семинарского занятия позволяет каждому слушателю неоднократно (как минимум три раза) обратиться к изучаемому материалу и формировать знания уже на уровне умений.

Подготовка преподавателя к семинарскому занятию включает значительный объем разноплановой деятельности, предварительный и непосредственный этапы подготовки.

Предварительный этап включает:

- определение содержания обучения, предусмотренное учебным планом и учебными программами;

- выбор приоритетных целей обучения, на которые ориентируется преподаватель (подготовка эрудита, профессионала или формирование активной личности).

На этой основе ведется выбор или разработка общей технологии обучения, ориентированной на совокупность целей или приоритетную реализацию той или иной цели. При разработке технологии обучения перед началом учебного года кафедра и преподаватель:

- отбирают наиболее значимый материал;
- проводят его структурирование;
- подбирают примеры и доказательства с учетом специализации слушателей;
- определяют задачи и задания, направленные на формирование умений и навыков.

Проводится выбор форм организации учебного процесса, которые заблаговременно вводятся в рабочие учебные программы и планы по курсу. Выбор методов обучения зависит от их направленности: первичное овладение знаниями, совершенствование знаний и формирование навыков и умений.

На этом же этапе производится и выбор средств обучения, включающих:

- литературу (учебники, учебные пособия, хрестоматии, сборники задач, специальную литературу, методические указания и дидактические материалы);
- наглядные пособия и информационные материалы к аудиовизуальным средствам обучения;
- программно-методическое обеспечение компьютерной технологии обучения и специального оборудования.

Непосредственная подготовка к семинарскому занятию проводится преподавателями кафедры индивидуально и поэтапно. Наиболее значимыми этапами методической работы являются:

- посещение лекций по теме и изучение рабочей программы курса; участие в заседаниях методической секции кафедры;
- изучение методических рекомендаций кафедры (методической секции) преподавателям по изучению данной темы; посещение инструктивного семинара или беседа с опытными, ведущими преподавателями; посещение открытых занятий ведущих преподавателей кафедры;
- проработка литературы, нормативных актов, приказов, словарей, справочников, специальной литературы;
- изучение плана семинарских занятий и методических рекомендаций,
- руководство предварительной и непосредственной подготовкой слушателей к семинарским занятиям, проведение консультаций;
- подготовка технических средств обучения, лабораторного оборудования, дидактических материалов;
- составление рабочего плана (сценария) проведения занятия. При составлении своего рабочего плана, определении характера руководства работой слушателей (вариантов изменения хода семинара), рациональном распределении времени на разных этапах занятия может быть полезным использование макета плана подготовки и проведения семинарского занятия, разработанного кафедрой (методической секцией).

В семинарском занятии можно выделить три части - вводную, основную и заключительную.

Преподаватель в вводной части занятия в течение 5-7 минут решает организационные вопросы:

- принимает рапорт командира о готовности учебной группы к занятию, количестве присутствующих слушателей, здоровается с ними;
- затем самостоятельно выявляет отсутствующих на занятии и устанавливает причины отсутствия, делает соответствующие записи в учебном журнале группы;
- проверяет внешний вид слушателей, готовность к занятию слушателей (наличие приказов, текстов нормативных документов, научной литературы, рабочих тетрадей) и аудитории (в т.ч. наличие работоспособных ТСО).

Важным условием проведения семинарского занятия является вступительное слово преподавателя, в котором ему следует объявить тему и цели занятия, отметить его место в общей структуре курса или темы, показать связь с ранее пройденным материалом. В зависимости от конкретных условий вступительное слово может ввести слушателей в проблему, очертить

круг обязательных для выяснения вопросов, а иногда только напомнить ход размышлений на прошедшем занятии, установить порядок выступлений и их регламент.

Определение значимости твердого знания данного материала для будущей профессиональной деятельности позволяет формировать у слушателей психологическую установку на активную работу в ходе занятия. При этом преподаватель в вводном слове не раскрывает содержания тех или иных учебных вопросов, а нацеливает слушателей на их всестороннее обсуждение и углубленное изучение.

Затем преподаватель выясняет, кто не готов к нему и по какой причине (время - 1-2 мин.). Если слушателям были даны задания по изучению теоретических материалов, решению задач или выполнению письменных работ, то рекомендуется проверить, готовы ли они к рассмотрению теоретических вопросов и решены ли письменные задачи (задания). С учетом того, что учебными программами предусмотрено значительное увеличение обязательных заданий для самостоятельного изучения материала, целесообразно проверить его выполнение.

Деятельность преподавателя в основной части семинарского занятия определяется видом семинара, избранным методом его проведения, стилем управления педагогическим взаимодействием. В ходе обсуждения учебных вопросов в зависимости от вида семинарского занятия и степени подготовленности слушателей преподаватель организует выступления, осуществляет руководство обсуждением (дискуссией).

Если первый вопрос, рассматриваемый на занятии, является сложным и требует от слушателей хорошего знания ранее пройденного материала, преподаватель может ориентировать слушателей на основные положения, подлежащие освещению (в отдельных случаях возможна помощь слушателю в выборе плана ответа).

Преподаватель выслушивает ответ на основной вопрос, нацеливает слушателей на его внимательное восприятие. Для повышения активности группы и стимулирования коллективного обсуждения следует предоставить слушателям возможность задавать отвечающему вопросы, делать дополнения. Умело поставленный вопрос (реплика) свидетельствует о том, что ответ был выслушан со вниманием и воспринят. Ошибки и неточности в ответе следует фиксировать в рабочей тетради преподавателя для последующей корректировки ответа и его обсуждения. Поправлять слушателя в ходе изложения материала следует в крайних случаях, когда им допущено явно неправильное толкование закона, грубые ошибки в понятиях, произношении слов.

После вопросов отвечающему со стороны слушателей ряд вопросов может задать преподаватель. Следует помнить, что замечания по выступлению слушателей должны:

- направлять ход коллективных размышлений;
- уточнять форму или суть предложенного выступающим вопроса;
- резче выявлять точку зрения спорящих;
- поощрять нестандартные решения.

Типичной ошибкой молодых преподавателей на этом этапе занятия является подмена коллективного обсуждения учебного вопроса диалогом преподавателя и отвечающего слушателя. Надо добиваться вовлечения в обсуждение и дискуссию по возможности большего количества слушателей.

Следует учитывать, что умело выбранные логика и порядок освещения вопроса и подачи материала, его оригинальность и разумное иллюстрирование примерами, использование знаний, полученных по иным дисциплинам, должны быть отмечены и поощрены преподавателем. Иначе у слушателей не будет стимула проявлять активность, задавать вопросы. Если основной докладчик не может ответить на дополнительные вопросы, то правильное решение может быть найдено позднее совместно с группой. Иногда на этом этапе занятия слушатели задают вопросы преподавателю. На наш взгляд, допустима переадресовка вопроса, заданного преподавателю группе или одному из слушателей. Разумеется, если вопрос сложен и неразрешим силами слушателей, он должен быть освещен преподавателем при подведении итогов обсуждения учебного вопроса. Отвечавшему слушателю необходимо предоставить слово для уточнений и дополнений основного ответа, возможно предоставление слова для комментирования прозвучавших дополнений и уточнений.

Семинарское занятие может содержать элементы практического занятия. Для закрепления материала можно предложить группе решить несколько задач (проблемных ситуаций). Преподаватель должен приветствовать ситуацию, когда слушатель самостоятельно увязывает

теоретический анализ проблемы с фабулой решенной им задачи или отрабатываемым вводным. При необходимости преподаватель дает кафедральный вариант выводов по обсуждаемому вопросу.

По окончании выступлений преподаватель подводит итог отработки учебного вопроса в целом. Уместен краткий анализ ответов с обращением внимания группы на положительные стороны сообщений и дополнений, указанием на наиболее существенные их недостатки. Могут быть даны рекомендации по дальнейшему изучению проблемы. Преподаватель вправе напомнить слушателям, что данная тема (вопрос, подвопрос) являются актуальной для подготовки по ней курсовой работы или реферата. Подведение итогов отработки учебного вопроса не должно быть излишне многословным, недопустимо превращение семинарского занятия в повторную минилекцию по данной теме.

Рассмотрение (отработка) вопроса завершается обращением к слушателям: все ли им понятно, есть у них вопросы к преподавателю. Иногда слушатели пытаются что-либо дополнить после итогового слова преподавателя, что выглядит не совсем этично. Если преподаватель убежден, что вопрос раскрыт полно и всесторонне, вопросов к нему не было, он может дискуссию прекратить. В тех случаях, когда во вводной части занятия не была проведена сплошная проверка конспектов и рабочих тетрадей, можно предложить отвечающему представить на проверку свою рабочую тетрадь или конспекты.

В ходе рассмотрения учебных вопросов следует ограничить использование учебников и конспектов лекций. Для цитирования тех или иных положений, их анализа, иллюстрирования сказанного в разумных пределах разрешается пользование нормативными актами, альбомами схем, планами-конспектами. На семинарском занятии допускается заслушивание одного-двух коротких рефератов или сообщений по наиболее сложным и интересным проблемам. Цель семинарского занятия будет достигнута с большей полнотой, если тематика рефератов (сообщений) не совпадает с основными учебными вопросами. В ряде случаев рефераты готовятся по пройденному материалу, и этот вид учебно-исследовательской работы целесообразнее поручить слушателю, который не усвоил данную тему.

По окончании отработки всех учебных вопросов семинара преподаватель в заключительной части занятия подводит его итог и определяет степень достижения поставленных во вступительной части целей. Анализируя выступления слушателей, он определяет уровень обсуждения проблемы, дает оценку выступлений, общую характеристику проведенного занятия (активность группы, степень подготовленности, развитие культуры мышления). Преподаватель определяет задания слушателям на доработку слабо усвоенных вопросов, для самостоятельной работы рекомендует дополнительные литературные (иные) источники, дает советы по подготовке к следующему занятию.

В воспитательных целях желательно отметить лучшие выступления, прокомментировать полученные оценки, пояснив, за что они были снижены конкретным слушателем. Слушателям, которые не подготовились к занятию должным образом, предлагается прийти на индивидуальную консультацию. Пропустивших занятие преподаватель приглашает на собеседование через командира учебной группы.

Изложенное выше представляет собой академическую схему семинарского занятия, это не догма, а руководство к действию. Нам представляется, что нет ничего предосудительного в том, что обсуждение одного вопроса может органически перейти в дискуссию по другому вопросу. Если это соответствует творческому настрою группы, нецелесообразно обрывать (прерывать) выступления ради строгого соответствия схеме. Однако надо точно и тонко чувствовать грань между заинтересованным и искренним участием в обсуждении учебных вопросов и стремлением уйти от обсуждения сложных вопросов. Важно, чтобы в такой ситуации при подведении итогов преподавателем были расставлены четкие акценты.

Вопросы педагогического анализа учебного занятия освещены в работах Ю.А. Конаржевского, В.П. Симонова, П.И. Третьякова, Т.И. Шамовой. На наш взгляд, удачными являются критерии оценки качества семинарского занятия, предложенные в «Основах педагогики и психологии высшей школы».

Психолого-педагогическая характеристика семинара, определение места семинарских занятий в системе форм и методов обучения в современной высшей школе, изложение задач, содержания и организации методической работы преподавателя по подготовке к семинарскому

занятию показало, что семинарское занятие представляет собой сложную, но весьма эффективную форму группового обучения, применяемую в вузах МВД и основанную на сотворчестве и сотрудничестве. Она базируется на тесном педагогическом взаимодействии преподавателя и слушателей, позволяет им выступать партнерами и единомышленниками, заинтересованными в том, чтобы обучающий передал определенные знания, а обучаемые с интересом их усвоили. Большое видовое разнообразие семинарских занятий создает широкий простор для педагогического творчества преподавателей.

РАВНОПРАВИЕ УЧАСТНИКОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ЖАЛОБЕ (В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ)

*Курышева Н.С.,
к.ю.н., Академия экономической
безопасности МВД России*

Право заявителя на участие в судебном заседании по жалобе является важнейшей составляющей его права на судебную защиту. Данное право предполагает обязанность суда обеспечить его реализацию. Судья, приняв жалобу к производству и выполнив подготовительные действия к её рассмотрению, назначив судебное заседание, приступает непосредственно к разбирательству жалобы по существу. Обжалование всех действий и решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и рассмотрение таких жалоб должно осуществляться по одинаковой процедуре: следует непосредственно применять положения частей 1 и 2 статьи 46 Конституции РФ с учетом установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка судебной проверки иных действий органов дознания, следователя, прокурора¹. Жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, а равно иных должностных лиц, деятельность которых носит уголовно-процессуальный характер, должны рассматриваться исключительно в соответствии с нормами УПК РФ.

Процедура рассмотрения жалобы, как особая форма уголовного судопроизводства, предусмотрена ст.125 УПК РФ. В данной статье законодатель детально не регламентировал процедуру судебного разбирательства по жалобе², а предусмотрел лишь некоторые из особенностей данного вида судопроизводства (ч.4 ст.125 УПК РФ). Судебное разбирательство по жалобе не представляет собой какой-либо самостоятельной новейшей процедуры, которая бы в корне отличалась от общего порядка судебного заседания. По своей структуре – это общий порядок судебного разбирательства, снабженный дополнительными гарантиями защиты прав и законных интересов заявителя в ходе досудебного производства, полагающего, что его конституционные права и свободы нарушены либо ему незаконно и необоснованно ограничен доступ к правосудию. В судебном разбирательстве по жалобе суд непосредственно исследует все доказательства, собранные на досудебном производстве, а также дополнительные доказательства, представленные сторонами или полученные по инициативе суда. Исследование доказательств в суде, как правило, происходит при участии заявителя, его защитника, законного представителя или представителя и прокурора. Участие должностных лиц, действия (бездействие) и решения которых являются предметом судебного разбирательства, в настоящее время чаще сводится к даче показаний. Как свидетельствуют результаты анкетирования, проведенного среди сотрудников следственных подразделений при территориальных подразделениях органов внутренних дел по расследованию налоговых преступлений, суды, привлекая их к участию в судебном за-

¹ По делу о проверке конституционности ч.5 ст.209 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Р.Н. Самиклиной и А.А. Апанасенко. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995г. // Собрание законодательства РФ. 1995. №47. Ст.4551.

² Считаем, что судебная процедура разрешения жалобы в порядке ст.125 УПК РФ должна состоять из двух этапов: подготовки жалобы к рассмотрению в судебном заседании и судебного разбирательства. См. подробнее: Курышева Н.С. Производство по жалобе на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора (в порядке ст.125 УПК РФ): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

седании, не разъясняют им процессуальных прав, не указывают их в числе участников в вводной части постановления, а в протоколе указывают лишь показания. Кроме этого, в 65% случаев суды не направляют должностным лицам копии жалобы и запрашивают материалы уголовного дела¹ в полном объеме. Подобные обстоятельства указывают на явные ограничения прав должностных лиц. Полагаю, что дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор и иные должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, должны иметь права, равные с правами заявителя, включая право на получение копии жалобы, право на ознакомление с материалами, прилагаемыми к жалобе, с материалами судебного производства по жалобе, а также право на привлечение для защиты своих прав участия представителей. При производстве по жалобе допускается и участие иных лиц, имеющих юридический интерес в разрешении жалобы по существу, привлеченных к рассмотрению жалобы. Полномочия суда в судебном разбирательстве, принцип равноправия сторон и состязательности, который должен наиболее полно реализовываться именно в этой форме судебного контроля, а также решения, на которые уполномочен только суд, делают стадию судебного разбирательства по жалобе главной стадией данного судопроизводства.

В ходе судебного разбирательства по жалобе должны соблюдаться общие условия судебного разбирательства, установленные гл.35 УПК РФ. Общие условия судебного разбирательства в целом, и судебного разбирательства по жалобе в частности, должны обеспечивать справедливость процедуры судебного разбирательства в соответствии со ст.6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод². Жалобы, подлежащие рассмотрению судом, рассматриваются в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 241 УПК. В юридической литературе данный вопрос носит дискуссионный характер. Некоторые ученые считают, что данная форма судебного контроля представляет собой «закрытый состязательный процесс»³. С данным мнением мы не можем согласиться в силу того, что законодатель в УПК РФ не предусмотрел закрытую процедуру рассмотрения жалобы. Соответственно судебное разбирательство по жалобе должно осуществляться открыто и гласно. Решение о проведении судебного разбирательства в закрытом режиме должно быть мотивированным. Нарушение принципов состязательности и гласности при рассмотрении жалобы является существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства и влечет отмену судебного решения по жалобе. Так, в кассационном порядке отменено постановление Чаплыгинского суда Липецкой области, которым была оставлена без удовлетворения жалоба заявителя О. на постановление прокурора. Судебная коллегия по уголовным делам из протокола судебного заседания усмотрела, что жалоба рассматривалась с участием заявителя О., защитника П., прокурора Д., заместителя прокурора П. В судебном заседании были опрошены З., Т., П. (процессуальное положение не конкретизировано). После пояснений Т. заявитель О., защитник П., а также З. и Т. были удалены из зала судебного заседания. Объяснения прокурора Д. были заслушаны в отсутствие вышеуказанных лиц. Затем лица были приглашены в зал судебного заседания. В ходе такого производства нарушены права удаленных лиц, они были лишены возможности высказать свое мнение по поводу объяснений прокурора Д., постановление которого обжаловалось. Из судебного производства не усматривалось оснований для проведения части судебного заседания в закрытом режиме⁴.

Особое внимание уделим положениям об участниках судебного разбирательства по жалобе как одному из общих условий судебного разбирательства. Данное условие носит особый, отличительный характер. Действующий уголовно-процессуальный закон не определяет

¹ При таких обстоятельствах должностные лица не ведают о предмете обжалования, поэтому вынуждены либо звонить в суды и уточнять содержание жалобы, либо направлять материалы уголовного дела в полном объеме, тем самым создавая себе дополнительные трудности при производстве предварительного расследования.

² Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства. 1998. № 20. Ст.2143.

³ Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования. М., 2004. С.130.

Противоположной точки зрения придерживаются такие ученые-процессуалисты, как П.А. Лупинская, И.Л. Трунов, В.Т. Томин, Н.Г. Муратова и др.

⁴ Рассмотрение материалов / Бюллетень Липецкого областного суда за 2 полугодие 2004г. // Интернет-сайт Липецкого областного суда. – www.oblsud.lipetsk.ru.

круга лиц, обязательно участвующих в судебном разбирательстве по жалобе. Положения ч.3 ст.125 УПК РФ о том, что в судебном заседании могут участвовать заявитель, его защитник, законный представитель или представитель, иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением, а также прокурор¹, не содержит указаний на обязательность их участия. Судьи, рассматривающие жалобы в порядке ст.125 УПК РФ, также не имеют единого подхода к разрешению вопроса об обязательных участниках судебного разбирательства. Обязательное участие в судебном разбирательстве заявителя и должностных лиц, действия (бездействие) и решения которых обжалуются, позволяют разрешить некоторые процессуальные вопросы: более глубоко, четко, подробно и точно исследовать доказательства по жалобе; выяснить мотивы, побудившие должностных лиц к совершению действий либо бездействию; выявить обстоятельства, сопутствующие принятию процессуального решения; а также в случае возникшей необходимости конкретизировать доводы заявителя, изложенные либо недостаточно изложенные в жалобе. В судебном разбирательстве по жалобе в обязательном порядке² должны участвовать стороны данного производства: заявитель и должностные лица, законность и обоснованность действий (бездействия) и решений которых подлежит проверке. В судебном заседании по жалобе со стороны заявителя может участвовать его защитник³, законный представитель, представитель. Последних закон наделил правом обжалования действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя и прокурора в суд в интересах заявителя. В судебном заседании защитник, законный представитель, представитель принимают участие в исследовании доказательств, высказывают свое мнение по возникающим вопросам. Их позиция по всем вопросам должна быть продиктована только соображениями защиты⁴ лица, интересы которого они представляют. К участию в судебном разбирательстве по жалобе могут привлекаться и иные лица, если обжалуемые действия (бездействие) и решения каким – либо образом затрагивают их права. Они привлекаются либо по ходатайству сторон, либо по собственной инициативе суда при необходимости выяснения и уточнения обстоятельств, имеющих значения для разрешения жалобы, а также для вынесения судом законного решения. Неявка надлежаще извещенных указанных лиц не является препятствием для рассмотрения жалобы. В каждом случае суд должен решать вопросы о необходимости повторных вызовов данных лиц в зависимости от конкретных обстоятельств по жалобе и не допустить нарушения их права на судебную защиту. При этом суд не должен затягивать рассмотрение материалов, что может повлечь нарушения или ограничения конституционных прав заявителя. Все участники судебного разбирательства стороны (заявитель, его защитник, законные представители и представители, и должностные лица, действия (бездействие) и решения которых обжалуются, их представители) вправе представлять суду документы и предметы с тем, чтобы они были использованы в качестве доказательств в данном виде судебного производства, заявлять ходатайства о вызове свидетелей, об истребовании письменных и вещественных доказательств, об оглашении письменных материалов, заявлять отводы, а также высказывать мнения по всем вопросам, касающимся их прав и интересов. «В силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч.3 ст.123 Конституции РФ) суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств»⁵. Судебное разбирательство по жалобе на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, должно происходить на основе равенства сторон и со-

¹ Федеральный закон от 02 декабря 2008 года № ФЗ-226 дополнил круг участников судебного заседания по жалобе, включив в часть 3 статьи 125 УПК РФ положения о руководителе следственного органа и следователе. Обращаем внимание, что законодатель умолчал о дознавателе, несмотря на то, что в части 1 статьи 125 его действия (бездействие) и решения определены в качестве предмета обжалования.

² За исключением случаев обращения сторон в суд с заявлениями о рассмотрении жалобы в их отсутствие.

³ При участии защитника следует, что заявитель в уголовном судопроизводстве является обладателем двойного статуса: он – заявитель в судебном производстве по жалобе и подозреваемый или обвиняемый по основному уголовному делу.

⁴ См.: О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года №8. п.17 // ВВС РФ. 1996. №1.

⁵ Там же.

ствязательности, для чего необходимо наделить обе стороны равными процессуальными правами. Процессуальными правами стороны должен обладать и прокурор. Содержание процессуальных прав определяется процессуальным статусом участника производства по жалобе. По данным нашего изучения судебной практики, в 36 % случаев производства по жалобе осуществлялись с участием обеих сторон и прокурора. В 44% случаев судьи рассматривали жалобы только с участием заявителя и прокурора, без привлечения к участию в судебном заседании должностных лиц, действия (бездействие) и решения которых обжаловались (в судебных производствах отсутствовали данные об их надлежащем извещении и вызове, не имелось заявлений о рассмотрении жалобы в их отсутствие). В 15% случаев жалобы рассматривались без участия прокурора (в судебных производствах отсутствовали его извещения), но с участием заявителя и должностных лиц. В таких производствах заявители и дознаватели, следователи, прокуроры, а также иные должностные лица, действия и решения которых обжаловались, не признавались сторонами (заявитель обладал собственным, свойственным только ему статусом, а должностные лица, приобретали положение заинтересованного лица). В 5 % случаев жалобы рассматривались только с участием заявителя, иные субъекты производства по жалобе не привлекались к её рассмотрению. Не сформирован в настоящее время правоприменителем подход к определению процессуального статуса должностных лиц в судебном производстве по жалобе. По данным нашего исследования судебной практики, в 73% случаев должностные лица именовались «заинтересованными лицами»¹, в судебном разбирательстве пользовались равными с заявителем процессуальными правами, то есть обладали процессуальными правами стороны. В других ситуациях (11%) их участие в судебном разбирательстве сводилось только к даче объяснений относительно обжалуемого действия (бездействие) или решения. Процессуальными правами стороны они не наделялись и не пользовались. В исследовании доказательств не участвовали. В 10 % изученных материалов должностные лица привлекались к участию в ином процессуальном положении² – в качестве должностного лица. В процессуальных документах точно и полно указывалось их служебное положение. Например, «с участием должностного лица - помощника прокурора Рузаевской межрайонной прокуратуры» или «следователя СО при ОВД Рузаевского района», «участкового уполномоченного Октябрьского РОВД г. Саранска», «дознавателя ОУ ССП УМЮ РФ по РМ» и пр. Данным лицам судьи не разъясняли процессуальных прав. В ходе судебного разбирательства они не заслушивались. Так, в судебном производстве по жалобе адвоката Г. об отмене постановления прокурора об отказе в удовлетворении жалобы и постановления дознавателя О. об отказе в возбуждении уголовного дела имеется заявление, поступившее от последнего, с просьбой о рассмотрении жалобы в его отсутствие. В заявлении дознаватель указал на то, что с доводами жалобы он частично согласен и подробно изложил причины согласия. Дознаватель в судебном разбирательстве не участвовал, как сторона в процессе не заслушивался. Он привлечен к рассмотрению жалобы в статусе неизвестного участника производства. Суд не наделил дознавателя процессуальными правами стороны, так же как и прокурора, поскольку предметом производства являлось не только постановление прокурора об отказе в удовлетворении жалобы, но и само постановление дознавателя³.

В 6% случаев судьи, извещая должностных лиц о времени и месте рассмотрения жалобы, проводили судебное разбирательство без их участия, не выясняя их позиции относительно доводов жалобы. На наш взгляд, заявителя и должностных лиц суду следует признавать сторонами, обладающими равными процессуальными возможностями. Их следует извещать надлежащим образом о времени и месте рассмотрения жалобы. Участие их в судебном разбирательстве следует признать обязательным, за исключением случаев, когда сами стороны ходатайствуют о рассмотрении жалобы в их отсутствие. В случае их неявки начинать судебное разбирательство возможно только при наличии в судебном производстве сведений о надлежащем извещении сторон. Данными предложениями следует дополнить УПК РФ, в связи с чем целесообразно внести в статью 125 УПК РФ положения следующего содержания: «Заявитель (его защитник, законный представитель и представитель) и дознаватель, следователь, руководитель

¹ УПК РФ такого понятия не содержит. Предполагаем, что термин заимствован из теории гражданского процесса.

² «Иное процессуальное положение» также не предусмотрено в УПК РФ.

³ Материал №4/22-104/04/Архив Рузаевского районного суда Республики Мордовия. 2004.

следственного органа и прокурор равноправны перед судом. В случае неявки сторон судья ус-танавливает причины неявки и возможность рассмотрения жалобы в их отсутствие с приобщением к производству соответствующих сведений об извещении, данных о выяснении мнения неявившейся стороны относительно доводов жалобы».

ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОНИМАНИИ ЖИЛИЩА

*Леонов А.И.,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России*

До вступления в законную силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствовало определение жилища. В связи с этим в науке высказывались различные точки зрения о содержании рассматриваемого понятия¹.

В настоящее время названный правовой пробел устранен, п. 10 ст. 5 УПК РФ дает нам следующую дефиницию: жилище - это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания.

Важность законодательного закрепления этого понятия заключается в том, что оно наряду с иными обстоятельствами вводит процессуальные рамки действия гарантий прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, при проведении следственных действий.

Так, согласно п. 4 и п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыск и (или) выемка в жилище осуществляются на основании судебного решения.

Поэтому от того, подпадает ли под понятие «жилище» тот или иной объект недвижимости, зависит, следует ли получать соответствующее судебное решение для проведения следственного действия или такой необходимости нет.

Как следует из приведенного выше определения, уголовно-процессуальное понимание жилища шире по объему его аналогов в жилищном праве, где им охватываются, как правило, исключительно жилые помещения.

Поскольку проникновение в жилище допускается лишь в предусмотренных федеральным законом случаях и при соблюдении установленной процедуры, постольку существование придаваемого названному понятию особого уголовно-процессуального смысла вполне обосновано.

УПК РФ конкретно не называет виды жилых помещений, которые включает понятие «жилище». С учетом данного обстоятельства полагаем целесообразным обратиться к положениям ст. 16 Жилищного кодекса Российской Федерации, где четко указано, что к жилым помещениям относятся: жилой дом, часть жилого дома; квартира, часть квартиры; комната, а их совокупность составляет жилищный фонд (ч. 1 ст. 19 ЖК РФ).

В практике возникал вопрос, какие объекты причислять к нежилым помещениям, входящим в состав индивидуального жилого дома, на которые распространяется правовой режим жилища. Как указал в своем Определении от 12 мая 2005 г. № 166-О Конституционный Суд Российской Федерации, условием отнесения нежилых помещений и строений, не входящих в

¹ См. об этом: Матвиенко И.В. Понятие жилища, неприкосновенность которого охраняется законом // Правовые и криминалистические проблемы раскрытия и расследования преступлений: Труды Академии управления. Москва: Изд-во Академии управления МВД России, 1998. С.17-24; Мепаришвили Г.Д. Неприкосновенность жилища: уголовно-процессуальные аспекты (на материалах Грузии) // Государство и право. 1995. № 5. С.100 - 107; Федюшин А.Е. Проблемы реализации положений ст. 25 Конституции РФ в современном уголовно-процессуальном законодательстве // Российский судья. 2005. № 2. С.22-25.

жилой фонд, к жилищу является факт их использования для временного проживания. При этом суд не исключает гарантии неприкосновенности в отношении хозяйственных построек, находящихся на территории индивидуального домовладения¹.

Согласиться с высказанной правовой позицией можно лишь отчасти. Уголовно-процессуальный закон, закрепляя определение жилища, применительно к нежилым помещениям, входящим в состав индивидуального жилого дома, не содержит каких-либо ограничений отнесения к нему.

Представляется поэтому, что любые нежилые помещения и строения, хотя структурно и обособленные от индивидуального жилого дома, но составляющие с ним единый комплекс, охватываются понятием «жилище». Иное толкование привело бы к нерациональному в каждой конкретной ситуации выяснению целевого назначения и использования того или иного нежилого помещения или строения.

Одновременно, по мнению автора, и на территорию, прилегающую к дому, должен распространяться правовой режим жилища, как это, в частности, происходит в США, где территорией дома является участок земли, на котором расположен дом, а также все, что находится на данном участке земли².

Однако обозначенный Конституционным Судом критерий (факт использования для временного проживания) мог бы успешно применяться при разрешении проблемы отнесения иных помещений и строений, не входящих в жилищный фонд, к категории «жилище».

Законодатель не дает какого-либо перечисления объектов, являющихся помещениями или строениями, не входящих в жилищный фонд, что вполне объяснимо, так как предусмотреть их полное поименование практически невозможно. Это могут быть: дача, помещение в офисе, купе поезда, каюта судна и т.д. и т.п. И в данном случае не имеет никакого правового значения, предназначено и пригодно ли данное помещение или строение для проживания. Главное, чтобы лицо использовало его для этого, «обитало» в нем.

Таким образом, установление четкого критерия, на который будет ориентироваться правоприменитель при производстве следственных действий, является закономерным.

С учетом изложенного считаю, что п. 10 ст. 5 УПК РФ следует изложить в следующей редакции:

«Жилище – входящее в жилищный фонд жилое помещение (жилой дом или часть жилого дома, включая прилегающую к ним территорию; квартира или часть квартиры; комната), а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания».

В уголовно-процессуальном праве существует несколько интерпретаций понятия «жилище».

Например, в толкованиях Европейского суда по правам человека оно может быть распространено также и на служебные помещения лица³.

Более того, в деле Нимитц против Германии суд, трактуя слово «жилище» («home» - в английском тексте Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и «domicile» - во французском), отметил, что «не всегда можно провести четкое разграничение также и потому, что вести деятельность, которую можно отнести к профессиональной или деловой, можно с таким же успехом и со своего места жительства, и, наоборот, можно заниматься делами, которые не относятся к профессиональной сфере, в офисе или коммерческих служебных помещениях»⁴(п. 30).

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котовой Светланы Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2005 г. № 166-О // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации: <http://www.supcourt.ru>.

² См. Например: Пешков М.А. Арест и обыск в уголовном процессе США. М.: Спарк, 1998. С.66.

³ См.: Извлечение из решения по делу Бак против Германии // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2005. № 9. С.20.

⁴ См.: Извлечение из решения Нимитц против Германии // Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М.: Издательство «НОРМА», 2000. С.770.

Данный подход нашел отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве России. В частности, согласно ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» проведение следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

НЕДОСТАТКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КВАРТИРНЫХ КРАЖ

*Леонов И.Н.,
к.ю.н., ст. преподаватель кафедры
предварительного следствия
и организации следственной работы
Курского филиала ОрЮИ МВД России*

Уголовные дела по факту квартирной кражи возбуждаются обычно на основании данных, содержащихся в заявлениях граждан (потерпевших, их соседей, родственников). Нередко поводом для возбуждения дела является непосредственное обнаружение признаков преступления органом дознания, следователем или прокурором.

Изучив уголовные дела, связанные с квартирными кражами, было установлено, что после приема заявления отбирается объяснение, в котором имеют место следующие недостатки при его заполнении:

- место кражи (иногда вместо точного адреса пишется только дом);
- из какого помещения она совершена (вместо этого пишется только адрес с указанием номера квартиры);
- как проник преступник в помещение (называется место проникновения, но не указывается о его повреждениях, хотя протокол осмотра места происшествия содержит данную информацию);
- предполагаемое время совершения кражи (данная информация или отсутствует или период неоправданно увеличен);
- кому принадлежали похищенные вещи (данная информация иногда отсутствовала, вероятно, из-за того, что лицо, отбирающее объяснение, убеждено, что потерпевшим может быть только то лицо, которое подало заявление);
- индивидуальные признаки похищенных вещей (очень часто в объяснении содержится только наименование вещи, и если есть паспорт, то его серийный номер);
- не подозревает ли потерпевший кого-либо в совершении этой кражи (если в объяснении указано лицо, которое подозревает потерпевший, то на чем основано данное подозрение - иногда отсутствует).

Осмотр места происшествия при расследовании краж из квартир является одним из важнейших неотложных следственных действий. Он обычно начинается с осмотра места проникновения преступника в помещение, так как это место является наиболее вероятным местом обнаружения оставленных преступником следов. С этой же целью очень внимательно осматриваются те места, где находились похищенные вещи (ценности), — дверцы и полки шкафов, сервантов, ящики и крышки письменных столов, полированная поверхность крышек столов и т. д. При этом нередко допускается одна и та же ошибка - осматривают само жилое помещение, из которого совершена кража, или ряд смежных с ним помещений, а вот участок местности, который примыкает к ним, часто остается без внимания, что характерно, это происходит чаще всего в ночное время.

Одновременно с проведением осмотра с целью обнаружения следов преступника, брошенных или утерянных им предметов либо орудий преступления, а также для розыска спрятанных преступником похищенных вещей и преследования его по горячим следам целесообразно применять служебно-розыскную собаку. Изучив уголовные дела, мы установили, что кинолог в

22 случаях из 50 не привлекается, что не может не сказаться на результативности раскрытия уголовных дел данной категории.

Выявление свидетелей при расследовании краж из квартир представляет собой определенную трудность, так как преступник стремится похитить имущество незаметно для окружающих.

В этих случаях свидетелей следует искать из числа соседей по квартире, по лестничной площадке, по подъезду. Свидетели могут быть установлены и из числа лиц, много времени проводящих во дворе дома (дети, пенсионеры, домашние хозяйки, дворники и т.д.). При допросе свидетеля следует выяснять: где, когда произошло наблюдаемое им событие; почему допрашиваемый обратил на него внимание, где находился в это время допрашиваемый; кто еще помимо него видел или мог видеть происходящее, каково было освещение в том месте, где наблюдалось происходящее; каков внешний вид каждого из подозреваемых в краже, какие вещи (узлы, чемоданы) несли подозреваемые, в какую сторону ушли преступники и т.д.

Очень важные для расследования показания нередко дают лица, купившие похищенные вещи. Они не только могут выдать эти вещи, но и описать внешний вид тех вещей, которые они успели либо переделать (перешить, перекрасить), либо перепродать, указать, где и у кого они их купили или описать продававшее эти вещи лицо. Последовательность проведения других следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий зависит от обстоятельств, установленных на начальном этапе расследования, и выдвинутых версий.

При расследовании квартирных краж в зависимости от обстоятельств могут быть выдвинуты следующие общие версии: имеет место кража, кражи не было, а заявитель добросовестно заблуждается, кража инсценирована. Проверка этих версий определяет общее направление расследования.

На начальном этапе расследования наиболее типичными являются три варианта расследования:

- 1) данные о личности подозреваемого отсутствуют;
- 2) имеются некоторые данные о лице, совершившем кражу;
- 3) подозреваемое лицо известно.

При отсутствии на начальном этапе расследования данных о личности подозреваемого версии о нем выдвигаются на основании сведений, полученных в ходе осмотра места происшествия; допроса потерпевших и свидетелей; изучения способа совершения кражи, характера похищенных вещей (например, факт кражи из квартиры только женских вещей в то время, как рядом находились мужские вещи, укажет на то, что, вероятно, кражу совершила женщина), а также следов и других вещественных доказательств.

В ходе расследования предусматривается проведение следующих оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление преступника и розыск похищенных вещей:

- а) оповещение о краже и приметах похищенных вещей соседних территориальных и транспортных органов милиции и постановка похищенных вещей на учет;
- б) проверка всех мест возможного сбыта похищенных вещей;
- в) установление лиц, которыми оставлены следы или какие-либо предметы на месте кражи, путем проверки по дактилоскопическим учетам, предъявления обнаруженных на месте кражи предметов для опознания свидетелям и т. д.;
- г) использование учета похищенных вещей, учета по способу совершения преступлений и т. д.;
- д) проверка поведения лиц, не работающих и ведущих антисоциальный образ жизни;
- е) проведение иных оперативно-розыскных мероприятий.

В случаях, когда имеются некоторые данные о лице, совершившем кражу, помимо изложенных выше мероприятий добавляются следующие: информация работников милиции о приметах подозреваемого, привлечение к розыску подозреваемого по приметам представителей общественности и т.п.

Если же лицо, подозреваемое в совершении кражи, известно, но не установлено место его нахождения, то предусматривается проведение комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление места его нахождения и на собиране доказательств, уличающих или оправдывающих подозреваемого.

К таким следственным действиям относятся: предъявление для опознания предметов или вещей, брошенных (утерянных) преступником на месте кражи, членам семьи подозреваемого, его родственникам, знакомым, соседям; обыск по месту жительства подозреваемого; предъявление потерпевшему для опознания вещей и ценностей, изъятых при обыске у подозреваемого или сданных им в ломбард; назначение судебных экспертиз.

После того, как будет установлен и задержан подозреваемый, в процессе дальнейшего расследования проводятся мероприятия, имеющие своей целью собирание доказательств по делу и установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Завершая данную статью, хотелось бы сказать об одном негативе, который присутствует в отношении следователей и органов дознания к данной категории дел – это стремление раскрыть данную категорию преступлений по «горячим» следам, и если этого не удастся, то к данным уголовным делам «интерес» гаснет и они приостанавливаются, что в конечном итоге порождает безнаказанность и уверенность преступника в правильности выбранной им дороги.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ПОЧВЕ НАРКОМАНИИ, И ОСНОВНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

*Леонова Е.Н.,
студентка гр.3 ЮОСП Орловской
региональной академии государственной
службы*

Проблема преступлений, совершаемых на почве наркомании, в России является общенациональной проблемой, которая представляет угрозу безопасности государства, поскольку по своим долгосрочным последствиям она должна быть отнесена в категорию прямых угроз национальной безопасности России. Причем признание этого должно быть сделано на высшем уровне. При этом большую роль играет предупреждение преступлений, совершаемых на почве наркомании. Для этого принято ряд мер, таких как правовое регулирование, ее информационное обеспечение, координация структур деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступлений, совершаемых на почве наркомании.

Учитывая систему распространения наркотиков, целесообразно проведение общенациональной кампании. При этом особое внимание следует обращать на учебные заведения и места отдыха молодежи. Необходимо надлежащим образом осуществлять предупреждение преступлений, совершаемых на почве наркомании, и разработать систему поддержки как моральной, так и финансовой, а также нормативно-правовое, информационно-аналитическое, организационно-управленческое, научно-методическое, пропагандистское и кадровое обеспечение. Принципиальная особенность проведения такой кампании в Российской Федерации должна заключаться в том, чтобы она сочетала бы в себе тесное взаимодействие государственных органов с общественными силами. Практика последних двух лет показывает необходимость системного подхода к профилактике преступлений, совершаемых на почве наркомании.

Федеральное законодательство недостаточно препятствует вторжению наркобизнеса в духовную жизнь российского общества. Случаи прямой пропаганды наркотиков, в частности некоторыми «звездами» музыкального мира, а также журналистами, фиксируются все чаще. В этой связи представляется целесообразным внести соответствующие поправки, в частности, в такие законы, как «О средствах массовой информации», «О рекламе», «О государственной поддержке средств массовой информации и книжной продукции» и другие.

Исследование влияния наркомании на преступность включает в себя два основных тесно взаимосвязанных блока проблем: первый — преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; второй — преступления, совершаемые наркоманами¹.

Общесоциальное предупреждение включает в себя деятельность государства, общества, их институтов, направленную на разрешение противоречий в области экономики, социальной

¹ См.: Симакова И. Международное и национальное уголовное право: контроль над наркотическими средствами и психотропными веществами // Уголовное право. 2003. №3. С.66.

жизни, нравственно-духовной сфере и так далее. Она осуществляется различными органами государства и управления, общественными формированиями, для которых функция предупреждения не является главной или профессиональной¹.

В России принята федеральная целевая программа, которая реализуется 16-ю министерствами и ведомствами. Практически в каждом субъекте Федерации есть антинаркотические комиссии во главе с губернатором или вице-губернатором. Но этого недостаточно. Региональные целевые программы практически не финансируются. Много работы остается на бумаге. Иногда создается впечатление, что общество не осознает степень угрозы, которую создают наркотики. Единственное, что может уберечь подрастающее поколение от наркотической заразы, - это исчерпывающие знания, полная и объективная информированность обо всех проявлениях наркомании и наркотизма, ориентация на здоровый образ жизни, социально-психологическая и правовая образованность, позволяющая гарантированно обезопасить себя от любого негативного влияния и воздействия.

Приоритетным направлением борьбы с наркотизацией должно стать достижение цели формирования духовного, высоконравственного человека, ориентированного на здоровый образ жизни, истинные ценности, впитавшего в себя идеалы национального самосознания, духовный образ человеческой культуры, всё самое лучшее и высшее, накопленное предыдущими поколениями.

В настоящее время практика предупреждения преступлений содержит целый спектр предупредительных мер, различных по направлениям воздействия, материальным затратам, по степени эффективности.

Общесоциальное предупреждение включает в себя деятельность государства, общества, их институтов, направленную на разрешение противоречий в области экономики, социальной жизни, нравственно-духовной сфере и так далее. Она осуществляется различными органами государства и управления, общественными формированиями, для которых функция предупреждения не является главной или профессиональной².

Одним из важнейших направлений предупреждения преступлений, совершаемых на почве наркомании, является перекрытие каналов поступления наркотиков в страну. По различным оценкам, в настоящее время наркотики зарубежного происхождения на российском наркомаркете составляют около 50 %, а в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных городах и промышленных центрах – 80-90%.

В данной связи особая роль в перекрытии каналов поступления и распространения наркотиков принадлежит подразделениям ГИБДД и органам внутренних дел на транспорте. Однако, если принять во внимание протяженность основных железнодорожных магистралей, составляющую десятки тысяч километров, по которым ежедневно курсируют тысячи грузовых и пассажирских поездов, то особенно остро встает вопрос о комплексном решении этой проблемы, обмене соответствующей информацией между службами и подразделениями органов внутренних дел, другими правоохранительными органами. В этой связи должна проводиться работа по созданию единой межведомственной автоматизированной системы сбора и анализа информации о лицах, участвующих в незаконном обороте наркотиков.

Также известно, что независимые СМИ нередко провоцируют девиантное поведение. Наркотическая пропаганда в СМИ должна быть прямо запрещена, для чего следует создать специальную общественную комиссию (комитет цензуры) в СМИ, куда бы входили представители российской интеллигенции, руководители научно-исследовательских институтов и т.д., целями и задачами которой явилось бы уменьшение потока наркотической информации.

Для лучшей организации профилактики наркотизма и связанных с ним преступлений необходимо разработать на основе Закона РФ «О средствах массовой информации» и Закона РФ «О милиции» программу взаимодействия ОВД со СМИ, построенную на тщательной подготовке материалов для печати, радио и телевидения; координации деятельности по сбору информационного материала и доведению его до потребителя, а также на основе расширения участия сотрудников ОВД и других правоохранительных органов в мероприятиях, проводимых СМИ по различным правовым вопросам антинаркотической пропаганды.

¹ См.: Чуфаровский Ю.В. Криминология в вопросах и ответах: учебное пособие. М., 2005. С.54.

² Там же. С.54.

Проблема состоит еще и в том, что деятельность социальных институтов и организаций, занимающихся проблемами наркотизации: медицина, система образования, центры, комиссии и комитеты по профилактике наркотизации, министерство по делам молодежи и его подразделения, общественные организации и объединения, религиозные организации и общины - должна быть оптимизирована, максимально насыщена и сориентирована на достижение конечного результата. Кроме того, усилия структур, занимающихся проблемой профилактики наркотизации, должны быть скоординированы и направлены на достижение единой общей цели. Существует мнение о том, что реально достижимыми целями предупредительного воздействия являются лишь уменьшение негативного влияния указанных факторов и ограничение возможности их возникновения¹.

В связи с тем, что преступность и её причины отражают сложную структуру общественного бытия, предупреждение преступности должно содержать разнообразные предупредительные мероприятия разного характера и содержания. Эти мероприятия, осуществляемые на различных уровнях, в разных социальных сферах, выступают в своей совокупности в виде определенной системы мер. Все это с точки зрения системно-структурного анализа позволяет рассматривать предупреждение преступности как особую отрасль, часть социальной системы регулирования общественной жизни. С позиции структуры предупреждение преступности выступает в виде системы, включающей в себя взаимосвязанные подсистемы общесоциального и специального предупреждения.

В связи с этим решаются практически значимые задачи профилактики предупреждения преступлений, совершаемых на почве наркомании: правовое регулирование, ее информационное обеспечение, координация структур деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступлений, совершаемых на почве наркомании; важна и необходима специализированная и оперативно-розыскная профилактика.

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ КРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ У РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

*Лефтеров В.А.,
к.п.н., доцент, Донецкий юридический
институт МВД Украины*

Предупреждение массовых нарушений общественного порядка и проявлений терроризма - является прямой функцией правоохранительных органов. Особая роль в этом отводится руководителям различных управлений, подразделений и служб милиции, которые непосредственно обеспечивают выполнение сложных оперативно-служебных задач в экстремальных, кризисных условиях.

Под кризисным управлением понимается деятельность руководителей ОВД при дефиците времени, информации, иногда сил и средств, в условиях массовых беспорядков, вооруженного противостояния преступников, необходимости решать другие сложные оперативно-служебные задачи, в том числе в случаях, когда существует угроза жизни и здоровью работников ОВД или граждан.

Характер и особенности управления подразделением ОВД в кризисной ситуации, прежде всего, зависят от самой ситуации, причин и условий ее возникновения, особенностей протекания, масштабов, продолжительности, возможных последствий и спектра задач, которые стоят перед подразделением милиции в этих условиях [1]. Конкретные требования к действиям руководящего состава ОВД в разных экстремальных, нестандартных оперативно-служебных ситуациях достаточно четко определены соответствующими приказами, положениями, планами, должностными инструкциями, другими ведомственными нормативными актами. Однако почти всегда существует человеческий фактор. Кризис - это общее значение потери обычных основ

¹ См.: Каныгин В.И. Проблемы комплексного анализа и предупреждения преступности в регионе (по материалам Приволжского федерального округа): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С.16.

повседневной деятельности. Всякий кризис обязательно сопровождается стрессом, но из этого совсем не обязательно, чтобы каждый стресс был и кризисом. Особенность деятельности руководителей в таких сложных условиях заключается в том, что кроме преодоления собственного стресса, руководителю приходится постоянно сталкиваться со стрессом подчиненных. Далеко не всегда можно и целесообразно полностью избавляться от стресса. Тем не менее, для того, чтобы стресс не наносил непоправимый ущерб, необходимо научиться им управлять в кризисных ситуациях [2;3;4].

Руководителям ОВД для эффективного кризисного управления предлагается ряд психологических рекомендаций:

- постоянно работать над контролем своего эмоционального состояния, совершенствованием навыков саморегуляции с целью развития ценнейшего качества руководителя в кризисной ситуации - самообладания;
- быть готовым и способным выйти за рамки стереотипов, шаблонов и предубеждений, если они не эффективны в период кризиса и ограничивают процесс управления;
- проявлять гибкость при выборе стиля управления в зависимости от ситуации, уметь использовать весь спектр стилей: от корпоративного, до жестко директивного;
- уметь организовать своевременный сбор информации (при сборе информации отмечаются слабые места, которые надо ликвидировать, определяются сильные стороны, на которые можно опереться);
- знать и учитывать социально-психологические закономерности функционирования больших и малых групп, владеть навыками управления группами людей в состоянии массового аффекта (паники);
- постоянно прогнозировать развитие событий, поведение людей в разных ситуациях, предвидеть негативные тенденции и принимать меры к их локализации;
- быть способным оперативно и самостоятельно принимать, под час критические, «форс-мажорные» управленческие решения и обеспечивать их выполнение.

В некоторых случаях для оптимизации коллективной деятельности, повышения ее продуктивности и внедрения инновационных технологий специалисты по кризисному менеджменту рекомендуют руководителю искусственно создавать кризисную ситуацию в организации. В этом случае кризисное управление - это управление возникновением кризиса, это искусство создания кризиса. Кризис программируется таким образом, чтобы он вел к оздоровлению, определенной «встряске». Причем, меняя рамки, ориентиры и некоторые переменные кризиса его можно по ходу перепрограммировать. Таким образом, с помощью кризиса можно управлять той системой, которая находится в кризисе.

Руководителю ОВД необходимо также помнить и учитывать, что любой кризис противоречив. С одной стороны, это деструктивные последствия, болезненные переживания людей. С другой стороны, кризис - это возможность для личностного и профессионального роста, как самого руководителя, так и его подчиненных. Другими словами кризис, равно как и стресс, о котором упоминалось выше, почти всегда представляет собой опасность плюс новые возможности. Ибо, если основные убеждения (предубеждения) пересматриваются, в итоге возникает более глубокое и полное осознание себя и мира.

К современным требованиям, которые обеспечивают эффективность кризисного управления в ОВД, почти все исследователи относят необходимость проведения целенаправленной подготовки всего руководящего состава. Вместе с традиционными формами обучения руководителей, для специальной подготовки их к кризисному управлению предлагается внедрение современных психологических тренинговых технологий, которые непосредственно направлены на моделирование у руководителей оптимального управленческого поведения.

Подобные тренинги с 90-х годов стали нормой подготовки руководящего состава полиции в ряде европейских стран. Например, в Германии прохождение тренинга для руководящего звена полиции является необходимым условием карьерного продвижения и назначения на руководящие должности [5].

В контексте формирования управленческой компетенции руководителей органов внутренних дел, а также с учетом высокой степени психологизированности процесса управления участие в психологических тренингах руководителей органов внутренних дел разрешит им ощутить колоссальные эффекты тренинга, а именно:

- испытать целую гамму профессиональных переживаний, подобных переживаниям во время служебной деятельности;
- сформировать необходимые профессиональные установки;
- отработать разнообразные умения и навыки эффективного управленческого поведения;
- создать условия для личностного самораскрытия и самостоятельного поиска способов решения собственных психологических проблем и т.п. [6].

Опыт использования психологических тренингов в подготовке руководителей органов и подразделений милиции имеется и в Украине. В Донецком юридическом институте уже почти пять лет функционирует научно-исследовательский центр психотренинговых технологий (далее Центр). В Центре разрабатываются и внедряются в практику различные тренинговые программы, проводятся психологические тренинги с разными категориями персонала ОВД и осуществляется подготовка тренеров-психологов. За непродолжительный период существования в Центре прошли обучение более 2500 работников ОВД.

С 2005 года в Центре внедрена тренинговая программа «Психология эффективного руководителя» (ПЭР), предназначенная для подготовки руководителей ОВД среднего и высшего звена. Тренинг проводится на протяжении пяти-шести дней в специально организованном учебно-тренинговом пространстве (оборудованные тренинговые залы, количество группы - 12-14 человек, обстановка непринужденности, комфорта и творчества и т.п.).

Экспериментальным исследованием влияния тренинга «Психология эффективного руководителя» на динамику личностных и профессионально-значимых качеств руководителей ОВД установлено, что после тренинга у руководителей отмечается (в том числе в отсроченной перспективе):

- 1) формирование более эффективных стилей управления - у 39 % участников тренинга;
- 2) развитие навыков формирования команды - у 54 %;
- 3) усовершенствование навыков мотивации персонала - у 27 %;
- 4) развитие способностей саморегуляции и навыков кризисного управления - у 38%.

Среди наиболее значимых результатов тренинга - обретение руководителями навыков самодиагностики, преодоления стрессов, а также разрешение некоторых личностных и профессиональных проблем, интересное общение и установление деловых контактов с коллегами. Кроме этого у участников тренинга наблюдаются тенденции повышения лидерских позиций, уверенности и независимости, стремления к сотрудничеству, доброжелательному отношению к окружающим, развитие таких черт, как инициативность, самостоятельность, решительность и целеустремленность. То есть, как раз те качества, которые крайне необходимы руководителю при кризисном управлении.

Экспертной оценкой выявлено, что уже через полгода после прохождения тренинга ПЭР руководители ОВД улучшают свои служебные показатели в сфере:

- принятия решений (68 % руководителей);
- разрешения конфликтов (54 %);
- исполнительской дисциплины (27 %);
- а также выдвигаются в резерв кадров на высшую должность – 12 %;
- переводятся на должности с большим объемом работы – 11%;
- отмечаются руководством за добросовестное отношение к работе – 19 %.

Также установлено, что после участия в тренинге происходит улучшение социально-психологического климата в коллективах подразделений большинства руководителей, возрастает оценка подчиненными их деловых и личностных качеств. Все это свидетельствует о положительном влиянии тренинга, как на личность, так и на результаты профессиональной деятельности руководителей. Несомненно, позитивные результаты проведения психологических тренингов способствуют и повышению социальной и управленческой компетентности руководителей ОВД в целом.

Таким образом, способность и умение руководителя органа и подразделения внутренних дел управлять подчиненными в период кризиса является важной составляющей эффективности его деятельности. Развитие навыков кризисного управления является неотъемлемой составляющей комплексного профессионального обучения руководящего состава ОВД. Одними из наиболее эффективных и перспективных форм и методов подготовки руководителей явля-

ются тренинговые технологии, участие в которых развивает у руководителей целый спектр личностных качеств и профессиональных умений.

Литература

1. Лефтеров В.О. Психологічні детермінанти загибелі та поранень працівників органів внутрішніх справ: Монографія / В.О. Лефтеров, О.В. Тімченко. – Донецьк: ДІВС МВС України, 2002.
2. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. – М.: Наука, 1984.
3. Меерсон Ф.З. Адаптация к стрессовым ситуациям и физическим нагрузкам / Ф.З. Меерсон, М.Г. Пшенникова – М.: Медицина, 1988.
4. Тімченко О.В. Професійний стрес працівників ОВС України: концептуалізація, діагностика корекція та прогнозування: Автореф. дис... д-ра психол. наук: 19.00.06 – юридична психологія. – Харків, 2003.
5. Литвинова Г.А. Международный опыт использования тренинговых технологий в деятельности полиции // Психологічні тренінгові технології у правоохоронній діяльності: науково-методичні та організаційно-практичні проблеми впровадження і використання, перспективи розвитку: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції, Донецьк, 27-28 травня 2005 р: у 2-х ч -. Донець: ДЮІ МВС при ДонНУ, 2005. Ч.2.
6. Бесчастный В.Н. Тренинговые методы подготовки руководителей органов внутренних дел: теория и практика: Учебно-методическое пособие / Пер. с укр. / В.Н. Бесчастный, В.А. Лефтеров, Г.А. Литвинова – Донецк: ДЮИ ЛГУВД, 2007.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ БУХГАЛТЕРСКИХ ЗНАНИЙ В ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Лукьянчикова С.А.,
преподаватель кафедры уголовного
процесса Орловского юридического
института МВД России*

Для начала выясним, что представляет собой термин «познание». «Познание» подразумевает особый вид творческой деятельности по освоению действительности в различных ее проявлениях (процессы, явления, факты)¹. К специальным познаниям целесообразнее всего относить любые специальные (а не общеизвестные) знания и умения объективного характера, полученные в результате высшей специальной профессиональной подготовки, научной деятельности, опыта практической работы и соответствующие современному научному и профессионально-практическому уровню специальных знаний и умений, создающие для их обладателя возможность квалифицированного решения указанных научных и практических вопросов, относящихся к его специальности². Соответственно рассмотрим возможности использования специальных бухгалтерских знаний в юридической практике правоохранительных органов.

В процессе расследования преступлений экономической направленности многие вопросы невозможно решить без привлечения лиц, обладающих специальными знаниями экономического профиля. Эти знания широко применяются в ОРД, уголовном, гражданском и арбитражном процессах. Из ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» следует, что оперативно-розыскные органы могут использовать помощь других должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями, а также отдельных граждан, с их согласия на гласной и негласной основе³.

¹ Астафьев Ю.В. Структура уголовно- процессуального познания // Вестник ВГУ. Воронеж. 2005. №2.

² Яблоков Н.П. Криминалистика. М. 2003.

³ Об оперативно-розыскной деятельности: ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144 (ред. от 24.07.07 № 214) // Российская газета. Август 2007.

Использование специальных бухгалтерских знаний предусматривает не только совокупность необходимых элементов, но и обличено в определенную форму¹. Существуют различные мнения по формам применения специальных знаний в судопроизводстве. П.Я. Грешников отмечает, что специальные познания применяются в основном в трех формах: участие специалиста в расследовании и рассмотрении дел, документальная ревизия и судебно - бухгалтерская экспертиза.

В уголовном судопроизводстве существуют две формы применения специальных знаний: участие специалиста (ст.58 УПК РФ) и эксперта (ст.57 УПК РФ). Цель участия специалиста в следственных действиях - оказание содействия дознавателю, следователю, суду:

- а) в обнаружении, закреплении и изъятии документов,
- б) для постановки вопросов эксперту,
- в) в разъяснении сторонам и суду вопросов, входящих в его компетенцию.

Уголовно- процессуальный закон говорит об участии специалиста в деятельности органов следствия и суда по собиранию доказательств в целях содействия указанным органам. Применительно к использованию специальных знаний в области бухгалтерского учета эти случаи ограничиваются участием специалиста в следующих следственных действиях, предусмотренных УПК- производстве осмотра, обыска, выемки, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, наложение ареста на имущество, производстве следственного эксперимента при проверке объема выполненных работ.

Участие специалиста- бухгалтера в обнаружении и изъятии необходимых бухгалтерских документов очень важно, поскольку сотруднику правоохранительных органов без помощи специалиста трудно выбрать необходимые документы. Результаты деятельности специалиста, в отличие от результатов деятельности эксперта, не имеют самостоятельного доказательственного значения и выступают как основная часть протокола соответствующего следственного действия. Специалист- бухгалтер может помочь следственным и судебным работникам, консультируя их при составлении постановлений и определений о назначении судебно - бухгалтерской экспертизы в отношении формулирования вопросов².

Следующая важная и эффективная форма использования специальных бухгалтерских знаний при расследовании преступлений экономической направленности заключается в производстве ревизий и проверок. Однако их проведение в настоящее время осложнено рядом проблем.

Во-первых, в УПК РФ прямо не оговариваются полномочия следователя требовать проведения ревизии (проверки) в ходе предварительного расследования преступлений. Закон предусматривает право требовать производства ревизий и документальных проверок лишь при проверке сообщения о преступлении (ст. 144 УПК). А в ст. 74 УПК акты ревизий и проверок не упоминаются в перечне доказательств, что дает иногда повод суду не оценивать их как самостоятельный вид доказательств. Такая позиция законодателя, нередко поддерживаемая судами, причем не всегда обоснованно, приводит к тому, что следователи вынуждены назначать судебно-бухгалтерскую экспертизу для разрешения тех же самых вопросов, которые были уже разрешены ревизором, только затем, чтобы избежать упреков в том, что не проведена экспертиза. Иными словами, следователь вынужден подтверждать выводы ревизора заключением эксперта.

Думается, подобную позицию вряд ли можно считать правильной, поскольку прослеживается необоснованное недоверие к выводам специалиста, который в ходе ревизии исследует весьма значительный объем документов ревизуемой организации. Кроме того, уровень профессиональной подготовки и квалификации специалиста, как правило, не ниже, чем у лица, привлеченного в качестве эксперта.

Такое отношение к заключению специалиста приводит к дополнительным затратам, зачастую необоснованно затягивается время расследования. Безусловно, проведение ревизии (проверки) вовсе не исключает возможности и целесообразности назначения судебно-бухгалтерской экспертизы. Однако, как правило, такая необходимость возникает в случае несоответствия выводов проведенной ревизии другим материалам дела.

¹ Дубоносов Е.С. Судебная бухгалтерия: Учебно-практическое пособие. М., 2008.

² Там же.

В соответствии с требованием уголовно-процессуального закона для назначения и производства судебно-бухгалтерской экспертизы требуется представление эксперту достаточно большого массива различных документов, предварительно изъятых следователем. Ведь эксперт самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования не вправе.

Ревизор же в отличие от эксперта вправе самостоятельно проверять все документы, связанные с финансово-хозяйственной деятельностью ревизуемой организации.

Кроме того, в процессе исследования финансово-хозяйственной деятельности организации в большинстве случаев необходимо наряду с методами документальной проверки применять методы фактической проверки (обследование; инвентаризация; контрольный обмер выполненных объемов работ; контрольный запуск сырья и материалов в производство; контрольный анализ сырья, материалов и готовой продукции; получение объяснений и справок), которые эксперт использовать не вправе.

Таким образом, назначение и производство ревизий (проверок) в ходе расследования преступлений (особенно экономической направленности) является, на наш взгляд, необходимым процессуальным действием, а акт ревизии (проверки), как иной документ, обладает такой же доказательственной силой, что и заключение эксперта.

Производство судебно-бухгалтерской экспертизы является одним из наиболее сложных видов использования специальных бухгалтерских познаний в процессуальной деятельности. Экспертиза – это исследование какого-либо вопроса, требующего специальных знаний, с представлением мотивированного заключения¹. Экспертиза может назначаться на предварительном расследовании дела, а также при рассмотрении их в суде (ст.195 и 283 УПК РФ). Чаще всего она назначается при расследовании экономических преступлений, прежде всего, хищений, совершенных должностными и материально ответственными лицами. Ход и результаты экспертного исследования оформляются специальным процессуальным документом – заключением эксперта, которое является самостоятельным видом судебных доказательств, предусмотренных ст.80 УПК РФ.

Для успешного расследования преступлений экономической направленности необходимым условием, как отмечает ученый А.А. Хмыров, «является применение самим следователем специальных бухгалтерских и экономических знаний. Знание им методов анализа бухгалтерских документов позволяет раскрыть преступления и правильно дать оценку применению бухгалтерских знаний в других формах».

На наш взгляд, не только привлечение лиц, обладающих специальными знаниями важно при расследовании преступлений, но и возможности следователя в использовании этих знаний позволит им активно работать с бухгалтерскими документами, оптимально проводить расследование на всех его этапах.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 199-2 УК РФ. ВЫЯВЛЕНИЕ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДАННОЙ КАТЕГОРИИ, СОВЕРШАЕМЫХ СУБЪЕКТАМИ – ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

*Макаров П.А.,
начальник отдела оперативно-розыскной
части (по линии НП)
УВД по Орловской области*

Анализ статистических данных рассмотренных в 2007 году уголовных дел о налоговых преступлениях показал, что 45% из них – это дела по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ.

В отличие от преступлений, предусмотренных ст.ст. 198, 199, 199.1 УК РФ, преступные действия, предусмотренные ст. 199.2 УК РФ, направлены непосредственно не на уклонение от уплаты налогов (сборов) или на неисполнение обязанностей по их удержанию и перечислению,

¹ Словарь иностранных слов 14 изд., испр. М.: Русский язык, 1987.

а имеют своей целью непогашение недоимки и состоят в сокрытии денежных средств либо имущества организации или предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов, в сумме, равной или превышающей крупный размер, для целей данной статьи.

Исходя из смысла ст. 48, 50, 113-115, 294-300 ГК РФ и Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», права собственника имущества юридических лиц (организаций) в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов, вправе осуществлять руководители органов государственной власти РФ и субъекта РФ, руководители органов местного самоуправления, а также юридические лица и граждане (п. 3 ст. 125 ГК РФ).

В соответствии со ст. 120 ГК РФ, ст. 9 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и ст. 11 и 39 Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» собственниками имущества учреждения могут быть физические лица. В этом случае они также могут быть при наличии к тому оснований субъектами преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК.

Анализ оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел по налоговым преступлениям позволяет выделить шесть наиболее распространенных способов сокрытия денежных средств либо имущества, за счет которых должно быть произведено взыскание недоимки по налогам и (или) сборам.

1. *Сокрытие денежных средств (имущества) предприятия-недоимщика путем перечисления их на расчетные счета третьих лиц.* Это наиболее распространенный способ совершения преступления. Суть его заключается в том, что руководители предприятия, после выявления налоговыми органами факта недоимки по налогам и сборам, осуществляют сокрытие его денежных средств (имущества), продолжая осуществлять финансово-хозяйственную деятельность и не погашая дебиторскую задолженность перед поставщиками товарно-материальных ценностей. При этом товары или услуги реализуют заказчикам, но оплату производят не на расчетный счет предприятия, а на счета взаимозависимых физических или юридических лиц, либо специально созданных предприятий. Основанием для такой формы оплаты являются фиктивные сделки между предприятием, имеющим налоговую недоимку, и взаимозависимым лицом (например, за консультационные, консалтинговые и другие услуги, реальное оказание которых трудно проверить), по итогам которых у предприятия образуется дебиторская задолженность перед указанными лицами.

2. *Сокрытие денежных средств путем использования кассы предприятия-недоимщика.* Это второй по частоте встречаемости способ совершения данного преступления. Смысл его заключается в том, что руководители предприятия после выявления налоговыми органами факта недоимки по налогам и сборам, осуществляют сокрытие его денежных средств, продолжая осуществлять финансово-хозяйственную деятельность путем зачисления денежных средства в кассу предприятия для проведения расчетов с контрагентами без использования расчетного счета недоимщика в банке.

3. *Сокрытие денежных средств (имущества) путем открытия предприятием-недоимщиком новых расчетных счетов, неизвестных налоговым органам.* Руководители предприятия после выявления налоговыми органами факта недоимки по налогам и сборам осуществляют сокрытие его денежных средств (имущества), перечисляя их на вновь открытые расчетные счета в банках, не сообщая об этом налоговым органам, т.е. действуя в нарушение п.2 ст.23 НК РФ.

4. *Сокрытие денежных средств (имущества) путем осуществления предприятием-недоимщиком расчетов по своим обязательствам посредством векселей и взаимозачетов.* В данном случае руководители предприятия-недоимщика после выявления налоговыми органами факта недоимки по налогам и сборам осуществляют сокрытие его денежных средств (имущества), производя расчеты выпущенными или приобретенными векселями без отражения данных фактов в отчетности предприятия. Таким образом, руководством предприятия незаконно создается «параллельная» система расчетов, при которой денежные средства перечисляются не посредством наличных или безналичных расчетов, а путем переводов векселей и (или) взаимозачетов с использованием векселей.

5. *Соккрытие денежных средств (имущества) путем их передачи в дочерние предприятия.* В данном случае руководители предприятия-недоимщика после выявления налоговыми органами факта недоимки по налогам и сборам осуществляют соккрытие его денежных средств (имущества) путем передачи своих активов в действующие или специально созданные дочерние предприятия. Таким образом, недоимщик, сохраняя задолженность по налогам и сборам перед государственным бюджетом РФ, может фактически продолжать осуществлять свою финансово-хозяйственную деятельность от лица дочернего предприятия.

6. *Соккрытие денежных средств (имущества) с использованием договора факторинга.* Руководители предприятия-недоимщика после выявления налоговыми органами факта недоимки по налогам и сборам осуществляют соккрытие его денежных средств (имущества) путем заключения договора факторинга с банком, на основании которого последний перечисляет предприятию денежные средства в счет их требования к третьим лицам. Недоимщик, в свою очередь, уступает банку право требования данных денежных средств. Одновременно предприятие открывает новые расчетные счета в этом же или других банках, не уведомив об этом налоговый орган. После этого недоимщик незаконно переводит полученные из банка денежные средства на вновь открытые расчетные счета.

Следует подчеркнуть, что недоимщики-правонарушители могут применять как единственный способ совершения преступления, так и использовать одновременно несколько способов.

Один из малоизученных способов совершения исследуемого преступления рассмотрим подробно на примере Федерального государственного учреждения, поскольку имеющаяся практика выявления преступлений среди данной категории налогоплательщиков недостаточно обширна, так как до 27 июля 2006 года налоговые органы, ввиду отсутствия эффективных рычагов воздействия, фактически не могли применить положения ст. 46 и 47 Налогового кодекса по взысканию недоимки у данной категории организаций.

В ходе проводимой проверки ФГУ «Ш. лесхоз», установлено, что в результате неисполнения обязанности по уплате налогов, установленных требованиями МРИ ФНС России по Орловской области, за ФГУ «Ш. лесхоз» образовалась недоимка за период с 2004 г. по 2007г., превышающая в общей сумме 1 000 000 руб.

В отделении Управления Федерального казначейства по Орловской области в конце 2004г. ФГУ «Ш. лесхоз» открывает лицевые счета, которые действовали до 14.02.2007г.: «счет получателя средств Федерального бюджета» и «счет по учету внебюджетных средств».

ФГУ «Ш. лесхоз», являясь организацией налогоплательщиком, в период с 2004г. по 2007г. допустило возникновение задолженности по уплате налогов, которая возникла в результате доначисленных сумм по результатам камеральных налоговых проверок и текущих платежей. Для взыскания задолженности МРИ ФНС РФ по Орловской области был применен комплекс мер, в том числе: направлены требования об уплате налога по ст. 69 Налогового кодекса РФ, направлены постановления о взыскании налога (сбора) за счет имущества налогоплательщика по ст. 47 Налогового кодекса РФ в службу судебных приставов. Однако данные действия не имели должного воздействия по причине того, что ФГУ «Ш. лесхоз» являлось федеральным государственным учреждением. Все имеющееся и приобретаемое имущество, согласно Устава лесхоза, является государственной собственностью и на него не может быть обращено взыскание. В связи с чем Урицким МП судебных приставов по всем обращениям налогового органа о принудительном взыскании за счет имущества были вынесены постановления об окончании исполнительного производства в связи с невозможностью взыскания. Кроме того, взыскание налога (сбора) за счет денежных средств, находящихся на счетах налогоплательщика по ст. 46 Налогового кодекса РФ, не производилось в связи с тем, что налогоплательщик является государственным учреждением и имеет открытые счета только в отделении федерального казначейства.

Необходимо отметить следующее: 27 июля 2006 года Федеральным законом РФ №137-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с осуществлением мер по совершенствованию налогового администрирования» в ст. 45 НК РФ добавлено следующее: «П.2. В случае неуплаты или не полной уплаты налога в установленный срок производится взыскание налога в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом. Взыскание налога в судебном порядке производится: 1. С организации, которой открыт лицевой счет».

С момента вступления в силу указанных изменений в Налоговый кодекс РФ, МРИ ФНС РФ по Орловской области были инициированы процедуры по судебному взысканию недоимки, образовавшейся у ФГУ «Ш. лесхоз». До этого момента таких полномочий у налогового органа по отношению к государственному учреждению не было (см. Налоговый кодекс РФ в редакции до вступления в силу указанных изменений, т.е. до 27 июля 2006г.).

Анализ поступления денежных средств на лицевой счет «по учету внебюджетных средств» ФГУ «Ш. лесхоз» показывает, что у организации имелись денежные средства в размере, необходимом для своевременного погашения задолженности по налогам. Однако руководство ФГУ «Ш. лесхоз», уведомленное надлежащим образом налоговым органом о наличии задолженности (выставленные и предъявленные требования об уплате налогов), и зная о невозможности принудительного взыскания с указанного лицевого счета денежных средств, при наличии непогашенной задолженности по налогам продолжало пополнение данного лицевого счета за счет коммерческой деятельности и последующего использования их на свою хозяйственную деятельность, в т. ч. выплату премий работникам. При этом в бюджетную систему РФ денежные средства (недоимка) перечислены так и не были.

Действия руководителя ФГУ «Ш. лесхоз» в период с начала 2004 года до 27.07.2006 года подлежат квалификации по ст. 199.2 УК РФ и расцениваются как действия (бездействия), направленные на воспрепятствование принудительному взысканию недоимки.

К ВОПРОСУ О ВОСТРЕБОВАННОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОСТЯЗАЮЩИМИСЯ СТОРОНАМИ ДОПРОСА ЭКСПЕРТА, ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ПОКАЗАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА

*Матвеев С.С.,
преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики
Брянского филиала Московского
университета МВД России*

Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ внес изменения и дополнения в ст. ст. 74 и 80, связанные с расширением перечня видов доказательств, в число которых были включены заключение специалиста и его показания.

Данная новация явилась реальным шагом на пути укрепления состязательности в уголовном судопроизводстве, проявившаяся, в частности, в том, что стороны получили наряду с уже имеющимся средством оценки заключения эксперта, таким как допрос эксперта, и другие - это заключение и показания специалиста. На наш взгляд, одной из причин, подвинувшей законодателя на этот шаг – попытка хоть как-то уравнивать сторону защиты со стороной обвинения в возможности привлекать специальные знания в уголовное судопроизводство, создать своеобразный противовес такому мощному доказательству со стороны обвинения, как заключение эксперта. И вторая причина – это трудности, связанные с оценкой достоверности заключения эксперта.

Вместе с тем представители научной общественности отмечают, что расплывчатость формулировок об участии специалиста в уголовном судопроизводстве является серьезным препятствием для использования в полной мере состязаемыми сторонами данных видов доказательств. Так, например, А. Верещагина считает, что отсутствие в законе процессуальной формы заключения специалиста и его показаний «приводит к использованию в доказывании процедуры, не соответствующей требованиям, предъявляемым к процессу доказывания, и, следовательно, могущей негативно повлиять на решение вопроса о признании допустимыми доказательствами сведений, полученных таким путем»². Правда, не уточняет, какой именно процедуры. Е.П. Гришина и И.В. Абросимов уже конкретизируют, что «следователи вынуждены идти

¹ СЗ РФ. 2003. № 27 (Ч. 1). Ст. 2706.

² См.: Верещагина А. Институт специалиста в УПК РФ // Уголовное право. 2007. № 3.

на процессуальные уловки, восполняя пробел правового регулирования допросом специалиста как свидетеля. Но ведь свидетель – совсем иная процессуальная фигура...»¹. Наряду с этим в научных публикациях и проводимых исследованиях отмечается все возрастающая активность состязającychся сторон в использовании новых форм привлечения специалиста в уголовном судопроизводстве. Так, например, Н.Р. Божкова считает, что «все недочеты, ошибки следствия, связанные с нежеланием проверять оправдательные версии, замечаются и «прорабатываются» адвокатами с помощью высококвалифицированных специалистов. Реалии правоприменительной практики ставят лиц, реализующих свои профессиональные задачи раскрытия и расследования преступлений, перед необходимостью использовать все формы специальных познаний»². По данным Т.Н. Бородкиной «34,3% опрошенных следователей и дознавателей привлекали специалиста для дачи заключения; 17,9% – для дачи показаний; 32,1% – как для дачи заключения, так и для дачи показаний. И лишь 15,7% из числа опрошенных заключение и показания специалиста в своей практике не использовали»³. Правда, не совсем ясно, о каких заключениях и показаниях идет речь? Если это исследования, проводимые специалистами для того, что бы помочь следователю или дознавателю в решении вопроса о наличии признаков таких преступлений, как незаконный оборот наркотических средств или незаконный оборот оружия и боеприпасов, то вряд ли их можно назвать заключением специалиста в том смысле, который вложил законодатель в это понятие. По сути, это полноценные исследования, которые проводятся специалистами для ответа на те же вопросы, в таком же объеме, на том же оборудовании и по тем же методикам, что и экспертизы, только оформляются они справкой об исследовании, т.е. это вовсе не «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами».

С целью выяснения, насколько все-таки востребованы на сегодняшний день и эффективно ли применяются сторонами такие средства оценки заключения эксперта, как допрос эксперта, заключение и показания специалиста, нами изучались уголовные дела в архивах районных судов Брянской области за период 2004-2008 г.г.

Так вот, только по 1 из 25 изученных уголовных дел (всего 41 том) проводился допрос специалиста на стадии досудебного производства (4%). Да и то специалист, проводивший исследование наркотического вещества, был допрошен только потому, что об этом было указано прокурором в постановлении о возвращении уголовного дела для дополнительного следствия, так как показания, по сути, дублировали те сведения, которые были приведены в справке об исследовании, а следователь не задал ни одного вопроса. Причем эти показания были оформлены протоколом допроса эксперта⁴. На стадии судебного разбирательства специалист не допрашивался ни разу.

Допросом эксперта состязająceся стороны воспользовались только в трех случаях (12%) и то лишь на стадии судебного разбирательства. Инициатором допроса в двух случаях был государственный обвинитель, в одном – защитник. На стадии предварительного расследования эксперты не допрашивались.

Тем не менее, анализ экспертных заключений (и справок об исследовании), имеющих в данных делах, показал, что по каждому 15 уголовным делам из 20 (75%) необходимость в выяснении отдельных обстоятельств, связанных с проведенными экспертизами (исследованиями), возникала по следующим причинам:

а) несоответствие количества объектов, указанных в постановлении о назначении экспертизы и в заключении эксперта. Так, например, в заключении эксперта №11/к от 15.01.04г. фигурирует 41 рецепт, хотя в постановлении перечислено 45 рецептов, причем в исследовательской части и выводах указан рецепт № 000287, которого нет во вводной части заключения

¹ См. Гришина Е.П. Специалист как сведущее лицо и участник процесса доказывания в уголовном судопроизводстве / Е.П. Гришина, И.В. Абросимов // Современное право. 2005. № 8.

² См. Божкова Н.Р. Специалист как участник уголовного судопроизводства // Эксперт-криминалист. 2008. № 2.

³ См. Бородкина Т.Н. Реализация процессуального статуса специалиста на стадии предварительного расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁴ Архив Советского районного суда г. Брянска. Уг. дело № 00368 (А-78), л.д. 209-212.

(при описании содержимого вскрытого экспертом пакета)¹. Куда делись четыре объекта, представленные на исследование, и откуда появился лишний объект, которого не было в упаковке? Несоответствие массы объекта, указанной на стадии осмотра, и в выводах, и массы объекта, указанной в синтезирующей части. Так, например, в заключении эксперта №1809 от 17.10.07г. при осмотре и в выводах указан вес растительной массы 845,4 грамма, а в синтезирующей части – 929,8 грамма². Так каков был вес исследуемого наркотического вещества?

б) несоответствие объектов, указанных в постановлении о назначении экспертизы и в заключении эксперта. Так, например, в заключении эксперта № 1540 от 04.11.07г. эксперт проводит идентификацию, сравнивая след пальца с дактилоскопической картой Жигалина Е.А. (и в выводах фигурирует эта фамилия), хотя из постановления следователя видно, что он предоставляет карту Жигалиной Г.В. (супруги) и в отношении ее формулирует вопрос³. Так какой объект исследовал эксперт и в отношении кого провел идентификацию?

в) проведение идентификации по разному количеству частных признаков при исследовании почерка. Так, например, в заключении эксперта №228 от 16.01.06г. эксперт идентифицирует исполнителя рукописного текста по 14 частным признакам, а исполнителя подписи – по 10 частным признакам⁴. Причем в заключении эксперта №465 от 18.05.02 идентификация исполнителя рукописи проводится по 8 частным признакам (и даже нет ссылки на методику, в соответствии с которой проводилось исследование)⁵. Так сколько частных признаков почерка достаточно для категорического вывода – 8, 10 или 14?

г) отсутствие ответа на поставленный вопрос. Так в заключении судебно-медицинской экспертизы, проводившейся по уголовному делу № 10007, нет ответа на 4-й вопрос «Какими частями тела была обращена пострадавшая к травмирующему предмету?»⁶. Почему эксперт не дал ответа на этот вопрос?

д) несоответствие формы вывода, к которому эксперт (специалист) приходит в исследовательской части и в окончательной формулировке. Так, например, в справке об исследовании №78/к от 17.10.03г. специалист в конце исследования формулирует вывод в вероятной форме по причине того, что исследуются электрофотографические копии подписи и рукописи и не исключается их компьютерная модификация. Так почему вывод специалист дает уже в категорической форме?⁷

е) дача вывода в форме НПВ по причине недостаточного количества исследуемых объектов, хотя из материалов дела видно, что объектов должно было быть в достаточном количестве. Так, например, по уголовному делу о причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, проводилась биологическая экспертиза пятна крови, находящегося на клинке ножа. В исследовательской части заключения эксперт указывает, что в образцах, изъятых с клинка, «найден 1-3 сегментоядерных лейкоцита с четким контуром клеток, с неповрежденной оболочкой ядра», которые он наблюдает под микроскопом. Далее после промывки, высушки и окрашивания специальным реактивом он наблюдает уже 1-2 лейкоцита и указывает, что «полоспецифических отростков типа А и В не найдено», и далее в выводах указывает, что «половая принадлежность крови не установлена ввиду недостаточного количества и отсутствия пригодных для исследования клеток». Так почему эксперту не хватило клеток, хотя на фотоиллюстрации с места происшествия видно, что пятно крови занимает более трети длины клинка ножа, и почему в процессе исследования количество клеток уменьшается – они разрушаются под воздействием реактивов или эксперт не совсем аккуратен?⁸

ж) дача категорического вывода о причинно-следственной связи без учета всех исследуемых обстоятельств. Так, по делу о ДТП судебно-медицинский эксперт дает вывод о при-

¹ Архив Советского районного суда г.Брянска. Уг. дело № 50004 (А-254), л.д. 82-88.

² Архив Советского районного суда г.Брянска. Уг. дело № 50331 (А-97), л.д. 166-172.

³ Архив Советского районного суда г.Брянска. Уг. дело № 01839 (А-4), л.д. 48.

⁴ Архив Советского районного суда г.Брянска. Уг. дело № 01859 (А-267), т.3, л.д. 245-246.

⁵ См. там же: т.4, л.д. 169-170.

⁶ Архив Советского районного суда г.Брянска. Уг. дело № 10007.

⁷ Архив Советского районного суда г. Брянска. Уг. дело № 50004 (А-254), т.1, л.д. 36-38.

⁸ Архив Советского районного суда г.Брянска. Уг. дело № 36706 (А-64), л.д. 97-105, заключение эксперта № 352 от 25.10.07г.

чинно-следственной связи между полученными в результате столкновения транспортных средств травмами и смертью потерпевшего, хотя из исследовательской части заключения видно, что потерпевший был доставлен в больницу в 5-30, был наружно осмотрен, пребывал в сознании, не жаловался, но через 2 часа (7-30) дежурный врач фиксирует резкое ухудшение состояния потерпевшего, на операцию он поступает только в 12-00, операция начинается в 12-30 и, не приходя в сознание, в 14-00 оперируемый умирает на операционном столе¹. Из приведенного просто напрашивается вопрос эксперту (или специалисту): могла ли наступить смерть при тех повреждениях, которые зафиксировал эксперт, если бы потерпевшему своевременно была оказана помощь и он не дождался бы операции шесть с половиной часов, когда его брюшная полость наполнялась кровью от разорванной селезенки?²

з) использование измерительных приборов (весов) с различным диапазоном и погрешностью измерения (взвешивания) при исследовании одинаковых объектов примерно одинакового веса. Так, например, в справке об исследовании №3018 от 30.03.07г. указано, что специалист производит взвешивание наркосодержащего вещества (10,9 г), используя весы с диапазоном 1-12 кг и погрешностью 0,1 г, а в справке об исследовании №7220 от 06.08.07г. указано, что специалист производит взвешивание наркосодержащего вещества (15,152 г), используя весы с диапазоном 1-620 г и погрешностью 0,001 г.³ Почему специалист при взвешивании меньшего количества наркосодержащего вещества использовал весы на два порядка грубее?

Так почему же стороны не проявляют нужной активности в использовании таких средств оценки заключения эксперта, как допрос эксперта, заключение и показания специалиста? Только лишь по причине отсутствия в законе процессуальной формы заключения специалиста и его показаний?

Из 103 опрошенных следователей и сотрудников органов дознания только 45 (43%) считают, что заключение эксперта необходимо подвергать критической оценке. Причем из 60 респондентов, считающих, что критически оценивать заключение эксперта не нужно, – 15 (25%) следователи. При ответе на вопрос «Какова, причина поверхностной оценки заключения эксперта?» 39 респондентов (37%) указали на полное доверие эксперту как профессионалу в своей области. На вопрос «Какова причина неостребованности допроса эксперта как средства разъяснения и оценки его заключения на стадии предварительного расследования?» 71 респондент (69%) ответили, что заключение эксперта понятно и разъяснения не требует (причем 44 из них (62%) считают, что подвергать заключение эксперта критической оценке нет необходимости), 10 респондентов (9,7%) назвали основной причиной нехватку времени на проведение данного вида допроса, 15 респондентов (14,5%) указали на отсутствие каких-либо рекомендаций по проведению данного вида допроса и 7 респондентов (6,8%) основной причиной считают боязнь показаться некомпетентным перед допрашиваемым.

Таким образом, результаты изучения уголовных дел и анкетирования свидетельствуют о том, что сторона обвинения в лице следователей и работников органов дознания в должной мере не использует для оценки заключения эксперта как традиционное средство – это его допрос, так и заключение и показания специалиста. И основная причина этого – нежелание подвергать заключение эксперта критической оценке ввиду полного доверия эксперту. Неостребованность в должной мере стороной защиты данных средств оценки заключения эксперта требует дальнейшего изучения.

¹ Архив Советского районного суда г.Брянска. Уг. дело №10036.

² Защитником на данное обстоятельство также было обращено внимание, и он ходатайствовал о назначении дополнительной экспертизы, но в удовлетворении его ходатайства следователем было отказано.

³ Архив Советского районного суда г. Брянска. Уг. дело №00368 (А-78), т.1, л.д. 111, 149.

**АУДИО- И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

*Миленин Ю.Н.,
адъюнкт кафедры уголовного
процесса Орловского юридического
института МВД России*

Влияние научно-технического прогресса (НТП) в раскрытии и расследовании преступлений особенно заметно усиливалось по мере освоения правоохранительными органами возможностей современных компьютерных и информационных технологий, включая средства аудио- и видеозаписи. В уголовно-процессуальной науке, как и в криминалистике, использование достижений НТП в указанных целях рассматривается в основном через призму задач, связанных с собиранием, исследованием и использованием розыскной и доказательственной информации. В этом по существу заключается процесс расследования и доказывания по уголовным делам преступлений. Однако допустимость научно-технических методов и средств в уголовном процессе, порядок их использования в целях решения указанных задач жестко регламентируются уголовно-процессуальным законодательством, что неизбежно порождает дилемму в аспекте: «возможное и допустимое», в решении которой законодатель, как правило, занимает консервативную позицию, давая тем самым поводы для выводов об искусственном создании преград на пути НТП в борьбе с преступностью¹.

Для уголовного процесса важна не техника сама по себе, а результаты ее применения, которые не должны вызывать сомнений в части таких принципиальных требований, предъявляемых к доказательствам, как их относимость, допустимость, достоверность. Именно с этих позиций возможность применения электронных, особенно цифровых, носителей криминалистически значимой информации, в том числе средств аудио- и видеозаписи, подвергается сомнению, поскольку зафиксированная на них информация легко поддается изменению. Положение усугубляется непоследовательностью позиции по этому вопросу законодателя. Им вроде бы не запрещается использование таких средств, но и не регламентируется порядок процессуального закрепления результатов их применения, гарантирующий достоверность зафиксированной таким образом информации, что охотно и зачастую не без успеха используют адвокаты, разумеется, ссылаясь не на факт изменения аудио- и видеозаписи (его надо еще доказать), а всего лишь на такую возможность.

Достоинства средств аудио- и видеозаписи по сравнению с другими средствами фиксации процесса и результатов следственных действий, конечно же, более значимы. С их помощью может быть в динамике зафиксирована сложная, трудно поддающаяся описанию ситуация. Они обладают непревзойденной точностью и полнотой фиксации не просто самих действий, но и особенностей поведения при этом их участников. Применение таких средств, что, несомненно, влияет на результаты следственного действия, повышает ответственность следователя, дисциплинирует адвоката, а конечном итоге, затрудняет, если не исключает вообще, попытки использования лжедоказательств в дискредитации действий следователя и полученных им доказательств.

Однако относительно доказательственного значения результатов применения звуко- и видеозаписи при проведении следственных действий однозначного мнения нет. Одни ученые, начиная с М.С. Строговича, и его последователи, выражая консервативную точку зрения, основанную на недоверии к научно-техническим методам и средствам собирания доказательств, считают, что результаты их применения не имеют никакого доказательственного значения. Они лишь помогают правильно оценить факты, зафиксированные в протоколе, и являются приложением к нему². Более прогрессивную, как нам представляется, точку зрения по этому поводу

¹ См. Волынский В.А. Криминалистическая техника. Наука. Техника. Общество. Человек. М.: Юнити. Закон и право, 2000. С.270.

² См. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Т.1. М., 1968. С.455; Подголин Е.Е. Теория и практика фиксации доказательств на предварительном следствии: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С.10-13.

выражают ученые, доказывающие, что полученные с использованием научно-технических методов и средств, в том числе аудио-видеозаписи, материалы следует рассматривать в качестве «иных документов»¹.

Необходимо признать, что со временем и законодатель в этом отношении проявляет все более прогрессивную позицию. Примером тому могут служить ч.6 ст.164 и ч.8 ст.166 УПК РФ. В первой из них допускается при производстве следственных действий применение технических методов и средств, а во второй определяется, что соответствующие результаты, в том числе фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, прилагаются к протоколу. При этом, по нашему мнению, доказательственное значение имеют не сами по себе материалы аудио-видеозаписи (точно так же как и сам по себе протокол следственного действия), а зафиксированные в них важные для доказывания факты. В протоколе отражаются какие технические средства, в каких условиях и при соблюдении каких требований применялись. Без этого, действительно, материалы аудио-видеозаписи не могут быть признаны в качестве источника доказательств. Их значение как таковых предопределяется содержанием зафиксированной таким образом информации, которая может быть упущена, что зачастую и случается при описательной фиксации в протоколе следственного действия его хода и результатов.

Иначе говоря, в таких случаях следует различать самостоятельность источников доказательств и «подчиненность» способов ее приобщения к уголовному делу. Последние представляют собой не что иное, как следственные и процессуальные действия, в результате которых обнаруживается, фиксируется и изымается доказательственная информация, вне зависимости от форм ее существования, методов и средств фиксации и изъятия. В этом смысле одинаковое доказательственное значение имеют, например, изъятое при обыске у подозреваемого орудие преступления и видеозапись этого факта, изготовленная при проведении данного следственного действия. Важно только, чтобы соответствующий факт в таком случае был процессуально грамотно зафиксирован в протоколе обыска.

Необходимо учитывать, что материалы аудио- и видеозаписи, в силу распространенности соответствующей техники, все чаще оказывается в сфере уголовного процесса не только в связи с фиксацией хода и результатов следственных действий. Такие материалы могут быть:

- а) представлены следователю гражданами или организациями, например, как результат случайной видеосъемки или срабатывания системы видеонаблюдения;
- б) изъяты в порядке обыска или выемки и приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств или документов;
- в) получены при проведении оперативно-розыскных мероприятий и в установленном порядке приобщены к материалам уголовного дела.

В этих случаях угроза внесения изменений в материалы аудио-видеозаписи не менее реальна, чем при проведении следственных действий. Более того, нельзя исключать возможности «подбрасывания» специально изготовленных аудио-видеозаписей, т.е. сфабрикованных доказательств. Однако, насколько нам известно, практика отечественного уголовного судопроизводства таких примеров пока не знает, что само по себе свидетельствует о надежности уже существующей системы процессуальных и организационных гарантий достоверности фиксируемой таким образом информации. Впрочем, нельзя исключить, что изобретательность преступников и тех, кто содействует им в уклонении от ответственности, проявится и в таких случаях. Однако в решении рассматриваемой проблемы необходимо ориентироваться не на случаи, тем более пока всего лишь предполагаемые, а на систему. Иначе следовало бы вообще запретить научно-технический прогресс, поскольку он несет обществу не только блага, но и угрозы, а его достижения (например, в области средств связи, транспорта, вооружений, компьютерных технологий) используются той же преступностью, позволяя ей действовать все более организованно, мобильно и агрессивно.

И тем не менее даже ориентируясь на систему, нельзя обольщаться ее неуязвимостью. Именно поэтому, как нам представляется, следует совершенствовать как технические средства, так и правовые, организационные меры, гарантирующие сохранность материалов аудио-видеозаписи в их неизменном, т.е. в подлинном, не вызывающем сомнений в их достоверности виде.

¹ См.: Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С.118.

Расширение практики использования средств аудио-видеозаписи логично прогнозировать с учетом возможных законодательных новелл в отношении института понятих. Проблемы, которые все чаще и все острее проявляются на практике в реализации соответствующих предписаний УПК РФ, убеждают их в необходимости совершенствования этого института, в частности, сокращения сферы его действия¹. Кстати, уголовно-процессуальное законодательство в западноевропейских странах вообще не знает такого института. Однако в таких случаях лицо, осуществляющее следственные действия, сопряженные с ограничением прав граждан, с вторжением в их личную жизнь, в жилище, обязано фиксировать свои действия с помощью технических средств (аудио-видеозаписи).

Как нам представляется, в решении проблем организации использования аудио-видеозаписи в уголовном процессе следует иметь в виду два аспекта: организационно-технический и организационно-тактический.

Организационно-технический предполагает оснащение всех следственных подразделений видеотехникой и подготовку сотрудников по ее обслуживанию и применению. В этом отношении заслуживают внимания уже высказывающиеся в литературе предложения о введении непосредственно в штаты следственных подразделений специалистов-криминалистов, возможно, – «следователей-криминалистов». При этом следует учитывать необходимость обслуживания и использования всего арсенала средств криминалистической техники, включая современные информационные и компьютерные технологии, а не только средства аудио-видеозаписи. Для проверки рациональности данного предложения и отработки возможных мер по его практической реализации следовало бы провести эксперимент на базе нескольких следственных подразделений.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РУКОВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ И ТЕРМИНЕ ПОЛНОМОЧИЯ

*Моругина Н.А.,
адъюнкт кафедры уголовного
процесса Воронежского института
МВД России*

Рассматривая проблему процессуального положения руководителя следственного органа, нельзя не отметить, что при решении вопроса о том, кто из участников уголовного процесса (руководитель следственного органа или прокурор) способен наиболее эффективно осуществлять процессуальное руководство предварительным следствием, невозможно абстрагироваться от вопроса о том, какой смысл вкладывается в содержание понятия «процессуальное руководство», в чем состоит сущность такого руководства сейчас, и какими методами и в каких процессуальных формах предполагается практическое осуществление данной процессуальной деятельности в перспективе. Как справедливо отмечает Б.М. Лазарев, осуществление процессуального руководства есть не что иное, как процессуальная форма управленческой деятельности², поэтому нормы уголовно - процессуального закона, регулирующие деятельность руководителя следственного органа, сформулированы с учетом характера предоставленных его процессуальных полномочий.

В результате изменений уголовно-процессуального законодательства можно констатировать формирование новой «следственной власти», к первоочередным задачам которой отнесено назначение виновным справедливого наказания, освобождение невиновных³. Существен-

¹ См. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С.193-194. Цинбал Л.М. Проблемы участия понятих в производстве следственных действий // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 1 (17). С.79.

² См. Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройки. М., Юрид. лит. 1988. С.182.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон «О прокуратуре РФ»: Федеральный закон от 5 июня 2007 г №87-ФЗ // РГ.2007. 8 июня; от 6 июня 2007 г.; О внесении

но понижая возможность прокурора непосредственно влиять на действия и решения следователя, законодатель создал нового представителя стороны обвинения - руководителя следственного органа, значимость его процессуальной фигуры резко возросла, но не для того чтобы подменить прокурора, ведь за органами прокуратуры сохранилась функция надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, а для того чтобы осуществлять контроль за своевременностью, законностью и обоснованностью действий и решений следователя и принимать предусмотренные законом меры процессуального и административно-правового характера в целях обеспечения всестороннего, полного и объективного производства предварительного следствия по уголовным делам.

Полномочия руководителя следственного органа состоят из возложенных на него прав и обязанностей, с помощью которых реализуются предоставленные ему функции в уголовном процессе. Некоторые ученые-процессуалисты смешивают понятия «функция» и «полномочия». Г. Королев считает, что «при этом надо иметь в виду, что полномочия и функция - это разные понятия, если первое (полномочия) означает совокупность прав и обязанностей, то второе - функция, основное направление деятельности»¹.

По нашему мнению, автор смешивает понятия функция и направление деятельности, так как деятельность руководителя следственного органа направлена на выполнение задач предварительного следствия, неразрывно связанных с задачами всего уголовного судопроизводства.

Кроме того, в юридической литературе часто смешивают термины «полномочия» и «компетенция». К примеру, существует мнение о том, что компетенция органа дознания, органов предварительного следствия, прокурора - это совокупность полномочий каждого из этих органов, призванных вести борьбу с преступностью². В данном случае понятие компетенция участников уголовного судопроизводства определяется через их полномочия. При этом нельзя не учитывать того обстоятельства, что в ряде норм УПК РФ (например, ч. 1 ст. 144, ч.1 ст. 146 и т.д.) говорится о компетенции в контексте разграничения сфер применения одинаковых полномочий участников, как об этом говорится в ст. 97 УПК РФ, где указывается на предоставленные полномочия. Надо отметить, что в связи с отсутствием каких-либо определений в уголовно-процессуальном законе и теории уголовного процесса по поводу терминов «компетенция» и «полномочия», высказаны самые различные суждения³. В связи с этим следует согласиться с П.С.Элькинд, которая считает, что компетенция - «совокупность полномочий какого-либо органа или должностного лица в сфере его деятельности при исполнении своих функций»⁴. В литературе имеется аналогичное определение: компетенция предусматривает совокупность прав и обязанностей, реализуемых в определенной сфере деятельности, пределы полномочий⁵.

Именно как «круг чьих-нибудь полномочий, прав» определяется термин «компетенция» с этимологической точки зрения; с этой же позиции «полномочие» - это «официально предоставленное кому-нибудь право какой-нибудь деятельности, ведения дела»⁶.

В юридическом словаре, термин «полномочия» - это официально предоставленные должностному лицу права и обязанности в определенной сфере деятельности. В юриспруденции компетенция — совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанно-

---

изменений в уголовно - процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон № 90-ФЗ // РГ. 2007. 9 июня 2007г; от 12 декабря 2008 г. №226-ФЗ // Правовая справочная систем «Консультант Плюс».

¹ Королев Г. // Законность. 2003. № 9. С.10.

² Бородин С.В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела: Учебное пособие / Под ред. Б. А.Викторова, М.: Юрид. лит. 1970. С.12.

³ См.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юрид.лит., 1986. С.14-20; Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975. С.30-35; Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия. М. 1971. С. 55-61; Зеленецкий В.С. Функциональная структура прокурорской деятельности: Учебное пособие. Харьков, 1978. С.24-27 и др.

⁴ Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М.: Юрид. лит., 1967. С.154.

⁵ Ягодинский В.Н. Подследственность преступлений органам внутренних дел УССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев. 1988. С.13.

⁶ Большой толковый словарь русского языка // Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт». 2003. 1262с.

стей конкретного органа или должностного лица; определяет его место в системе государственных органов (органов местного самоуправления)¹.

Мы согласимся с мнением ученых-процессуалистов, которые считают, что оба эти термина взаимозаменяют друг друга и являются по своей сути тождественными понятиями.

Однако в связи с тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве как основное понятие не закреплен термин «полномочия», мы считаем, что *термин «полномочия» необходимо закрепить в ст. 5 УПК РФ и изложить его в следующей редакции: «Полномочия - это права, предоставленные государственному органу либо должностному лицу УПК РФ, реализуя которые в пределах своей компетенции они исполняют возложенные на них задачи и функции уголовного судопроизводства».*

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФИКСАЦИИ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

*Никитина Н.Ю.,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса Тульского
филиала Московского университета
МВД России*

Важным элементом процессуальной формы является требование отражения всех процессуальных действий и решений в письменных документах. Письменное закрепление волеизъявления лиц, ведущих уголовный процесс, хода и результатов процессуальных действий имеет не техническое значение. Оно является формой действий и решений, определяет их уголовно-процессуальный характер².

Сами по себе действия участников уголовного процесса без предусмотренной законом фиксации не имеют значения уголовно-процессуальных действий, находятся за рамками процессуальной формы и, следовательно, не могут стать основанием принятия решений, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Средства фиксации в уголовном судопроизводстве и сущность уголовно-процессуальной деятельности неразрывно связаны между собой. Без предусмотренных законом процессуальных документов нет уголовного процесса, нет уголовного дела, а, следовательно, и нет его сущности. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что обязательное документирование всех осуществляющихся по уголовному делу действий и решений, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, является одной из важнейших черт российского уголовного судопроизводства³.

Уголовно-процессуальный документ, закрепляя действия, решения, выводы соответствующего органа государственной власти, должностного лица, гарантирует тем самым охрану прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

Вынесение процессуальных документов всегда было так или иначе регламентировано как законодательством советского периода, так и действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации⁴. В УПК в целом достаточно полно определен порядок процессуального оформления действий и решений следователя (дознателя). Однако ряд проблем не имеет четкого нормативного регулирования, что влечет за собой практические затруднения, следствием чего являются нарушение прав участников процесса, признание судом доказательств, не имеющими юридической силы.

¹ <http://www.jur-words.info/gsearch>.

² См.: Победкин А.В. Бланки процессуальных документов как элемент процессуальной формы в уголовном судопроизводстве // Законность и правопорядок: проблемы и исследования. Вып. 4. Тула: Тульский региональный филиал РПА Минюста России, 2006. С.207.

³ См.: Процессуальные документы органов предварительного расследования. Образцы: Практическое пособие / Под ред. С.В.Бородина. М.: Изд-во «Спарк», 1998. С.4-5.

⁴ В дальнейшем, если иное не оговорено – УПК.

Форма процессуальных документов, как правило, зависит от того, закрепляется ли в них определенное решение либо отражаются ход и результаты того или иного процессуального действия. Форма и содержание процессуального документа во многих случаях определены уголовно-процессуальным законом. Среди них можно назвать унифицированные требования к протоколам следственных действий (ст. 166 УПК); процессуальные требования к конкретному процессуальному документу, содержащиеся в тексте закона (например, ч. 2 ст. 171 УПК – постановление о привлечении в качестве обвиняемого; ст. 220 УПК – обвинительное заключение; ст. 259 УПК – протокол судебного заседания; ст. 304 – 309 УПК – содержание приговора и т.д.).

Однако нередко в законе тот или иной процессуальный документ лишь назван либо просто подразумевается.

Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК орган дознания, дознаватель, следователь при проверке сообщения о преступлении вправе требовать проведения ревизий и документальных проверок. Порядок же процессуального документирования данного правоотношения не разработан и законодательно не установлен.

Представляется, что требование должно быть облечено в форму постановления, так как этот процессуальный документ в силу ч. 4 ст. 21 УПК обязателен для исполнения всеми органами, должностными лицами и гражданами. В нем необходимо указать обстоятельства, сделавшие необходимым производство ревизии или документальной проверки, какому органу она поручена, определяется вид ревизии, ее объем и порядок, а также формулируется задание и устанавливаются сроки.

Существует необходимость законодательного закрепления формы и содержания требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания и предварительного следствия (ч. 3 ст. 37 УПК). Данное требование должно фиксироваться в постановлении либо в форме представления. Полагаю, что требование об устранении нарушений федерального законодательства должны облекаться в форму представления, как акт реагирования прокурора на нарушения закона. В связи с этим п. 27 ст. 5 УПК необходимо изложить в следующей редакции: «Представление – акт реагирования прокурора на нарушения федерального законодательства, допущенные в ходе дознания и предварительного следствия, на судебные решения, вносимые в порядке, установленном настоящим Кодексом».

В ч. 3 ст. 39 УПК законодатель упоминает наименование такого процессуального документа, как возражения следователя, подчеркивая его письменный характер, при этом его структуру и содержание не раскрывает. Автор считает, что возражения следователя должны фиксироваться в соответствующем постановлении.

Ст. 168 УПК закрепляет право следователя привлечь к участию в следственном действии специалиста. Форма, в которую облекается данное право о вызове специалиста для участия в производстве следственного действия, законом не предусмотрена, а практикой не разработана. Учитывая важность принимаемого следователем решения о привлечении к участию в следственном действии специалиста, подчеркивая обязательность требования о вызове специалиста для руководителя предприятия, учреждения, организации, где специалист работает, по мнению автора, необходимо придать этому требованию письменную форму, а именно форму постановления. На практике вызов специалиста оформляется письмом или запросом.

Представление предметов и документов участниками процесса, должностными лицами и гражданами – один из способов собирания доказательств, предусмотренный законом (ст. 86 УПК), но закон не определяет процедуру проведения данного действия.

Вопрос о разработке процессуальной формы документирования процедуры истребования и принятия доказательств рассматривали многие ученые. Однако до настоящего времени этот вопрос остается дискуссионным. По мнению практических работников необходимо разработать специальную процедуру истребования и принятия доказательств. Это позволит более точно отразить в материалах уголовного дела, откуда и по чьему волеизъявлению появилось то или иное доказательство, что важно как для оценки его допустимости, так и для предотвращения возможности нефиксируемого изъятия предметов и документов при отсутствии достаточных оснований. Наконец, удостоверение факта представления доказательств послужит гарантией фактической реализации прав обвиняемого, потерпевшего и других субъектов процесса на

участие в доказывании, будет способствовать предотвращению фактов утраты предметов и документов¹.

Обязательным элементом истребования или представления доказательств должно стать удостоверение факта получения соответствующего объекта и отражение его индивидуальных особенностей в процессуальном акте. Формы письменных документов предлагаются различные.

Представляется, что наилучшей формой для этого служит соответствующий требованиям процессуального закона протокол, т.е. документ, фиксирующий дату и место производства процессуального действия, его содержание, время начала и окончания, круг лиц, принимающих участие в его производстве. По мнению А.М. Ларина и Б.Ф. Фуфыгина, такой протокол должен именоваться протоколом принятия предметов и документов².

С.А. Шейфер предлагает данный процессуальный документ именовать протоколом представления доказательств³. По мнению автора, данный протокол должен именоваться протокол представления предметов (документов), это подчеркивает активность участников процесса, способствует реализации возникающих в связи с этим правоотношений. В данном протоколе можно зафиксировать ходатайство участника процесса о приобщении предмета к делу, отразить сведения его обнаружения и хранения, описать индивидуальные признаки.

Кроме того, следует согласиться с мнением Н.А. Кузнецовой о том, что протокол составляется в присутствии понятых. В протоколе указывается, где, кем, когда, кому и какой предмет представлен.

Однако А.И. Михайлов и Е.Е. Подголин считают, что представление предметов и документов, могущих иметь значение вещественных доказательств, вполне укладывается в рамки существующих следственных действий выемки и осмотра⁴.

В настоящее время на практике оформление предметов, представляемых участниками процесса, документируются выемкой. Следует согласиться с точкой зрения З.Т. Гулкевича, который утверждает, что данный прием не является универсальным. «Протоколом выемки документируется только факт изъятия предмета или документа. Следовательно является для изъятия определенного предмета туда, где он находится. Волеизъявление на получение предмета и непосредственная явка по месту нахождения являются необходимыми элементами данного следственного действия»⁵.

Автор полагает, что в УПК необходимо закрепить процессуальный порядок представления предметов (документов) и форму его фиксации.

В случае удовлетворения ходатайства либо полного или частичного отказа участнику процесса в удовлетворении ходатайства, заявленного в момент досудебного производства по делу, закон обязывает следователя (или дознавателя) вынести об этом постановление (ст. 122 УПК). Однако нет никаких предписаний закона о требованиях, предъявляемых к этим документам. Форма и содержание рассматриваемых постановлений выработаны практикой.

Следует отметить, что в действующем УПК имеются нормы, посвященные только содержанию протоколов следственного действия (ст. 166 УПК), устного заявления (ст. 141 УПК) и явки с повинной (ст. 142 УПК). Структура же и содержание протоколов, отражающих действия следователя или дознавателя по обеспечению законных прав и интересов участников процесса или требований закона (например, протоколы ознакомления с постановлением о назначе-

¹ См.: Жариков Ю.С. Особенности процессуального оформления действий и решений следователя по уголовному делу. Курск, 1998. С.29.

² См.: Ларин А.М. Истребование и представление предметов и документов в стадии расследования // Актуальные проблемы совершенствования следственных действий. Ташкент, 1982. С.67; Фуфыгин Б.В. Представление доказательств в советском уголовном процессе // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан. Калинин, 1982. С.35.

³ См.: Шейфер С.А. Пути развития процессуальной формы получения доказательственных материалов на досудебных стадиях процесса // Уголовно-процессуальные проблемы предварительного следствия и пути его совершенствования. Волгоград, 1985. С.18.

⁴ См.: Михайлов А.И. Письменная речь при производстве следственных действий / А.И. Михайлов, Е.Е. Подголин. М., 1980. С.93.

⁵ См.: Гулкевич З.Т. Теоретические вопросы и практика документирования следственных действий (процессуальное и криминалистическое исследование). Киев, 1985. С.167.

нии экспертизы, с заключением эксперта) в законе не урегулировано. Полагаю, что следователь вправе сделать отметку об ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы на самом постановлении, а в случае если обвиняемый, его защитник заявят какие-либо ходатайства или сделают заявление в связи с назначением экспертизы, то об этом должен быть составлен протокол.

Ч. 5 ст. 165 УПК предусматривает, что в исключительных случаях, когда производство ряда следственных действий не терпит отлагательств, следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя без получения судебного решения. В этом случае закон обязывает следователя уведомить судью и прокурора о производстве следственного действия. Однако и в данном случае законодатель не предусматривает форму, структуру и содержание данного уведомления.

В соответствии с ч.1 ст. 215 УПК фактом уведомления следователем обвиняемого об окончании следственных действий по уголовному делу является специальный протокол. Для иных участников судопроизводства, указанных в ч. 2 ст. 215 УПК, порядок их уведомления об окончании следственных действий и уведомления самого факта, что они были своевременно уведомлены следователем УПК, четко не определен. Представляется, что было бы правильным положения ч. 1 ст. 215 УПК в части составления специального протокола распространить и на данных участников уголовного судопроизводства при их уведомлении об окончании следственных действий.

Ст. 222 УПК разрешает прокурору направлять уголовное дело в суд с указанием причин, по которым копия обвинительного заключения не была вручена обвиняемому. Хотя законодатель и не оговаривает форму процессуального документа, в котором прокурор должен отразить причины невручения обвиняемому копии обвинительного заключения, по мнению автора, такие причины должны быть изложены в постановлении прокурора о принятии решения по уголовному делу, направляемому в суд с обвинительным заключением (с уведомлением обвиняемого и его защитника о принятом решении).

Кроме того, не следует забывать и о том, что некоторые документы, имеющиеся в уголовном деле, не только не урегулированы и не названы законом, но необходимость их составления и не подразумевается УПК. К таким документам, выработанным практикой, относят, например, постановление об уточнении анкетных данных.

Таким образом, разработка вопросов совершенствования процессуальной фиксации действий и решений органов предварительного расследования является одним из важнейших средств повышения эффективности производства по уголовным делам в целом.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

*Пигорев О.И.,
адъюнкт кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России*

С нашей точки зрения, впервые вести речь о системности следственных действий можно только при рассмотрении Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

Доказательством этому является то, что все следственные действия были закреплены в одном разделе Устава (раздел второй «О предварительном следствии»). Расположение следственных действий в Уставе было в порядке, аналогичном их проведения при проведении следствия. В частности, первым следственным действием в Уставе уголовного судопроизводства был закреплен осмотр и освидетельствование (отделение первое главы четвертой). Второе отделение было посвящено обыскам и выемкам в домах и озаглавлено следующим образом: «Розыскание предметов, обнаруживающих преступление». Затем, в пятой главе говорится о порядке допроса обвиняемого, а в главе седьмой рассматривается порядок допроса свидетеля. Это все еще раз говорит нам о наличии множества элементов (в данном случае следственных действий), которые находятся в отношениях друг с другом и образуют единство, что и является не-

обходимым признаком системы. Однако существующая система следственных действий была довольно нечеткой, так как не существовало исчерпывающего перечня следственных действий.

Теперь рассмотрим все следственные действия, которые производились при проведении следствия согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 года.

Первым следственным действием в Уставе закреплен осмотр и освидетельствование.

Под осмотром и освидетельствованием нужно понимать такие действия, через которые уполномоченный на производство их орган власти непосредственно убеждается в существовании или несуществовании известных фактов, или присущих известным фактам признаков или свойств, имеющих в данном деле значение уголовных доказательств¹.

В ст. 317 Устава уголовного судопроизводства говорится о том, что осмотр и освидетельствование производится днем, кроме случаев, не терпящих отлагательств. Это положение и сейчас закреплено в УПК РФ, только уже применительно ко всем следственным действиям.

Проведение осмотра и освидетельствования проводится практически всегда в присутствии судебного следователя, за исключением случаев,

1) когда проводится освидетельствование женщин, которое сопровождается обнажением скрытых частей тела, если свидетельствуемые потребуют, чтобы он при этом не находился (ст. 351 Устава);

2) при проведении освидетельствования через сведущих людей, в случае «когда не встретится особых препятствий». Ст. 318 Устава требует от судебного следователя при производстве осмотров и освидетельствований обращать внимание не только на явные признаки преступлений, но также на местность, предметы, окружающие следы преступления. В случае необходимости следователь должен был делать надлежащие измерения, а если возможно, то и чертёжи осмотренных мест и предметов.

В законе нет точного указания следователю в отношении приглашения эксперта. По всей видимости, он приглашал экспертов соответственно свойству необходимой экспертизы.

Так, например, выяснено, что по делам о несчастиях на железных дорогах желательнее, чтобы следователи, независимо от приглашения сведущих людей, обращались также за назначением экспертов к местным правительственным инспекторам железных дорог или же в Мин. путей сообщ².

Закон регулирует правила переосвидетельствования трупа (ст.346-347 Устава). В данное время это самостоятельное следственное действие, известное как эксгумация.

Далее следует рассмотреть положения Устава уголовного судопроизводства, которые относятся к проведению обысков и выемок (ст.357-376 Устава).

Для того чтобы исполнить возложенную на уголовный суд задачу, необходимо создать возможность сосредоточения в его руках всех уголовных доказательств. Ему, следовательно, необходимо иметь в своем распоряжении и те вещественные доказательства, которые несут в себе следы совершившегося преступления и могут иметь значение важного средства к установлению события преступления и обнаружению виновника его. Действия, предпринимаемые органами следственной власти с целью разыскивания этих вещественных доказательств, выражаются в обысках, а также в выемках как результат их³.

Обыск представлялся в то время крайним средством действия, и поэтому к его производству надлежало прибегать тогда, когда кроме как по средствам его невозможно обнаружение разыскиваемого преступника и вещественных доказательств. Так, в ст. 357 Устава закреплены основания производства обыска. В частности, говорилось, что обыски в домах и иных помещениях производятся лишь в том случае, если имеются основательные подозрения о нахождении в этих местах обвиняемого или предметов преступления, или вещественные доказательства, необходимые для объяснения дела. Относительно обыска и выемки в Уставе закреплены нормы, которые и в ныне действующем УПК РФ нашли свое отражение. Например, Устав запрещает оглашать обстоятельства, которые стали известны в процессе производства обыска и не относятся к следствию (ст. 367); Устав обязывает производить обыск и выемку только днем,

¹ Случевский В. Учебник русского уголовного процесса: Судостроительство – судопроизводство. С.-Пб., 1913. С.315-317.

² Там же. С.321.

³ Там же. С.334-335.

но в случае необходимости, допускается и ночью, не иначе, однако, как с объяснением в протоколе причин, побудивших следователя прибегнуть к этой чрезвычайной мере (ст. 363).

Устав уголовного судопроизводства детально регламентирует порядок производства допроса обвиняемого и свидетелей. Статья 398 закона закрепляет положение о том, что судебный следователь обязан снять с обвиняемого первоначальный допрос немедленно и никак не позже суток после явки или привода его. Прежде чем проводить допрос, следователь удостоверяется в его самоличности и объявляет ему, в чём он обвиняется (ст. 403). Предлагаемые обвиняемому вопросы должны быть кратки и ясны (ст. 404). Если обвиняемый откажется отвечать на данные ему вопросы, то следователь, отметив о том в протоколе, изыскивает другие законные средства к открытию истины (ст. 406). При наличии в деле нескольких обвиняемых, допрашивались они порознь.

Относительно допроса свидетелей в Уставе закреплено, что при производстве допроса вопросы и ответы свидетеля должны быть кратки и ясны (ст. 447); показания записываются в первом лице, собственными словами дающего показания, без всяких изменений, пропусков и прибавлений, слова и выражения, простонародные, местные или не совсем понятные объясняются в скобках (ст. 409). Прежде чем давать показания, свидетель должен был принести присягу. Свидетели приводились к присяге в судебном заседании. Каждый присягал по обряду своего вероисповедания. Статья 704 закрепляла перечень лиц, которые не допускались к свидетельству: 1) безумные и сумасшедшие; 2) священник — в отношении к признанию, сделанном им на исповеди; 3) присяжные поверенные и другие лица, исполнявшие обязанности защитников подсудимых, — в отношении к признанию, сделанному им доверителями во время производства о них дел.

Общая оценка Устава уголовного судопроизводства, в части регулирования им проведения следственных действий, по нашему мнению, должна быть положительной. Об этом говорит наличие нескольких моментов. В первую очередь необходимо отметить, что впервые в России был систематизирован порядок проведения следственных действий. Следствие, по Уставу, ведет не полиция, а судебные следователи. Сам Устав не только перечислял виды следственных действий, но подробно регламентировал процесс их производства с четким алгоритмом действий. Об этом можно судить по основным положениям следственных действий, которые подробно были описаны нами выше. О высокой грамотности Устава уголовного судопроизводства может свидетельствовать то, что некоторые его положения нашли отражение в последующих уголовно-процессуальных кодексах, и даже в настоящем УПК РФ.

КОНТРОЛЬ ОВД ЗА ОБОРОТОМ СЛУЖЕБНОГО ОРУЖИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ОХРАННЫХ СТРУКТУР

*Подчерняев С.Н.,
начальник отделения отдела
лицензионно-разрешительной работы
УВД по Орловской области*

Прежде чем обратиться к содержанию деятельности органов внутренних дел по осуществлению контроля за оборотом оружия в деятельности охранных структур, целесообразно вначале остановиться на понятийной характеристике и содержании данного термина – контроль.

Анализируя методологическое содержание понятия контроля, среди разнообразных толкований данной дефиниции, имеющих в специальной литературе, необходимо отметить, что наиболее приемлемым является термин, в котором контроль рассматривается как совокупность, во-первых, норм, институтов и отношений, направленных на обеспечение единообразного поведения людей в определенных ситуациях, обусловленных интересами обеспечения общественной безопасности, и во-вторых, соответствующей деятельности уполномоченных органов исполнительной власти по реализации указанных нормативных предписаний. Иными словами, государство средствами административного права должно оказать управляющее воздействие на

определенный участок социальной деятельности людей, объектом которой в данном случае является оружие.

Контроль представляет собой одну из форм руководства и государственного управления определенной сферой социальных отношений и одновременно выступает одним из методов правоохранительной деятельности. Контроль не сводится только к надзору и фиксации определенных нарушений, он включает и правовое реагирование на них, в том числе оказание необходимой и своевременной помощи по их предупреждению и устранению.

Среди форм контроля следует выделить, прежде всего, информационный, предупредительный и карательный контроль. При этом информационный контроль выражается в сборе и обобщении необходимой информации с целью принятия предупредительных либо карательных мер.

Предупредительный контроль направлен на предотвращение наступления вредных последствий, которые могли бы возникнуть вследствие невыполнения необходимых мероприятий. Карательный контроль выражается в применении мер государственного принуждения к нарушителям, виновным в ненадлежащем исполнении или неисполнении обязательных мероприятий или законодательных предписаний.

Рассматривая правовые основы осуществления органами внутренних дел контроля за оборотом служебного оружия в деятельности частных охранных структур, необходимо исходить из ситуации, при которой обязательность такого контроля вытекает не только из положений Федерального закона «Об оружии», но из содержания процесса лицензирования частной охранной деятельности.

Так, порядок лицензирования негосударственной (частной) охранной деятельности, установленный Положением о лицензировании указанной деятельности, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 14 августа 2002 г. № 600 предусматривает (пункт 4), что лицензионными требованиями и условиями при осуществлении охранной деятельности, в числе иных, являются соблюдение лицензиатом требований нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих оборот оружия и специальных средств¹. Далее указанное постановление Правительства Российской Федерации определяет (пункт 8), что в целях контроля за соблюдением лицензиатом лицензионных требований и условий лицензирующий орган проводит плановые и внеплановые проверки.

В этой связи необходимо отметить, что рассматриваемое постановление устанавливает, что лицензирование охранной деятельности осуществляется Министерством внутренних дел Российской Федерации.

Следовательно, задача осуществления контроля за соблюдением частными охранными предприятиями (лицензиатом) требований и условий, предъявляемых к частной охранной деятельности, является общей задачей органов внутренних дел, а не только подразделений лицензионно-разрешительной работы. Обоснованность данного тезиса подтверждается, в частности, Наставлением по организации контроля органами внутренних дел за частной детективной и охранной деятельностью, которое утверждено приказом МВД России от 31 декабря 1999 г. № 1105 «О мерах по усилению контроля органами внутренних дел за частной детективной и охранной деятельностью»², разработанном, как отмечено в рассматриваемом приказе, в целях повышения эффективности контроля за частной детективной и охранной деятельностью, предупреждения и пресечения совершения персоналом частных охранных, детективных предприятий и служб безопасности противоправных действий. Наставление определяет основные направления, формы и методы работы подразделений органов внутренних дел по осуществлению контроля за частной детективной и охранной деятельностью. Основными задачами органов внутренних дел в данной сфере названы:

- предупреждение правонарушений в сфере частной детективной и охранной деятельности;

¹ Об утверждении Положения о лицензировании негосударственной (частной) охранной деятельности и Положения о лицензировании негосударственной (частной) сыскной деятельности (с изменениями от 26 января 2007г.): Постановление Правительства Российской Федерации от 14 августа 2002 г. № 600 // СЗ РФ. 2007.

² Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2000. № 4.

- контроль за порядком учета, хранения и использования служебного и гражданского оружия, специальных средств в охранно-сыскных предприятиях;
- пресечение административных правонарушений и преступлений, принятие мер к работникам указанных предприятий, в соответствии с законодательством;
- выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений работниками указанных предприятий, особенно с использованием имеющегося у них служебного и гражданского оружия, принятие мер по их устранению;
- привлечение частных охранников к сотрудничеству в качестве внештатных сотрудников милиции;
- создание необходимых условий для взаимодействия с охранно-сыскными предприятиями в охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Кроме того, рассматриваемый приказ определяет задачи различных служб органов внутренних дел (криминальной милиции и милиции общественной безопасности, подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения и лицензионно-разрешительной работы) в данной сфере. В частности, предусмотрено закрепление за каждым охранно-сыскным предприятием сотрудников подразделений милиции общественной безопасности и криминальной милиции, курирующих частную детективную и охранную деятельность.

Плановая проверка, как указано в названном постановлении Правительства Российской Федерации № 600, может проводиться не чаще одного раза в два года. При этом уточняется, что проверка наличия, организации хранения и учета лицензиатом оружия, патронов и специальных средств проводится в соответствии с законодательством Российской Федерации, регламентирующим оборот оружия и специальных средств.

Проведение внеплановой проверки обуславливается тремя обстоятельствами:

- если в результате плановой проверки были выявлены нарушения лицензионных требований и условий;
- в случае получения от органов государственной власти и контроля (надзора) информации о нарушении лицензиатом лицензионных требований и условий;
- в случае обращения граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей с жалобами на нарушение их прав и законных интересов действиями (бездействием) лицензиата, а также получения иной информации, подтвержденной документами и другими доказательствами, свидетельствующими о наличии признаков такого нарушения.

Следовательно, контроль за оборотом оружия в частных охранных предприятиях выделен в самостоятельный процесс и как бы вынесен за скобки общего контроля за соблюдением лицензиатом лицензионных требований и условий. Это означает, что нормативные правила и условия оборота служебного оружия в указанных предприятиях являются такими же, как и в иных предприятиях, методика контроля единая (определенное значение могут иметь только особенности, обусловленные производственной спецификой). Отсюда следует, что выход органа внутренних дел за рамки установленного правового регулирования (так называемая инициатива исполнителя) будет рассматриваться как незаконные действия со всеми вытекающими из этого последствиями.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Попрядухина Г.П.,
заместитель начальника кафедры
криминалистики и предварительного
расследования в ОВД Орловского
юридического института МВД России*

Доказывание - сложный и непрерывный процесс, охватывающий все стадии уголовного судопроизводства.

С философской точки зрения доказывание при производстве по уголовному делу является не чем иным, как процессом познания, в ходе которого из незнания возникает знание, вос-

становливается подлинная картина события или явления, состоявшегося в прошлом, выявляются правда, истина. Уголовно-процессуальное доказывание не может осуществляться при игнорировании общих гносеологических закономерностей.

Понятие доказывания в значительной мере предопределено в ст. 85 УПК РФ. В соответствии со сказанным в ней доказывание - это регулируемая уголовно-процессуальным законом деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Разрешение всякого уголовного дела сводится к выполнению двух задач: 1) к установлению наличия или отсутствия определенного события, 2) к подведению этого события под соответствующую правовую норму, то есть применение к нему закона¹.

Говоря о доказывании в уголовном процессе, законодатель оперирует понятием доказательств, подразумевая под ними любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Одной сложной фазой доказательственной деятельности является оценка доказательств. Законодатель обязал суд, прокурора, следователя, дознавателя подвергать оценке каждое доказательство с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела.

С учетом сказанного можно определить оценку доказательств как логический процесс установления наличия и характера связей между доказательствами, определения роли, значения, достаточности и путей использования доказательств для установления истины. Подобная оценка предпринимается для выяснения:

- в какой связи находится данное доказательство с другими собранными по делу доказательствами, каков характер и значение этой связи;
- каково значение данного доказательства и совокупности доказательств для обнаружения истины, является ли совокупность доказательств достаточным основанием для признания доказанными тех или иных обстоятельств дела, для принятия того или иного процессуального решения по делу;
- как может быть использовано данное доказательство в процессе дальнейшего доказывания.

Значение и направленность оценки доказательств зависят от того, в какой момент производства по делу она производится. Это значение определяется числом оцениваемых доказательств (и, следовательно, объемом оцениваемой информации); полнотой оцениваемой доказательственной информации; характером и важностью тех процессуальных решений, которые принимаются на основе результатов оценки; характером и сложностью тактических решений, которые предполагаются по результатам оценки, особенно в ситуации тактического риска; объемом и характером предстоящей работы по делу.

В ст. 17 УПК РФ закреплена основная принцип оценки доказательств, согласно которому судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью; при этом никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

В ходе доказывания оценке подлежит достаточность доказательств. Это в доказывании означает:

- признание собранных доказательств достаточным основанием для вывода о доказанности предмета исследования, иными словами, признание достаточности доказательств для принятия того или иного решения;
- признание обоснованности принятого или принимаемого по делу решения, то есть установление логической связи между основанием (доказательствами) и выводом из него¹.

¹ Смирнов А.В. Уголовный процесс: Учебник для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский // Под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2004. С.177.

Существенным для оценки доказательств является такая юридическая категория, как внутреннее убеждение, которое при оценке доказательств необходимо рассматривать в двух аспектах: как метод оценки доказательств и как ее результат. Как метод оценки доказательств внутреннее убеждение гарантируется, прежде всего, отсутствием правил о преимуществах одного вида доказательств перед другими. Внутреннее убеждение, как результат оценки доказательств, означает уверенность дознавателя, следователя, прокурора, судьи в соответствии оцениваемых доказательств тем свойствам, которые предусмотрены для них законом, и в правильности выводов, которые делаются этими должностными лицами по итогам уголовно-процессуального доказывания. Выводы: сущность оценки доказательств, как фазы доказывания, состоит в следующем:

- решение вопроса о возбуждении уголовного дела;
- выдвижение исходных версий и определение направления расследования;
- привлечение конкретного лица к уголовной ответственности и избрание меры пресечения;
- принятие мер по преодолению противодействия расследованию;
- принятие решения о производстве принудительных следственных действий;
- приостановление или окончание производства по делу;
- назначение подсудимому справедливого наказания.

ПРАВО АДВОКАТА НА ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Рагулин А.В.,

*к.ю.н., заведующий кафедрой адвокатуры
Юридического института Восточной
экономико-юридической гуманитарной
академии, адвокат коллегии адвокатов
Республики Башкортостан
«Муратов и партнеры» (г. Уфа)*

В соответствии с п. 6 ч.1 ст. 53 УПК РФ адвокат вправе знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться этим лицам, а согласно п. 6 ч.3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Далее- ФЗ «Об адвокатуре») адвокат вправе фиксировать, в том числе с помощью технических средств, информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну.

Исходя из буквального понимания данных норм закона, адвокат имеет право фотографировать и (или) копировать протоколы следственных действий, в которых он участвовал, а также протоколы следственных действий, которые предъявлялись или должны были предъявляться его подзащитному, в том случае, когда эти следственные действия были проведены до вступления адвоката в дело.

Несмотря на это, адвокаты нередко сталкиваются с тем, что лица, осуществляющие предварительное расследование, зачастую не позволяют им знакомиться с соответствующими документами и (или) снимать копии и выписывать сведения из протоколов следственных действий, произведенных с участием подзащитного, или иных документов, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подзащитному. Обычно подобные отказы обосновываются тем, что право знакомиться с материалами уголовного дела и снимать с них копии предусмот-

¹ Снегирев Е.А. Оценка доказательств по внутреннему убеждению: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С.12.

рено ст. 217 УПК РФ и может быть реализовано лишь по окончании предварительного расследования, но никак не в его начале.

С подобным явлением неоднократно сталкивалось 57 % из 200 опрошенных нами адвокатов. По этой причине ознакомление защитника с этими документами нередко происходит только путем их прочтения, что некоторым образом ограничивает права адвоката и его подзащитного в возможности выявлять недостатки и нарушения, которые могли иметь место при производстве следственных действий. В случаях отказа в ознакомлении с материалами дела, указанными в п. 6 ч.1 ст. 53 УПК РФ, адвокатам зачастую приходится обращаться в суд с жалобами. Отметим, что эти жалобы, как правило, судом удовлетворяются.

В связи с изложенным отметим, что мы полностью солидарны с позицией Л. Казанцева, который пишет, что «право снимать копии бесспорно относится к средствам и способам защиты: адвокаты расценивают снятие копий с материалов уголовного дела как способ защиты, так как оно позволяет защитнику совместно с обвиняемым в удобное для защитника и обвиняемого время без присутствия следователя или иного лица, «охраняющего» уголовное дело, ознакомиться с теми его материалами, на ознакомление с которыми они имеют право, дает возможность обвиняемому свободно сформировать свою позицию по делу, выразить свое отношение к предъявленному обвинению, осуществлять подготовку к следственным действиям с опорой на протоколы предыдущих допросов и иных следственных действий. Имеющиеся на руках у обвиняемого и защитника копии материалов уголовного дела дают возможность, помимо прочего, составлять грамотные и обоснованные ходатайства и жалобы, с приложением копий материалов уголовного дела, в том числе и в органы, которые не имеют в своем распоряжении таких материалов: например Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, в Европейский Суд по правам человека, а также гарантирует обвиняемого от внесения в протокол исправлений и дополнений»¹.

Следователи в обоснование своей позиции ссылаются на то, что в п.6 ч.1 ст. 53 УПК РФ прямо не указывается, что адвокат имеет право делать выписки из данных документов или ксерокопировать их, поэтому отказ следователя в предоставлении адвокату соответствующих материалов уголовного дела для ксерокопирования, по их мнению, не является нарушением УПК РФ. Данная позиция не основана на законе.

Нам представляется, что необоснованные запреты подобного рода связаны как с тем, что некоторые следователи не желают предоставлять стороне защиты никакую информацию, с помощью которой она может эффективно реализовывать свою процессуальную функцию, так и с тем, что следователи при отсутствии надлежащего контроля со стороны защиты, могут фальсифицировать материалы уголовного дела.

Думается, что указанная позиция следователей во многом объясняется тем, что они опасаются, что адвокат может, что называется, «развалить» дело. Очевидно, что эта позиция вызвана неправильным взглядом на место и роль адвоката-защитника как участника уголовного судопроизводства.

По этому поводу еще в 1978 году А.Д. Бойков писал, что неправильный взгляд на роль и место адвокатуры порождает ряд дополнительных трудностей, которые адвокату приходится преодолевать при выполнении профессиональных обязанностей². Очевидно, что эти слова не утратили своей актуальности и сегодня, более тридцати лет спустя.

Наряду с этим М.С. Строгович справедливо отмечал: «Было бы глубочайшей ошибкой думать, что настойчивая, мужественная защита может повредить правосудию, ослабляя борьбу с преступностью. Если обвинение действительно обосновано, правильно, законно, оно выдержит борьбу с защитой. А если этого нет, защита поможет опровергнуть необоснованное обвинение, - и это послужит только на пользу правосудию, а не во вред ему»³.

Здесь следует отметить, что в соответствии со ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства является как защита прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от преступлений, так и защита личности от незаконного обвинения, осуждения, ограни-

¹ Казанцев Л. Право снимать копии с материалов уголовного дела принадлежит защитнику и до окончания предварительного расследования // Российская юстиция. 2003. № 11.

² См.: Бойков А.Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам, М.1978. С.99.

³ Строгович М.С. Предисловие к кн. «Защитительные речи советских адвокатов». М., 1956. С.7.

чения ее прав и свобод. Назначению уголовного судопроизводства соответствуют и основные задачи, возлагаемые на адвокатов, поскольку адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая адвокатами на профессиональной основе физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Запреты знакомиться с материалами уголовного дела в процессе предварительного расследования, устанавливаемые сотрудниками правоохранительных органов, нам представляются необоснованными и незаконными как в связи с содержанием п. 6 ч.1 ст. 53 УПК РФ и п. 6 ч.3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатуре», так и в связи с указанием в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П на то, что «отказ защитнику в ознакомлении с материалами следствия, которые были добыты с участием подозреваемого или стали ему известны иным образом до признания его подозреваемым, как и ограничение права защитника выписывать из материалов, с которыми он был ознакомлен до окончания следствия, любые сведения и в любом объеме, не имеют разумного основания, не могут быть оправданы интересами следствия или иными конституционно значимыми целями, допускающими соразмерные ограничения прав и свобод (статья 55 часть 3 Конституции Российской Федерации)»¹.

Аналогичные доводы изложены и в определении Конституционного Суда РФ от 12.05.2003г № 173-О «По жалобе гр. Ковалея Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями ст.47 и 53 УПК РФ».

В обоснование своей позиции отметим также, что согласно ч. 2 ст.16 УПК суд, прокурор и следователь обязаны обеспечивать обвиняемому возможность защищаться всеми, не запрещенными УПК способами и средствами. УПК РФ не содержит запрета снимать копии с документов, с которыми адвокат вправе знакомиться. Статья 55 Конституции РФ говорит о возможности ограничения прав и свобод человека только федеральным законом и только в целях защиты основ конституционного строя, других существенных целей, а федерального закона, содержащего запрет адвокату снимать копии с документов, с которыми адвокат вправе знакомиться, нет.

Следует учитывать, что лица, проводящие предварительное расследование, руководствуются, как правило, лишь УПК РФ (причем нередко в достаточно своеобразной интерпретации его норм), не принимая во внимание ни ФЗ «Об адвокатуре», ни тем более Постановления Пленума Верховного Суда РФ или Конституционного Суда РФ. В связи с этим, нам представляется что п. 6 ч.1 ст. 53 УПК РФ следует дополнить указанием на возможность снятия копий с указанных в этой статье процессуальных документов с использованием технических средств.

Еще одним аспектом вышеобозначенной проблемы является отказ следователя в ознакомлении адвоката с одним из важнейших процессуальных документов уголовного судопроизводства – постановлением о возбуждении уголовного дела, основанный, опять же, на отсутствии прямого указания об этом в УПК РФ, а также ссылкой на то, что уголовное дело возбуждено не в отношении подзащитного этого адвоката, а по факту совершения преступления, т.е. в отношении неустановленного лица. С подобным явлением в своей практике сталкивались 32% опрошенных нами адвокатов.

Данное явление нам также представляется незаконным по следующим причинам. При отказе в удовлетворении указанных выше ходатайств адвоката следователи не учитывают правовую позицию Конституционного суда РФ, касающуюся содержания прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и их защитников.

В соответствии с п.1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ подозреваемый вправе знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении против него уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения, а на основании п.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе знать, в чем он обвиняется. В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ адвокат вправе знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому.

¹ См.: Вестник конституционного суда РФ. 2000. № 5. С.46-52.

Согласно правовой позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О «Статья 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации обязывает органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. В силу непосредственного действия названной конституционной нормы любая затрагивающая права и свободы гражданина информация (за исключением сведений, содержащих государственную тайну, сведений о частной жизни, а также конфиденциальных сведений, связанных со служебной, коммерческой, профессиональной и изобретательской деятельностью) должна быть ему доступна при условии, что законодателем не предусмотрен специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость и соразмерность ее особой защиты».

Поскольку в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации ограничения права граждан на доступ к информации могут быть установлены только законом, а пункт 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ и пункт 6 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации не содержат каких-либо указаний на необходимость введения подобных ограничений в отношении обвиняемого и его защитника, применение названных норм должно осуществляться в соответствии с приведенными правовыми позициями.

Следователи при отказе в удовлетворении ходатайств адвоката также не учитывают (либо учитывают, но сознательно идут на подобное нарушение в личных целях или из ложно понятых интересов службы), что отказ ознакомить адвоката и его подзащитного с постановлением о возбуждении уголовного дела не позволяет подозреваемому и (или) обвиняемому реализовывать предоставленные ему процессуальные права, в частности – право обжаловать постановление о возбуждении уголовного дела, которое нарушает его конституционные права. На наличие у обвиняемого права обжаловать постановление о возбуждении уголовного дела неоднократно указывал как Конституционный Суд РФ,¹ так и Верховный Суд РФ².

Отказ следователя в предоставлении для ознакомления постановления о возбуждении уголовного дела препятствует обвиняемому и его защитнику в реализации права, предусмотренного п. 21 ч. 4 ст. 47 и п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, а именно – права защищаться и защищать любыми способами, не запрещенными УПК РФ. Необходимость ознакомления с постановлением о возбуждении уголовного дела для стороны защиты обусловлена тем, что с учетом содержания данного постановления права обвиняемого могут быть реализованы на досудебной стадии уголовного судопроизводства путем обжалования незаконных действий, связанных с нарушениями, допускаемыми при регистрации заявления о преступлении, с отсутствием оснований для возбуждения уголовного дела, с избранием меры пресечения, с продлением срока предварительного расследования и срока содержания под стражей и т.п.

Возбуждение уголовного дела в отношении неустановленного лица также не может служить основанием для отказа в предоставлении постановления о возбуждении уголовного дела, поскольку по аналогичному поводу также имеется высказанная Конституционным Судом РФ правовая позиция. Так, рассматривая жалобу, причиной которой послужил недопуск адвоката в качестве защитника подозреваемого к участию в уголовном деле, возбужденном в отношении неустановленного лица, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П указал, что «по буквальному смыслу положений, закрепленных в статьях 2, 45 и 48 Конституции Российской Федерации, право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу, независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность..., а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность»³. Развивая данную правовую позицию, мы приходим к выводу о том, что возбуждение уголовного дела в отношении неустановленного лица не может

¹ См. напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 300-О.

² См. напр.: Определение № 48-Дп02-14 по делу Д., Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, декабрь 2003 г., № 12.

³ См.: Вестник конституционного суда РФ. 2000. № 5. С.46-52.

препятствовать ознакомлению лица, привлекаемого по данному делу в качестве подозреваемого и (или) обвиняемого, с постановлением о возбуждении уголовного дела.

На основании вышеизложенного мы предлагаем дополнить п. 6 ч.1 ст. 53 УПК РФ указанием на возможность ознакомления адвоката с постановлением о возбуждении уголовного дела в отношении его подзащитного либо в отношении неустановленного лица в случае, если подзащитный адвоката привлекается к ответственности и (или) к нему применяются какие-либо меры уголовно-процессуального принуждения в рамках этого уголовного дела.

Представляется, что высказанные в выше идеи и предложения могут способствовать эффективной охране личных, имущественных и профессиональных прав адвокатов, и, как следствие – более действенной реализации закрепленного в ч.1 ст. 48 Конституции РФ права каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

К ВОПРОСУ О КОНТРОЛЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЦИФРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В СУДЕБНОЙ ФОТОГРАФИИ

Ростовцев А.В.,

*к.ю.н., доцент, заместитель
начальника кафедры криминалистики
Тульского филиала Московского
университета МВД России*

Цифровая фотография в настоящее время широко используется в качестве запечатлевающего средства при производстве следственных действий, экспертных исследований, проведении оперативно - розыскных мероприятий. Снимки, полученные с помощью цифровых фотоаппаратов, являются приложениями к протоколам следственных действий, главным образом осмотров мест происшествий, а также обысков, следственных экспериментов, проверки показаний на месте. При этом цифровая фотография обладает рядом преимуществ по сравнению с плёночной¹, а именно:

- значительно упрощается и ускоряется процесс обработки фотографических изображений;
- просмотр изображения на экране ЖК – монитора фотоаппарата, позволяет оценить его качество и сделать, если это потребуется, повторную съёмку. Контроль качества изображения до его вывода на печать уменьшает объём расходных материалов и, следовательно, снижает стоимость одного отпечатка;
- цифровые изображения могут сколь угодно долго храниться на разнообразных носителях информации без потери качества, чего нельзя сказать об обычном фотографическом снимке.

Объективными предпосылками возможности и целесообразности широкого использования цифровой фото- и видеотехники при производстве следственных действий, судебных экспертиз, проведении оперативно-розыскных мероприятий являются:

- высокий уровень оснащённости компьютерной техникой правоохранительных органов;
- достаточная подготовленность кадров;
- значительный экономический эффект от снижения стоимости и сокращения времени изготовления иллюстраций.

Вышеперечисленные преимущества цифровых камер способствовали тому, что по нормам положенности технических средств для экспертно-криминалистических центров при МВД, ГУВД, УВД субъектов России² в разделе «Технические средства для видео- фотодокументирования» цифровые фотокамеры имеют равное представительство наряду с зеркальными плёночными фотоаппаратами.

¹ Жалпанова Л.Ж. Цифровая фотография: от новичка к мастеру. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С.3.

² Приложение №1 к приказу МВД России от 16.12.2003 № 985.

В качестве запечатлевающего средства при производстве следственных действий, экспертных исследований, проведении оперативно-розыскных мероприятий рекомендуется использовать цифровые фотокамеры с разрешением матрицы не менее 6-8 МП, желательно оснащенные системой стабилизации изображения, возможностью смены объектива или изменения фокусного расстояния (встроенный зум-объектив) от 28 до 140 мм и более, чувствительностью матрицы 64-800 ISO и более, возможностью ручной и автоматической фокусировки, наличием макрорежима, позволяющего фиксировать след пальца руки в масштабе 1:1, с диапазоном выдержек 1/2000-16 сек и более, универсальным питанием (доступные аккумуляторы типа AA), штатной встроенной фотовспышки и возможностью использования внешней вспышки¹.

Отчасти негативное отношение к результатам применения цифровой фотографии в уголовном судопроизводстве объясняется возможностью опосредованного воздействия специалиста или непосредственного воздействия программного обеспечения на электронное изображение объектов фотографической фиксации места происшествия или иных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий.

Следует отметить, что и в плёночной фотографии в процессе основных этапов получения фотоснимка (фотосъёмка – получение негатива – получение позитива) возможно искажение объективной реальности путём маскирования, ретуши. Более того, в практике правоохранительных органов имели место случаи экспертного исследования фактов фотомонтажа².

Аналогичные искажения, в том числе и монтаж, могут быть получены с использованием фотосъёмки на цифровые камеры. Наиболее уязвимым местом, позволяющим корректировать электронное изображение, является процессор персонального компьютера. При этом в электронное изображение могут быть внесены изменения, аналогичные по результатам изменениям, вносимым в изображения, полученным обычной фотографией на галогенидсеребряных слоях.

Цифровое изображение - это последовательность цифровых данных, записанных на носитель электронной информации. Файл содержит не только само изображение, но и техническую информацию, записанную цифровой камерой, о режимах съёмки, настройках самой камеры, сведения о производителе и модели, серийный номер камеры, порядковый номер снимка по внутреннему счетчику, дату и время съёмки.

Для того чтобы контролировать внесение изменений в цифровые данные, а точнее - не допустить их, существует несколько способов.

Первый из них - это использование устройств: цифровая камера - принтер, работающих по принципу «после съёмки - сразу на печать»³. После фотосъёмки цифровая камера соединяется напрямую с принтером, без промежуточного звена - компьютера. Информация, отражающая результаты фотосъёмки на цифровую камеру, немедленно выводится на печать, тут же верстается фототаблица. Положительной стороной этого варианта является то, что понятия могут сразу же поставить свои подписи под фотографиями, что подтвердит достоверность фотоснимков и снимет вопрос о возможности каких-либо манипуляций с цифровыми изображениями.

Вторым вариантом сохранения цифровых изображений может быть признан способ, при котором после фиксации цифровые изображения записываются на CD - диск однократной записи с помощью переносного персонального компьютера (NOTEBOOK) или устройства записи на CD- диск (CD - writer)⁴. CD - диск опечатывается следователем, и на конверте расписываются все участники процессуальных действий. Изображение, зафиксированное цифровой камерой на карте памяти, будет выполнять ту же роль, что и негатив в обычной

¹ Мартынов В.В. Об использовании цифровой фотографии // Информационное письмо ЭКЦ МВД России № 37/21 от 15.03.2007г.

² Газизов В.А. Проблемы использования цифровой фотографии в досудебном производстве / В.А. Газизов, и др // Судебная экспертиза: дидактика, теория, практика: Сб. науч. тр. М.: Московский университет МВД России. 2005. С.131.

³ Там же. С.133.

⁴ Мартынов В.В. Указ. раб.

фотографии. При необходимости в подтверждение достоверности иллюстраций в фототаблицах информацию можно просмотреть как на предварительном следствии, так и в суде. В случае если в ходе судебного разбирательства возникнет вопрос о возможной фальсификации полученных доказательств, он разрешается посредством судебной экспертизы.

Разновидностью второго способа является применение лазерной цифровой записи фото- и видеоинформации на дисках одноразовой регистрации непосредственно на камере в процессе съемки¹. В следственной практике могут найти применение такие модели цифровых фотоаппаратов, в которых фотоизображение записывается на одноразовые 8 см mini CD-R диски (например, аппараты типа Sony Mavica CD-500 и др.). Перед зарядкой диск удостоверяется подписями участников следственного действия, его номер фиксируется. После съемки отснятые кадры просматриваются, их количество и содержание протоколируются. Используемый диск помещается в конверт и прилагается к протоколу. В дальнейшем диск - носитель информации - используется для изготовления фотоснимков. Поскольку первичная информация на диске не поддается изменению, всегда сохраняется возможность подтверждения подлинности полученных снимков (при необходимости назначается фототехническая экспертиза).

В ситуациях, когда важно зафиксировать динамику действий, эффективно применение цифровой видеозаписи (проведение следственного эксперимента, проверки показаний, осмотра места происшествия, обыска и других следственных действий). Учитывая криминалистическую специфику использования результатов видеозаписи в состязательном процессе (возможность выдвижения версий о монтаже фильма, отдельной записи изображения и звука и т. п.), следует также отдать предпочтение видеокамерам с цифровой записью аудио- и видеоинформации на одноразовые 8см диски формата DVD-R².

Третий выход из ситуации реализован в уголовно-процессуальном законодательстве. Привлекая специалиста к участию в следственных действиях, следователь в порядке ч.5 ст.164 УПК России предупреждает его об уголовной ответственности, предусмотренной ст.307 УК России. Уголовная ответственность специалиста за дачу заведомо ложных показаний служит эффективным средством, препятствующим фальсификации результатов фотографической фиксации хода следственного действия, так же как и ответственность экспертов по ст.307 УК России за дачу заведомо ложного заключения.

Таким образом, высокий уровень оснащённости компьютерной техникой правоохранительных органов, достаточная подготовленность кадров, значительный экономический эффект от снижения стоимости и сокращения времени изготовления иллюстраций способствуют широкому применению цифровой фотографии и видеосъемки в уголовном судопроизводстве как на стадии предварительного расследования при производстве судебных экспертиз и следственных действий, проведении оперативно-розыскных мероприятий, так и на стадии судебного следствия.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП

*Сайфиева Ж.М.,
преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД
Тюменского юридического института
МВД России*

В XX в. городское население во многих странах становится все более и более разнородным с этнической точки зрения, со значительной концентрацией групп различных культур. Эта особенность часто выступает одной из причин разных всевозможных конфликтов между этими

¹ Вандер М. Цифровая фиксация аудио- и видеоинформации / М. Вандер, А Холопов // Законность. 2003. №8.

² Там же.

группами. Вместе с тем страны Европы и Северной Америки, где плотность населения высока, а количество городов огромно, являются прекрасной мишенью для террористов. Причем опасность терроризма усиливается в связи с открытостью границ многих государств, что объективно работает на террористов.

В настоящее время установленным фактом признается повышенная криминальная активность на территории Тюменской области преступных группировок, образованных по этническому признаку из числа жителей государств Закавказья и республик Северного Кавказа. Исследования показали, что в крупных городах Грузии, чеченцы и т.д. реально обостряет в них криминогенную ситуацию.

Организованная преступность — это системно связанная совокупность преступлений, совершаемых участниками устойчивых, иерархизированных, планомерно действующих преступных структур (групп, сообществ, ассоциаций), деятельность которых прямо или опосредованно взаимно подкрепляется и согласуется, будучи направлена на извлечение максимальной прибыли из преступного бизнеса на определенной территории или в определенной сфере, взятой под контроль, например, это Тюменская область – один из наиболее крупных географических регионов России.

Под этнической преступностью следует понимать совершение преступлений представителями этнических групп в составе группы, объединенной на основе общности территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера, наличия этнически родственных племен и народностей, отличающихся своей стройной структурой, а также отдельными представителями этнической группы в силу следования антиобщественным традициям и обычаям своего этноса, выражающим стереотип поведения представителей такой группы.

Этнические преступные группы принято определять как организованные преступные группы, во главе которых стоят лидеры и их ближайшее окружение одной национальности или народности. При этом криминальные интересы подобных образований проявляются, как правило, в достаточно отдаленных территориях. Их образ жизни и поведение носят оттенки этнических правил и традиций¹.

В условиях усиливающихся экономических и политических противоречий в целом ряде регионов происходит усиление этнических диаспор, использующих с большой выгодой противоправную деятельность. Безусловно, значительная часть иммигрантов относится к категории правопослушных лиц, однако миграционные процессы весьма благоприятны для вовлечения части из них в сферу преступной деятельности.

Работа с этнически однородным населением становится источником пополнения преступных групп и сообществ, которые с большей эффективностью используют в своих корыстных интересах национально-патриотические чувства этнических групп, особенно в тех регионах, где не происходит в надлежащей мере интеграция групп «иммигрантов» в принявшей их стране или регионе.

Изучение особенностей структурного построения и криминальной специализации преступных групп, организованных по этническому признаку, позволяют сделать вывод об их построении в зависимости от этнической принадлежности ее лидера.

Группы, занимающиеся преступной деятельностью, нельзя с полной уверенностью называть этническими в буквальном смысле этого слова. В их состав нередко входят лица других национальностей, не объединенные общностью территории. В таких случаях можно говорить об иноязычных преступных группах либо считать термин «этническая группа» условным и брать его в кавычки.

Преступления, совершаемые этническими группами, значительно отличаются от общей преступности. Еще в 1990г. в стране действовало 785 организованных преступных групп, в 1993г. их количество возросло до 5,7 тыс., в 1994г. существовало 6,1 тыс. криминальных группировок различной степени организованности. В настоящее время в стране действует около 100 тыс. организованных преступных групп, объединяющих более 40 тыс. активных участников под руководством 4,7 тыс. лидеров уголовной среды. Свыше 900 организованных преступных

¹ Геворгян Г.М. Криминологические проблемы борьбы с организованными этническими преступными формированиями в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

групп имеют межрегиональные, более 300 – транснациональные связи. Свыше 600 преступных групп сформированы по этническому признаку, созданы на основе землячества, характеризуют страны с низким уровнем развития.

В этнических группах роль лидера преступной группы играют главы семейств, старшие братья, старшие родов. Устойчивость группы определяется наличием родственных связей, общностью религии, направленностью умысла на совершение преступлений конкретного вида.

Внутригрупповые отношения в них основаны на осознании внутреннего единства, братства между членами группы. Это, как правило, характерно для представителей тех народов, у которых до сих пор сохранились элементы родовых отношений; в этнически однородных организованных группах среди его членов сохраняются и поддерживаются национальные традиции и обычаи (стиль одежды, отношения между старшими и младшими, семейный уклад); этническая идентификация порождает враждебное, пренебрежительное отношение к чужакам, что, в свою очередь, приводит к замкнутости этнической преступной группы; такие группы, как правило, имеют устойчивые транснациональные связи, что позволяет их членам поддерживать различные связи не только с родиной, но и с земляками, проживающими в других странах; действующие на одной территории этнические преступные группы имеют тенденцию к объединению, что создает условия для образования этнических преступных сообществ.

Формирование российских этнических преступных групп свидетельствует о том, что, несмотря на имеющиеся особенности, развитие этнических преступных групп, независимо от региона мира и этноса, не просто содержит в себе много общего, а происходит на основе одних и тех же принципов и закономерностей. Представителей этнических криминальных структур в целом отличает то, что, находясь на чужой территории, они не ассимилируются, а сохраняют высокий уровень своей самобытности и обособленности, что влечет за собой их сознательную отчужденность и противопоставление себя другим этносам.

В условиях усиливающихся экономических и политических противоречий в целом ряде регионов происходит усиление этнических диаспор, использующих с большой выгодой противоправную деятельность. Безусловно, значительная часть иммигрантов относится к категории правопослушных лиц, однако миграционные процессы весьма благоприятны для вовлечения части из них в сферу преступной деятельности.

Работа с этнически однородным населением становится источником пополнения преступных групп и сообществ, которые с большей эффективностью используют в своих корыстных интересах национально-патриотические чувства этнических групп, особенно в тех регионах, где не происходит в надлежащей мере интеграция групп «иммигрантов» в принявшей их стране или регионе.

Организованная этническая преступная группа, как и все организованные преступные группы обладает определенным набором участников.

Соучастие в преступлении – это умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ).

Участие двух или более лиц в совершении одного преступления означает, что каждое из этих лиц должно быть субъектом преступления, то есть достичь возраста уголовной ответственности ко времени совершения преступления (ст. 20 УК РФ) и быть вменяемым в момент его совершения (ст. 21 УК РФ). Необходимо отметить, что в судебной практике необоснованно расширяется понятие такой разновидности соучастия, как совершение преступления группой лиц.

Общность преступного результата при соучастии вытекает из объединения усилий соучастников, направленных к достижению единой цели. Это не исключает необходимость установления вклада каждого из соучастников в совместную преступную деятельность и дифференциацию и индивидуализацию их ответственности.

Уголовно-правовое значение института соучастия состоит, во-первых, в том, что он определяет круг лиц, несущих уголовную ответственность за совместно совершенное преступление. Во-вторых, институт соучастия определяет правовые основания и пределы уголовной ответственности этих лиц, прежде всего, тех из них, кто не является исполнителем или соисполнителем преступления. В-третьих, совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) является отягчающим наказанием обстоятельством в соответствии с п. «в» ч. 1

ст. 63 УК РФ. В-четвертых, в ряде случаев определенная форма соучастия является конститутивным, то есть обязательным и основным признаком состава преступления: организованная группа – в ст.ст. 208, 209, 239 УК РФ, преступное сообщество – в ст.ст. 210, 282-1, 282-2 УК РФ. В-пятых, в некоторых составах преступления (п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ и др.) совершение их группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой является квалифицирующим признаком, влекущим более суровое наказание, чем совершение преступления, образующего основной состав. В двух последних случаях уголовный закон отражает повышенную общественную опасность совместной преступной деятельности.

В основе выделения видов соучастников лежит функциональная роль каждого из соучастников или характер выполняемой им роли. Действующий уголовный закон выделяет четыре вида соучастников преступления, а именно исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника (ст. 33 УК РФ).

Исполнитель преступления – это лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Организатор преступления – это лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

Нередко организатор преступления своей деятельностью выполняет кроме своей роли также роли подстрекателя или пособника, однако отличие его роли от роли других соучастников состоит в том, что он соединяет усилия других лиц, совместно совершающих преступления.

Подстрекатель преступления – это лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Исходя из этого определения, можно сделать следующие выводы. Во-первых, подстрекателем является тот, кто возбудил (породил) у другого лица решимость совершить преступление. Причём это возможно как в тех случаях, когда намерение совершить преступление еще не возникло, так и в тех случаях, когда это намерение возникло, однако еще не перешло в решимость.

Пособник преступления – это лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы (ч. 5 ст. 33 УК РФ).

Сущность этнической преступной группы состоит в совместной деятельности лидеров и активных участников устойчивых преступных групп, направленной на создание благоприятных условий для совершения преступлений другими лицами путем консолидации преступной среды.

Особенности культуры и психики, самосознания могут быть определены как этнические свойства. В той или иной мере ими непременно обладают члены каждого этноса, независимо от того, проживают ли они компактно на определенной территории или находятся на значительном отдалении друг от друга.

АНТИНАРКОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ПОНЯТИЕ И ТЕХНОЛОГИИ

*Санькова О.А.,
к.п.н., доцент, Орловская региональная
академия государственной службы*

На Руси наркотические вещества волхвами и ведунами применялись издревле. Наши предки принимали одурманивающие сознание препараты (по-видимому, в первую очередь галлюциногенные грибы) под неусыпным контролем славянских жрецов в обрядовых и лечебных целях. Прибегание к наркотикам среди населения постепенно прекратилось с введением на Ру-

си христианства и взятием в руки Православной Церкви идеологических и здравоохранительных функций, что исключало использование языческих средств изменения сознания. Новый период употребления наркотических веществ (в первую очередь, алкоголя и табака) произошел во время правления Ивана Грозного. [6]

В условиях современной жизни нашей страны проблема наркотиков, очевидно, будет неуклонно расти до параметров, привычных для государств мира с развитой демократией и свободным рынком. Поэтому увеличение статистики наркопреступлений и зависимых от наркотиков должно не пугать общество, а призывать к наращиванию усилий в противостоянии этой проблеме всеми силами и средствами, находящимися в распоряжении нации.

Антинаркотическое воспитание - это процесс систематического, целенаправленного, комплексного психолого-педагогического взаимодействия субъектов образования, в ходе которого формируется антинаркотическая устойчивость личности воспитуемого, представляющая собой такое качество личности, которое позволяет ей противостоять наркогенному воздействию среды, и предупредить приобщение к психоактивным веществам; деятельность юридических и физических лиц, направленная на формирование здорового и безопасного образа жизни, на распространение знаний о медико-биологических, социальных, психологических, духовных, мировоззренческих и иных причинах заболевания наркоманией (токсикоманией, алкоголизмом), его проявлениях, осложнениях и последствиях, а также на выработку умений и навыков активного психологического и мировоззренческого противодействия вовлечению в злоупотребление наркотическими и другими психоактивными веществами. [1]

Большую роль в формировании антинаркотической устойчивости играют факторы риска и защиты в возникновении пагубных пристрастий. Их можно подразделить на три основные группы: *биологические, психологические, социальные*. [4]

Под биологическими факторами подразумевают наследственную отягощенность в отношении психологических заболеваний и алкоголизма, тяжелые соматические заболевания и нейроинфекции в раннем детстве, органические поражения мозга, умственное недоразвитие, психологический инфантилизм. Педагогам, занимающимся вопросами антинаркотического воспитания, следует обратить внимание на наличие данных особенностей. Коррекция этих факторов находится в компетенции медицинских работников, взаимодействие с которыми должно осуществляться на всех этапах антинаркотической работы.

К психологическим факторам можно отнести индивидуально-психологические особенности личности: низкая устойчивость к эмоциональным нагрузкам; повышенная тревожность; недостаточная социальная адаптация; выраженная акцентуация характера. Эти особенности по большей части являются результатом воздействия социальных факторов, которым, по нашему мнению, и следует уделить наибольшее внимание в процессе антинаркотической работы.

Все социальные факторы, влияющие на формирование антинаркотической устойчивости, можно подразделить на макросоциальные и микросоциальные. Макросоциальные факторы охватывают условия развития личности в масштабах региона, страны, а также в мировом масштабе. Под микросоциальными факторами, прежде всего, подразумевается влияние семьи и учебного заведения. Так как семья выполняет главную роль в передаче нравственных ценностей новому поколению, обстановка в семье становится решающим фактором антинаркотического воспитания. Факторами риска в возникновении пагубных пристрастий в семье являются: алкогольная или наркотическая зависимость одного или нескольких членов семьи; семья с принятыми асоциальными формами поведения; семейное воспитание по типам гипоопеки; семейное воспитание по типу гиперопеки; дисгармоничная семья с деструктивными формами взаимоотношений, затрудняющих нормальное формирование навыков конструктивного общения и социальной адаптации. [3]

Учебное заведение, так же как и семья, является важным звеном в осуществлении антинаркотического воспитания. До недавнего времени антинаркотическая работа в учебном заведении сводилась в основном к проведению профилактических акций под лозунговыми названиями и лекций приглашенных специалистов из наркологических, психологических, правоохранительных служб. Безусловно, в проведении таких мероприятий есть свои положительные моменты, однако воздействовать на формирование антинаркотической устойчивости только таким образом сложно.

Тем не менее, проведенное нами исследование отношения молодежи к наркотикам показало, что наркотики воспринимаются как индивидуальная проблема тех, кто их употребляет. Таких людей жалеют, боятся, не серьезных барьеров, связанных с пониманием, что наркотики - это своего рода технология, которая вовлекает, негативно влияет и ломает не только личность, его жизнь, но и окружение в целом, - нет. Срабатывает принцип: это может случиться с кем угодно, но только не со мной.

Основной целью антинаркотического воспитания в вузе является предотвращение распространения наркомании в студенческой среде. Особенно велик риск вовлечения в наркогенную среду первокурсников, для которых начало нового этапа образования часто сопровождается переменой места жительства, снижением родительского контроля, изменением социального статуса, режима занятий, круга общения. Очень важно, чтобы в период адаптации к студенческой жизни первокурсник как можно скорее почувствовал свою причастность к новой для него сфере. Организация антинаркотического воспитания в вузе должна строиться с учётом особенностей «исходного материала», т.е. качеств личности воспитуемого, системы профилактических знаний, которые он приобрёл до поступления в вуз.

Профилактика наркомании среди молодежи также может основываться на широком привлечении средств и методов физической культуры и спорта, которые позволяют отвлечь от «вредных привычек», уменьшить вероятность приобщения к ним за счет целесообразной организации их досуга, заполнения «вакуума» - свободного времени; формирования социально-одобряемой активности и установок, повышения стрессоустойчивости и наркоустойчивости, формирования оптимистического взгляда на жизнь. Кроме того, за счет формирования установок на лечение, оздоровление, приобщение к здоровому образу жизни возможна профилактика наркомании. [6]

Средства и методы физической культуры представляют прекрасные возможности для работы по постановке целей, которые в этом случае отвечают всем условиям их правильной формулировки. Физические упражнения позволяют изменить эмоциональное состояние: тревоги, депрессии, апатии; улучшить настроение, добиться эмоционального комфорта, достичь душевного спокойствия. Большое количество физических и психофизических упражнений позволяют добиться подъема жизненных сил, бодрости, усиления активности, выхода из состояния скуки, душевной пустоты и бездействия. Первичная профилактика наркомании средствами физической культуры подразумевает увеличение знаний о здоровом образе жизни, о проблеме наркомании и ее вреде, а также критическое отношение к самому себе, способность находить конструктивные решения в жизненных проблемах, структурировать ценностные ориентации и подчинить их главным ценностям – здоровому образу жизни (как физическому, так и психическому), уважению других, семье и будущей профессии.

Наряду с тем профилактические программы должны базироваться, прежде всего, на укреплении защитных факторов личности: развитие положительной самооценки у подростков, терпимость к разнообразию людей и их жизненных позиций, тренировка сопротивления негативным процессам. Поэтому одной из эффективных форм работы с подростками может быть социально-психологический тренинг. По нашему мнению, тренинг профилактики различного рода зависимостей может быть одним из компонентов программы профилактики социально-негативных явлений общества, в которой принимают участие помимо психологов, юристы, врачи, каждый из которых осваивает свой блок вопросов по данной теме.

Таким образом, профилактика наркомании должна носить не запрещающий, а альтернативный характер; предупреждение наркотизма должно быть тесно связано с воспитанием у детей общей культуры здоровья.

Литература:

1. Организация профилактической работы по предупреждению распространения наркомании и наркопреступности / Методические рекомендации – М., 2004.
2. Сидоров П. Здоровье молодежи – здоровье нации // Высшее образование в России – 2000. – № 3. – С.39–42.
3. Скажите наркотикам нет. - Брахма Кумарис Всемирный Духовный Университет, 1998.
4. Социология молодежи: учебник / под ред. д-ра социол. наук, проф. чл. - корр. РАН В. Н. Кузнецова. – М.: Гардарики, 2007.

5. Чупров В.И. Молодежь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К.Уильямс. – М.: Наука, 2001.
6. Щербакова Е.М. Нарконашествие в России // СОЦИС - 2004. - № 1.

ЛИЧНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

*Сахарова Е.Г.,
к.ю.н., старший преподаватель
кафедры криминалистики и судебной
экспертизы Тюменского юридического
института МВД России*

Личность является сложным и многогранным социальным феноменом. Различные стороны личности взаимосвязаны, и практически невозможно при изучении одних из них абстрагироваться от других.

Изучение личности потерпевшего является обязательным для определенных категорий преступлений. К таким категориям относятся и преступления о причинении вреда здоровью. Потерпевший, обладающий своими личностными качествами, которые обуславливают его поведение, является активным элементом криминальной ситуации и активно влияет на развитие конфликта. «Преступник» и «жертва» проявляют себя не только как системы сами по себе и не только как части более пространной системы «преступление», они, кроме того, являются важнейшими структурными элементами криминалистической характеристики преступления»¹.

Выявление данных о личности потерпевшего и его поведении во время преступных действий, направленных на причинение вреда его здоровью, необходимо не только для определения степени общественной опасности подсудимого и при назначении ему наказания, но в ряде случаев может иметь значение для раскрытия обстоятельств преступления и в особенности мотивов его совершения.

Известно, что на преступное поведение человека оказывают влияние различные факторы, и том числе конкретная жизненная ситуация, в которой он действует. У морально неустойчивой, склонной к правонарушениям личности под влиянием этих факторов, в том числе состояния потерпевшего, зарождается умысел и развивается процесс преступления. «Более того, жертва подчас может вызвать как идею противоправного деяния, так и сам акт преступления»².

Потерпевший, особенно на первоначальном этапе расследования рассматриваемых преступлений, при недостатке информации выступает одним и, по нашему мнению, самым важным источником получения необходимых сведений о личности преступника, его приметах, о подлинных мотивах преступления. Наступившие преступные последствия отражаются и проявляются на теле и в психике жертвы и могут указать на особенности лица, совершившего преступление. При этом необходимо учитывать специфику расследования вреда здоровью и специфику самих потерпевших от этих преступлений. Причинение какого-либо вреда здоровью в большей степени относится к преступлениям виктимного характера.

Анализ уголовных дел показал³, что жертвами рассматриваемых категорий преступлений являются граждане различных категорий по возрасту, полу, образованию, социальному положению. Однако выявлено, что среди потерпевших от данных видов преступлений мужчины составляют 65,3 %, женщины – 34,7 %. По нашему мнению, количество потерпевших мужского пола больше, чем женского, это объясняется тем, что поведение мужчин носит более агрессивный характер. Как следствие этого, мужчины чаще попадают в обстановку, создающую угрозу причинения им вреда.

¹ Шиканов В.И. Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств: Уч. пособие. Иркутск, 1979. С.14.

² Полубинский В. Программу подсказывает виктимология // Сов. Милиция. 1981. №1. С.49.

³ В процессе исследования было изучено 380 уголовных дел, возбужденных по ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ.

Возраст потерпевших в большинстве случаев - 31 – 40 лет - 34,7 % и 21 – 30 лет – 22,5 %. Опасность оказаться жертвой преступления, особенно если оно носит хулиганский характер, относится к людям детского и преклонного возраста. Это обусловливается их физической слабостью и ограниченной возможностью оказывать сопротивление.

Потерпевшие от преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, не отличаются высоким образовательным уровнем. Следствием низкого уровня образования, воспитания является узкий ограниченный круг духовных интересов, потребностей и запросов. Сопоставляя межличностные связи преступников и потерпевших по изучаемым делам, можно сделать вывод, что их отношения, поведение, образ жизни, мировоззрения соответствуют друг другу.

По мнению В.Л. Васильева, на поведение потерпевшего в конфликтной ситуации оказывает влияние его правосознание: «знание закона и своих прав дает дополнительные возможности при отражении преступного нападения, создает убежденность в правоте своих действий, препятствующих преступному посягательству», однако не выходящих за рамки, установленные законом для данной ситуации (институт необходимой обороны и т.д.)¹.

Зачастую в исследованных уголовных делах от действий потерпевшего зависит сам факт совершения преступления, его поведение создает обстановку, благоприятствующую совершению преступления. Поведение потерпевшего может влиять на вину обвиняемого, а иногда исключать ее (необходимая оборона, состояние аффекта). Многие потерпевшие своим аморальным, противоправным, вызывающим поведением создают почву для совершения преступного акта в отношении них. Как верно отметил Л.В. Франк, «виктимность отдельного лица есть... не что иное, как реализованная преступным актом «предрасположенность», вернее, способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима»².

Поведение потерпевшего до преступления и непосредственно в момент преступления может быть: положительным, заключающимся в защите третьего лица от нападения, в требовании прекращения нарушения или пресечения нарушения; негативным, заключающимся в нападении, в оскорблениях, скандалах, издевательствах, ином ненадлежащем поведении; нейтральным, т.е. таким, которое не способствовало и не препятствовало преступнику³. Изложенное подтверждается нашими данными. Поведение потерпевшего перед преступным посягательством на него выглядит следующим образом: распивал спиртное вместе с подозреваемым; явился инициатором ссоры, драки и т.п.; обоюдная ссора; вел себя нейтрально по отношению к подозреваемому.

Проведенное исследование позволило выявить корреляционную связь между личностью потерпевшего и личностью преступника. Как отмечает Н.А. Селиванов, «особенно ценными для раскрытия преступлений являются сведения о закономерных связях между личностными свойствами некоторых типов преступников и выбором ими определенных типов жертв, характерных мест совершения преступлений»⁴. В большинстве случаев потерпевший связан с преступником родственными отношениями, и преступления совершаются в квартире, где оба проживают. В 33,2 % дел обвиняемый и потерпевший были знакомы по месту жительства, работе, учебе и при других обстоятельствах; только в 3,6 % - познакомились непосредственно перед преступлением или не были вообще знакомы.

Исход преступления зависит от способности потерпевшего оказывать сопротивление преступнику. Причинами неспособности потерпевшего к сопротивлению являются: беспомощное состояние: нахождение в состоянии сна; престарелый, малолетний возраст; превосходство в количестве преступников.

Большая часть потерпевших (86,4 %) в момент совершения преступления находилась в

¹ Васильев В.Л. Юридическая психология. 3-е изд. СПб, 2000. С.363.

² Франк Л.В. Нужна ли советская виктимология // Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Душанбе, 1966. С.22.

³ Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Ленинград, 1975. С.42-43.

⁴ Селиванов Н.А. Криминалистические характеристики и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. 1974. № 2. С.57.

состоянии алкогольного опьянения¹. Такое состояние потерпевших облегчило или ускорило совершение преступления, а также повлияло на поведение потерпевших, выразившееся либо в проявлении агрессии, либо в пассивности. Например, Х. пришел домой в состоянии алкогольного опьянения и обнаружил свою сожительницу М., находящуюся также в состоянии алкогольного опьянения, спящей на полу. Х. пытался переложить ее на диван, но не смог. Разозлившись, он стал избивать М. ногами, руками, нанося удары по голове и телу, чем причинил ей тяжкий вред здоровью².

Из различных видов провоцирующего поведения будущих потерпевших наиболее распространенными оказались оскорбление, унижение, угроза причинения вреда здоровью или иное ненадлежащее поведение; поведение, провоцирующее ревность; наличие тревоги, страха; нанесение побоев; отказ женщины (жены, сожительницы) в сексуальной близости и другие. Часто перечисленные факторы выступают в комплексе.

Таким образом, следователь при расследовании уголовных дел должен проводить глубокий анализ личности потерпевшего, так же как и обвиняемого. Выявленные характеристики потерпевшего будут способствовать выявлению причин и условий конфликта, определению механизма его развития, решению многих вопросов, важных для установления истины.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

*Семенов Е.А.,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института
МВД России*

«Участие специалиста» в следственных действиях – это процессуально самостоятельная форма привлечения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, которые используются в расследовании для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Для участия в любом из указанных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ³ следственных действий согласно ст. 168 УПК РФ, за исключением судебной экспертизы, может быть приглашен специалист.

В первом же УПК РСФСР (1922 г.) отсутствовала возможность участия специалистов в производстве большинства следственных действий. Тем не менее в ст. 192 УПК РСФСР было указано, что в случае надобности для участия в осмотре или освидетельствовании привлекаются специалисты и при этом соблюдаются правила производства экспертизы.

После внесения изменений в УПК РСФСР 1961 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»⁴ был существенно расширен круг следственных действий, к участию в которых мог допускаться специалист. Так, согласно ст. 133-1 УПК РСФСР «Участие специалиста» специалист мог принимать участие в некоторых следственных действиях.

Причем в диспозиции ст. 133-1 УПК РСФСР подчеркивалось, что в уголовном судопроизводстве обращение к помощи сведущих лиц (специалистов) при производстве следственных действий должно было соответствовать исчерпывающему перечню, указанных в УПК РСФСР, т.е. можно сделать вывод о невозможности участия специалиста в каких-либо иных, кроме как перечисленных в законе, процессуальных действиях.

В настоящее время законодатель закрепил право следователя по своему усмотрению привлекать к участию специалиста, как уже было сказано, практически ко всем существующим видам следственных действий (ст. 168 УПК РФ). В то же время законодательно определены

¹ Эти данные совпадают с характеристикой обвиняемых: 335 из них (87 %) совершили причинение вреда здоровью потерпевшим, будучи в состоянии опьянения.

² Архив Калининского районного суда г. Тюмени, уголовное дело. № 896.

³ далее УПК РФ.

⁴ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. М., 1966. №36. Ст. 1018.

обязательные случаи участия специалистов при производстве отдельных следственных действий: осмотре трупа, эксгумации (ст. 178 УПК РФ); освидетельствовании, если оно сопряжено с обнажением тела, а свидетельствуемый и следователь являются лицами разного пола (ст. 179 УПК РФ); допросе потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет (ст. 191 УПК РФ); допросе подозреваемого, обвиняемого, не достигшего 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ст. 425 УПК РФ). Другие же формы участия специалиста в процессуальных действиях для следователя всегда факультативны, поскольку решение об их привлечении он принимает в зависимости от особенностей конкретного дела.

При определении правового механизма привлечения специалиста к следственным действиям необходимо в первую очередь уточнить процессуальное наименование субъекта, уполномоченного производить подобного рода действия.

Так, согласно ч. 1 ст. 168 УПК РФ, следователь вправе привлечь лицо к участию в следственном действии в качестве специалиста в соответствии с требованиями ч. 5 ст. 164 УПК РФ. При обращении к указанной норме (ч.1 ст. 168 УПК РФ) справедливо возникает вопрос о возможности иных (кроме следователя) участников уголовного судопроизводства привлекать специалистов к участию в следственных действиях. Проанализировав основные положения уголовно-процессуального закона, мы можем констатировать, что кроме следователя, уполномоченного производить следственные действия в соответствии с п.3 ч.2 ст. 38 УПК РФ, такие процессуальные действия могут осуществлять и иные должностные лица: руководитель следственного органа (ч. 2 ст. 39 УПК РФ), следователь-криминалист (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ), органы дознания (п.2 ч.2 ст. 40, п.3 ст. 149, ч.1 ст. 157 УПК РФ), дознаватель (п.1 ч.3 ст. 41, ч.5 ст. 152 УПК РФ).

В УПК РФ законодатель сделал определенные шаги и по расширению полномочий стороны защиты в сфере привлечения специалиста для осуществления процедуры доказывания, но защитник, в отличие от обозначенных выше должностных лиц со стороны обвинения, не имеет права приглашать специалиста для участия в каких-либо следственных действиях.

Итак, подведем итог в поиске истины по вопросу о субъектах уголовного процесса, имеющих право привлекать специалистов для производства следственных действий. Несмотря на такую минимизацию управомоченных субъектов в уголовно-процессуальном законе, имеет смысл все-таки говорить о возможности и других участников задействовать специалиста. На основании проведенного анализа мы можем однозначно отметить, что согласно нормам УПК РФ не только следователь, но и другие участники уголовного процесса, действующие на стороне обвинения (руководитель следственного органа, следователь-криминалист, органы дознания, дознаватель), наделены правом производить следственные действия, а значит, и привлекать лиц к участию в таковых в качестве специалистов. Защитник законодательно не уполномочен осуществлять следственные действия, однако своей деятельностью может направить следователя в нужное русло: обоснованными действиями обеспечить производство необходимых следственных действий с участием сведущего лица.

Таким образом, указав в ч.1 ст. 168 УПК РФ только следователя, законодатель лишь на 20 % определил полный перечень субъектов, имеющих право привлекать специалистов для производства следственных действий. Тем не менее при дальнейшем изложении порядка производства следственных действий законодатель следует тем же правилам, и большинство ученых ему вторят, но нам представляется при изложении материала более правильным указывать, кроме следователя, и других лиц, управомоченных осуществлять следственные действия.

Так, в соответствии с ч.5 ст. 164 УПК РФ *следователь (выделено автором)*, привлекая к участию в следственных действиях участников уголовного судопроизводства, указанных в главах 6 - 8 УПК РФ, удостоверяется в их личности, разъясняет им права, ответственность, а также порядок производства соответствующего следственного действия. Если в производстве следственного действия участвует потерпевший, свидетель, специалист, эксперт или переводчик, то он также предупреждается об ответственности, предусмотренной статьями 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Но следует ли руководствоваться уполномоченным на проведение данных процессуальных действий должностным лицам положениями лишь ст. 164 УПК РФ? Представляется, что в УПК РФ есть и иные нормы, в которых, так или иначе, говорится об участии специалиста

в том или ином следственном действии и которые следует учитывать при привлечении лица для выполнения им основных функций при осуществлении процессуальных действий, предусмотренных ст. 58 УПК РФ: обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, а также применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела.

Так, при вовлечении, например, врача, психолога или педагога в качестве специалистов в производство отдельных следственных действий следователь должен руководствоваться положениями не только ч.5 ст. 164 УПК РФ, но и иных статей, определяющих порядок производства необходимого следственного действия. Так, ст. 425 УПК РФ обязывает привлекать педагога или психолога к участию в допросе несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, ст. 191 УПК РФ - педагога к участию в допросе несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего. Присутствие врача предусмотрено при осмотре трупа (ч. 1 ст. 178 УПК РФ), а также при освидетельствовании (ч. 4 ст. 179 УПК РФ).

В указанных случаях при привлечении к участию в процессуальных действиях людей приведенных выше профессий законодатель в нормах УПК РФ не указывает, что данные сведущие лица участвуют в уголовном деле в качестве специалистов, вследствие чего из-за неточности формулировки некоторых перечисленных выше статей УПК РФ наименее проработанным в законе является процессуальное положение сведущих лиц таких профессии, как врач, психолог и педагог.

Прежде всего, необходимо выработать единый подход к пониманию процессуального статуса специалиста на основе предъявляемых к нему требований. Все указанные условия (требования), позволяющие признать лицо, оказывающее помощь правоохранительным органам, специалистом по делу, а его деятельность законной, вытекают из содержания статей 58, 71, 164, 166, 168, 251, 270 УПК РФ. При несоблюдении этих требований человек определенной специальности, имеющий опыт работы в какой-либо сфере и обладающий, соответственно необходимым набором знаний, не может считаться специалистом в процессуальном смысле этого слова, а правомерность его участия, равно как и доказательное значение самого следственного действия, могут быть поставлены под сомнение сторонами процесса (например, если протокол следственного действия составлен с нарушением требований закона, т.е. доказательства, полученные таким образом, будут признаны недопустимыми (ст. 75 УПК РФ), если в ходе его производства были допущены нарушения законных прав других участников и т.д.). «Именно в соответствии с этими критериями уголовно-процессуальный закон употребляет собирательное понятие «специалист» и в ряде случаев, упомянутых нами выше, указывает на его определенную профессию»¹. В том случае, если в содержание УПК РФ предусмотреть отдельные статьи, регламентирующие процессуальные положения педагога, психолога, врача и сведущих людей всевозможных профессий, то тогда объем уголовно-процессуального закона увеличится в разы, и положительный результат от таких изменений вряд ли возможен.

Таким образом, по нашему мнению, следует считать врача, педагога и психолога самостоятельными разновидностями специалистов, вследствие обладания последними таких первоочередных требований, предъявляемых к участникам уголовного процесса данного вида, как наличие специальных знаний, а также незаинтересованности в исходе дела. Наши выводы доказывают положения статей 178, 179 УПК РФ, где прямо указано на то, что, кроме врача, для осмотра трупа или освидетельствования могут привлекаться и другие специалисты. Такого же мнения по вопросу отождествления врача, педагога и психолога со специалистом придерживаются и другие ученые².

Следует добавить, что если вызову подлежит специалист, обладающий иными специальными знаниями³, тогда следует учитывать соответствующие нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок производства соответствующего

¹ Куликов А.В. Соотношение процессуального положения специалиста, психолога, педагога и переводчика в уголовном судопроизводстве России / А.В. Куликов, А.А. Новиков // Уголовный процесс. 2007. № 4. С.38.

² См., например: Калиновский К.Б. Предварительное следствие. Глава 22. // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / Под общ. ред. А.В. Смирнова. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2004. С.435.

³ Т.е. отличными от знаний врача, педагога и психолога.

шего процессуального действия. Так, например, при привлечении специалиста к участию в таком следственном действии, как контроль и запись переговоров, следователь и иные уполномоченные на осуществление подобных процессуальных действий должностные лица должны руководствоваться положениями ст. 186 УПК РФ, описывающей порядок и правила производства данного следственного действия.

ПРИМЕНЕНИЕ БАЗ ДАННЫХ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Сретенцев Д.Н.,
к.ю.н., преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного
расследования в ОВД Орловского
юридического института МВД России*

Судебно-экспертными учреждениями разных ведомств на протяжении последних десятилетий создано и ведется большое количество натуральных коллекций и картотек по различным объектам экспертиз и исследований. В современных условиях имеющиеся информационные технологии позволяют в ряде случаев заменить натурные коллекции и картотеки на бумажных носителях компьютерными базами данных, которые способны аккумулировать в себе набор текстовой и графической информации об объектах, веществах, лицах и т.п.

Законодатель дает следующее определение базы данных: «Базой данных является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ)»¹.

В.А. Минаев и М.Г. Степанов под базой данных понимают «физическое пространство (место на магнитном или оптическом диске компьютера), на котором в строго определенном порядке записываются и хранятся конкретные значения реквизитов (данные) первичных информационных форм, относящихся к одному роду объектов учета»².

С.Г. Чубукова и В.Д. Элькин отмечают: «Базой данных в строгом смысле слова называют совокупность взаимосвязанных структурированных данных»³.

Более широкий спектр информации содержится в банках данных (БД). Совокупность не связанных между собой баз данных, функционирующих в рамках одной вычислительной системы, называют *банком данных*⁴. А систему информационных, математических, программных, языковых, организационных и технических средств (включая хранимые данные, а также персонал, занятый в технологическом процессе), предназначенную для централизованного накопления и коллективного многоаспектного использования данных с целью получения необходимой информации, *автоматизированным банком данных*⁵.

В настоящее время в работу ЭКП разной ведомственной принадлежности всех уровней поэтапно внедряется новое поколение автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) судебно-экспертного назначения, основой которых являются *интегрированные банки*

¹ См.: Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ. Ст. 1260, п.2 // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496.

² Информатика и вычислительная техника в деятельности органов внутренних дел. Ч. 4. Автоматизация решения практических задач в органах внутренних дел: Учебное пособие / Под ред. В.А. Минаева. М.: МЦ при ГУК МВД России. 1996. С.110–111.

³ Чубукова С.Г. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики): Учебное пособие / С.Г. Чубукова, В.Д. Элькин. / Под ред. М.М. Рассолова, В.Д. Элькина – 2-е издание. «Контракт», 2007. // [Электронный ресурс] Режим доступа: СПС «ГАРАНТ-Максимум. ПРАЙМ». Версия 6.4.2.

⁴ См.: Правовая информатика и кибернетика: Учебник / Под ред. Н.С. Полевого. М., 1993. С.223.

⁵ См.: Овчаров Л.А. Автоматизированные банки данных / Л.А. Овчаров, С.Н. Селетков. М., 1982. С.4.

данных, представляющие собой систему более высокого уровня, чем автоматизированный банк данных.

Интегрированная автоматизированная система – совокупность двух или более взаимосвязанных автоматизированных систем, в которой функционирование одной из них зависит от результатов функционирования другой (других) так, что эту совокупность можно рассматривать как единую автоматизированную систему¹. В этой системе необходимые данные описываются с необходимой полнотой для достижения наибольшей эффективности поиска объектов в базе данных. Система позволяет по мере необходимости оперативно связывать между собой различные подсистемы, базы данных для наиболее эффективного поиска и выдачи информации. Использование интегрированных автоматизированных систем в судебно-экспертной деятельности (СЭД) предопределено тем, что одни и те же признаки объектов, информация о которых содержится в банках данных, зачастую могут быть установлены по различным их отражениям – следам преступлений. Так, например, информация, свидетельствующая о половой принадлежности лица, проявляется в признаках почерка, в следах рук, ног, крови и т.д.

Компьютерные базы и банки данных являются ядром любой автоматизированной информационной системы, в том числе АИПС. В свою очередь АИПС является разновидностью автоматизированных систем (АС), основными компонентами которых согласно ГОСТу² являются пользователь, эксплуатационный персонал, организационное обеспечение, методическое обеспечение, техническое обеспечение, математическое обеспечение, программное обеспечение, информационное обеспечение, лингвистическое обеспечение, правовое обеспечение.

Н.С. Полевой дает следующее определение автоматизированной информационно-поисковой системы: «АИПС – это человеко-машинная система, функционирование которой предполагает наличие информационного фонда, реализованного на машинных носителях; языка запросов и ответов; технических средств ввода, хранения и обработки информации, а также вывода запрашиваемых данных»³.

АИПС обеспечивает отбор и вывод информации по заданному в запросе условию и работает преимущественно по принципу «запрос – ответ», обработка информации в ней связана в основном с поиском данных о лицах, фактах, объектах, следах и т. п. В АИПС вся поступающая информация учитывается и систематизируется таким образом, что позволяет организовать неоднократное обращение к ней, постоянно пополнять ее новой и удалять устаревшую информацию.

АИПС принято подразделять на документальные и фактографические. Такое деление основано на различии объектов поиска. В документальных объектах поиска являются документы, их копии или библиографическое описание. В фактографических искомыми объектами могут быть записи, характеризующие конкретные факты или явления⁴. Для АИПС судебно-экспертного назначения наиболее характерно применение фактографических систем, содержащих такую информацию, как описание выбранных характеристик, свойств объектов в текстовом, графическом, звуковом и ином виде.

В процессе исследования эксперту приходится оперировать огромным объемом не только криминалистически значимой, но и вспомогательно-справочной информации. В связи с этим отметим, что комплектование информационного фонда АИПС возможно как из информации, возникновение которой непосредственно связано с событием преступления или личностью преступника (экспертно-криминалистические учеты), так и из информации, не имеющей прямой связи с конкретным преступлением (преступником), – она используется, как правило, в качестве вспомогательно-справочной информации (справочно-информационные фонды). Одна-

¹ См.: Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения: Межгосударственный стандарт ГОСТ 34.003-90 // [Электронный ресурс] Режим доступа: СПС «ГАРАНТ-Максимум. ПРАЙМ». Версия 6.4.2.

² См.: Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения. (утв. Постановлением Госстандарта СССР от 27.12.1990 г. № 3399): Межгосударственный стандарт ГОСТ 34.003-90 // [Электронный ресурс] Режим доступа: СПС «ГАРАНТ-Максимум. ПРАЙМ». Версия 6.4.2.

³ Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. 2-е издание. М.: Изд-во МГУ, 1989. С.156.

⁴ См.: Згадзай О.Э. Информатика и математика: Учебник / О.Э. Згадзай, С.Я. Казанцев, А.В. Филиппов. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С.211.

ко, несмотря на существенную роль данных источников экспертной информации в процессах информационно-аналитического обеспечения СЭД, проведенный нами опрос судебных экспертов показал, что общий уровень эффективности применяемых баз данных и специализированных информационно-поисковых систем в СЭД в настоящее время оценивается следующим образом: 9,5 % респондентов расценивают его как высокий, 54,8 % – как средний, 34,5 % – как низкий (1,2 % затруднились ответить). Повышение эффективности их использования, безусловно, лежит в русле их максимальной автоматизации.

Ведомственные нормативные акты не только регламентируют организацию формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов и СИФ, но и содержат положения об их автоматизации. Говоря об автоматизации последних, можно согласиться с мнением С.А. Ялышева¹, который отмечает, что справочно-вспомогательные учеты становятся специализированными информационными системами с качественно иными принципами комплектования баз данных, организационного, правового, научно-технического и методического обеспечения их использования в решении экспертных задач раскрытия и расследования преступлений. Кроме того, с организационной точки зрения, в отличие от натурных коллекций, такие банки данных легко тиражировать для распространения в экспертно-криминалистических учреждениях. Учитывая перспективность данного направления, активные попытки автоматизировать ведение СИФ предпринимались с начала 90-х годов прошлого века²; специалисты экспертных подразделений пытались преодолеть такие недостатки существовавших в то время справочно-информационных систем, как, например, жесткая ориентация на определенный объект и отсутствие графических баз данных.

Принципиальную особенность АИПС составляет понятие «информационный поиск». Информационный поиск – это процесс отыскания в каком-то множестве документов тех, которые посвящены указанной в информационном запросе теме (предмету) или содержат необходимые потребителю факты, сведения³. Верно отмечает Н.А. Замараева: «Автоматизированная информационная система оперирует лишь теми характерными для объекта поиска признаками, которые наличествуют в данной системе. В результате может иметь место факт, когда они не будут полностью соответствовать друг другу по объему и характеру... Данное обстоятельство в некоторой степени определяет предъявляемые к любой АИПС требования:

- информационный язык системы должен обеспечивать минимальный информационный «шум», высокую скорость поиска, исключать потери информации;
- информация в банке данных должна быть исчерпывающей;
- в зависимости от запроса система должна обеспечивать избирательное или комплексное получение информации»⁴.

Полагаем, правильно отмечает Н.С. Полевой, говоря, что роль информационного поиска в информационно-поисковых системах имеет определенную специфику, которая проявляется в том, что его можно рассматривать в качестве одного из методов экспертизы, так как без него многие экспертные задачи в принципе неразрешимы (например, определение вида и разновидности холодного оружия, фарного стекла и т.д.)⁵. В подтверждение этого можно привести следующее положение: «Использование экспертно-криминалистических справочных коллекций при производстве экспертиз должно отражаться в заключении эксперта...»⁶.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что АИПС судебно-экспертного назначения являются не только средством автоматизации процесса получения информации об объектах

¹ См.: Ялышев С.А. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Академия управления МВД России, 1998. С.79.

² См., напр.: Калмыков Б.М. Автоматизированная система. Справочно-информационный фонд с текстовыми и графическими базами данных / Б.М. Калмыков, А.Н. Жирнов, В.Л. Гаврилов, А.В. Емельянов // Экспертная практика. № 35. М.: ЭКЦ МВД России, 1993. С.63–64.

³ См.: Казанцев С.Я. и др. Информатика и математика для юристов: Учебник / Под ред. С.Я. Казанцева, Н.М. Дубининой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. С.332.

⁴ Замараева Н.А. Правовые и организационно-методические проблемы использования компьютерных технологий при производстве судебных экспертиз: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С.83–84.

⁵ См.: Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1989. С.167–168.

⁶ См.: Инструкция по формированию, ведению и использованию справочно-информационных фондов органов внутренних дел: Приказ МВД РФ от 1.06.1993 г. № 261.

судебно-экспертного исследования, но и средством решения классификационных задач. Так, по мнению Д.Я. Мирского и Т.В. Устьянцевой, «в основу классификации экспертных коллекций должны быть положены признаки, отображающие те свойства объекта, которые помогут при решении экспертной классификационной задачи определить его марку, систему и другие показатели»¹.

В настоящее время остается острой проблема обмена информацией как между экспертными подразделениями разного уровня и территориального расположения, так и подразделениями криминальной милиции. Как правильно отмечает П.Ю. Иванов, «большая часть оперативной информации остается в оперативных подразделениях и не используется в процессе раскрытия и расследования преступлений, а информация, получаемая в процессе экспертных исследований, не всегда бывает востребована следователем»².

Обмен сведениями между СЭУ предполагает наличие развитой системы связи, что ставит их в зависимость от системы передачи данных, в связи с чем существенной проблемой при реализации СЭУ мероприятий по интеграции разнообъектных АИПС судебно-экспертного назначения является отсутствие качественных каналов связи, а в некоторых местах – отсутствие самих каналов связи. Необходимо отметить, что в настоящее время давно возникший вопрос о реализации единого информационного пространства сдвинулся с мертвой точки. МВД РФ поставило задачу создания единой информационной системы, реализуется программа «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел»³. Экспертно-криминалистический ее сегмент предполагается реализовать за счет выполнения комплекса мероприятий, предусмотренного рядом подпрограмм.

Стоит отметить, что в СЭД нашли применение не только АИПС по объектам исследований, их следам и свойствам, но и АИПС, позволяющие оптимизировать управленческую и организационную формы данной деятельности. Еще в 90-х годах XX века в практике управления судебной экспертизой были сформулированы некоторые общие принципы построения и функционирования компьютерных информационных систем в области управления экспертным производством. На их основе в отдельных СЭУ разработаны и в настоящее время действуют компьютерные системы сбора и обработки статистической информации, отражающей состояние производства экспертиз. Так, например, в Северо-Западном региональном центре судебной экспертизы МЮ такая компьютерная система (ЭРЭКС – электронная регистрация экспертиз) была разработана и внедрена в управленческую деятельность одной из первых среди экспертных учреждений МЮ РФ (1993 г.). Основное предназначение системы ЭРЭКС состоит в регистрации поступающих экспертиз, учете выполненных исследований, контроле за сроками их исполнения и формировании статистических отчетов по экспертной работе⁴.

Считаем необходимым отметить, что проблема создания разнообъектных баз данных и автоматизации информационно-поисковых систем экспертного назначения носит комплексный характер и предусматривает проведение целого ряда долгосрочных мероприятий научного, организационного, технического, методического, правового характера. Наиболее эффективно, как нам представляется, задача по созданию новых и модернизации существующих баз данных и АИПС в сфере СЭД может быть решена только в результате научно обоснованного системного подхода, предусматривающего вопросы методологии, методов и средств их реализации. Должны быть разработаны единые модели и алгоритмы построения баз данных, единый понятийный аппарат и система описания признаков, что позволит формализовать их. Кроме того, необходимо унифицировать программно-технические комплексы, реконструировать помещения под их размещение и интегрировать все существующие информационные системы экспертного назна-

¹ Мирский Д.Я. Создание информационных фондов в области судебной экспертизы: Методические рекомендации / Д.Я. Мирский, Т.В. Устьянцева, А.Р. Шляхов. М., 1984. С.37.

² См.: Иванов П.Ю. Проблемы и перспективы информатизации криминалистической деятельности // Криминалистика. XXI век: Материалы научно-практической конференции: В 2 т. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. Т 2: Разд. 4. С.10.

³ См.: Об утверждении новой редакции Программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел»: Приказ МВД РФ от 8.06.2006 г. № 420.

⁴ См.: Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. Состояние, развитие, проблемы. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Питер. 2004. С.544.

чения в единое информационное пространство посредством телекоммуникационной системы связи.

Учитывая тот факт, что большая часть информации, используемой в процессе осуществления СЭД, носит служебный характер и является закрытой для общего доступа, при создании АИПС необходимо заложить технические и программные решения по защите информации и ограничению права доступа к ее использованию и изменению.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Флоря Д.Ф.,

*к.ю.н., преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного
расследования в ОВД Орловского
юридического института МВД России;*

Калюжный А.Н.,

*к.ю.н., преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного
расследования в ОВД Орловского
юридического института МВД России*

В настоящее время прослеживается тенденция увеличения числа вступивших в силу оправдательных приговоров по уголовным делам, что обусловлено, прежде всего, существенными проблемами, связанными с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в ходе предварительного расследования и в суде, все более повышаются требования к качественному содержанию материалов уголовных дел и первоначальным материалам¹. Изменения в ч.1 ст.108 УПК РФ, внесенные ФЗ РФ № 226 от 2 декабря 2008 г., в части использования материалов ОРД судом при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу также свидетельствуют об актуальности рассматриваемой тематики.

Как известно, большинство преступлений раскрываются и выявляются путем проведения оперативно-розыскных мероприятий. Достаточно сложно представить, например, выявление сбыта наркотических средств и психотропных веществ, оружия или боеприпасов, а также выявление фактов вымогательства, дачи и получения взяток и других преступлений без проведения оперативно-розыскных мероприятий. Такие случаи единичны. Поэтому огромное значение для привлечения виновных к ответственности имеет процессуальная интерпретация результатов ОРД.

Проблема использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе не является новой, в то же время многочисленные научные исследования, проведенные по данной тематике, пока не привели к выработке мнения, поддерживаемого большинством практических работников и ученых. Фактическое отсутствие правового механизма использования результатов ОРД в ходе предварительного расследования и в суде порождает различные интерпретации в толковании действующих нормативно-правовых актов, что приводит к наличию разнообразной следственной и судебной практики.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания, более того, регламентирует судебное санкционирование некоторых оперативно-розыскных мероприятий, порождая, тем самым, уголовно-процессуальные отношения. Таким образом, процедура процессуального оформления результатов оперативно-розыскных мероприятий, порядок и условия использования их в качестве доказательств должны регламентироваться и регламентируются федеральным, в том числе и уголовно-процессуальным законодательством.

¹ Состояние преступности в России за январь - декабрь 2007 г. М., 2008.

Так, например, ст.89 УПК РФ закрепляет, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. А в соответствии со ст.11 ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Тем самым и уголовно-процессуальное и федеральное отраслевое законодательство допускают возможность использования результатов ОРД в качестве доказательств по уголовному делу. В то же время п.36.1 ст.5 УПК РФ закрепляет понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности», под которыми понимаются сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

Таким образом, результаты ОРД – это сведения, которые содержатся в оперативных документах, фиксирующих ход и результаты оперативно-розыскных мероприятий, в материалах фото-аудио и видеозаписях, произведенных в процессе их проведения, в сообщениях оперативных источников и других документах, которые содержатся в делах оперативного учета.

Представление результатов оперативно-розыскной деятельности органам предварительного расследования или в суд осуществляется в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами, которым является межведомственный Приказ МВД РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, Федеральной таможенной службы, СВР РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, ФСКН РФ и Минобороны РФ от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд».

Результаты ОРД могут быть использованы различными субъектами для реализации достаточно большого количества задач, в связи с чем существуют разнообразные варианты их классификации¹. В сфере уголовного судопроизводства результаты ОРД также могут быть использованы достаточно многогранно, в связи с чем их можно классифицировать по различным основаниям.

1) Так, по степени относимости результатов ОРД к доказательствам их можно подразделить на: а) являющиеся доказательствами; б) являющиеся ориентирующей информацией по уголовному делу.

2) По целям использования результаты ОРД подразделяются на: а) используемые для решения вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела; б) используемые в ходе расследования для производства конкретных следственных действий и доказывания виновности (невиновности) лиц, привлекаемых к уголовной ответственности; в) для розыска лиц, совершивших преступление, скрывшихся от следствия или суда; г) для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства и преодоления противодействия расследованию.

3) По субъектам использования результаты ОРД подразделяются на используемые: а) прокурором; б) судом; в) следователем; г) дознавателем; д) органом дознания.

В основе классификации результатов ОРД на являющиеся доказательствами и используемые в качестве ориентирующей информации по уголовному делу лежат требования уголовно-процессуального закона. Ведь сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, являясь результатами ОРД, не всегда являются доказательствами, т.к. не все из них (сведений) будут соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

¹ См. например, Малыгин С.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: Курс лекций / С.С. Малыгин, А.Е. Чечётин. Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД России, 2001; Чувилев А.А. Использование следователем оперативно-розыскной информации в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986; Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996 и др.

Для эффективного использования результатов ОРД в ходе расследования преступлений необходимо четко представлять себе требования, предъявляемые уголовно-процессуальным законодательством к доказательствам.

В соответствии с требованиями ч.1 ст.74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном процессуальным законодательством, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Таким образом, содержанием доказательств являются любые сведения, с помощью которых могут быть установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу. Причём эти сведения должны быть получены в порядке, установленном УПК РФ.

В ч.2 ст.74 УПК РФ в качестве доказательств закрепляются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта и специалиста; вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы.

В то же время ст.75 УПК РФ определяет, что доказательства, полученные с нарушением требований закона, являются недопустимыми, не имеющими юридической силы и не способными быть положенными в основу обвинения и использованными для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Допустимость - это соответствие доказательства требованиям уголовно-процессуального права, т.е. наличие у него надлежащей процессуальной формы. Судебная практика последовательно придерживается позиции признания доказательств недопустимыми, если при их собирании были нарушены права человека и гражданина, если собирание доказательств было произведено органом или лицом, не уполномоченным на соответствующее действие, либо в ходе действия, не предусмотренного уголовно-процессуальным законом¹.

Сравнение содержания понятий «результаты оперативно-розыскной деятельности» и «доказательства» позволяет сделать вывод о том, что они имеют принципиальные различия.

Доказательства должны быть получены уполномоченным должностным лицом (ч.1 ст.86 УПК РФ), процессуальным путем (проведением следственных и иных процессуальных действий), в процессуальной форме (указанной в ч.2 ст.74 УПК РФ), из установленного источника. В то же время, результаты ОРД могут быть получены как лицами, проводившими оперативно-розыскные мероприятия, так и их «подсобным» аппаратом, из источников, которые могут быть и не известны или не рассекречены в целях ОРД. Ну и говоря о процессуальной форме, необходимо иметь в виду, что ее соблюдение практически невозможно в рамках ОРД до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, информация, полученная оперативным путем, принципиально отличается от доказательств по субъектам, ее получающим, методам осуществления оперативно-розыскных мероприятий и источникам получения сведений.

Представляется, что определенного «универсального» механизма, позволяющего преобразовать результаты ОРД в доказательства, не существует. Использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам зависит от вида и особенностей осуществления проводимого оперативно-розыскного мероприятия. В силу преимущественно негласного характера ОРД большинство ее результатов не может отвечать требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законодательством к доказательствам, так как кроме «непроцессуального» способа их получения, они обладают недостаточной достоверностью с точки зрения уголовного процесса как по возможности проверки, так и по наличию источника осведомленности.

Анализируя возможность интерпретации результатов ОРД в уголовный процесс, мы приходим к выводам, что данные оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в доказывании по уголовному делу только при соблюдении следующих условий:

а) результаты ОРД должны указывать на обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст.73 УПК РФ (быть относимыми);

¹ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: «Юрайт-Издат», 2007. С.88.

б) результаты ОРД должны быть проверяемы путем выполнения следственных и процессуальных действий (известен источник);

в) результаты ОРД должны быть доступны для надлежащего процессуального оформления (возможность преобразования в процессуальную форму).

В основе классификации результатов ОРД по субъектам использования лежит возможность их использования различными участниками уголовного судопроизводства: прокурором, судом, следователем, дознавателем и органом дознания. Названные нами субъекты определены Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд».

Анализ основных положений рассматриваемой инструкции позволяет в качестве одного из субъектов, изучающих результаты ОРД, выделить прокурора. Вместе с тем, исходя из целей проведения оперативно-розыскных мероприятий, нам представляется, что прокурор вправе использовать результаты ОРД лишь при выполнении свойственной ему функции по надзору за органами предварительного следствия, дознания и оперативно-розыскной деятельностью. Очевидно, что рассматриваемая инструкция основной целью предоставления результатов ОРД имеет содержание в предоставленных материалах данных о признаках преступления, т.е. данных, необходимых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела либо сбора доказательств по уже находящимся в производстве уголовным делам.

Тем самым в качестве основных субъектов использования результатов ОРД инструкция выделяет органы предварительного расследования. Безусловно, и прокурор, и суд в дальнейшем будут оценивать полученные в ходе ОРД результаты и рассматривать вопрос об их признании в качестве доказательств по уголовному делу.

К тому же, рассматривая вопрос об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства, УПК РФ в ч.9 ст.166 предусматривает возможность следователей, с согласия руководителей следственного органа, вынесения постановления о сохранении в тайне данных о личности, но не ясна позиция законодателя о возможности вынесения таких постановлений дознавателями.

Нам представляется, что такая возможность имеется и в силу того, что аналогия в уголовно-процессуальном законодательстве допустима, постановления о сохранении в тайне данных о личности дознавателей должно утверждаться прокурорами. Иначе механизм государственной защиты участников уголовного судопроизводства при осуществлении расследования в форме дознания не работает вообще, что недопустимо. Утверждение таких постановлений, вынесенных дознавателями, обосновано в силу того, что прокуроры дают согласие дознавателям на проведение любых процессуальных действий, требующих судебных решений.

Кроме того, согласно ч.4 ст.96 УПК РФ, при необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания уведомление с согласия прокурора может не производиться, за исключением случаев, когда подозреваемый является несовершеннолетним. Тем самым уведомление о задержании подозреваемого как следователями, так и дознавателями не производится с согласия прокурора. Именно учитывая данные факторы, мы считаем о необходимости дознавателям санкционировать у прокурора постановления о сохранении в тайне данных о личности.

Еще одним из субъектов, использующих результаты ОРД, является суд, что также основано на положениях, рассматриваемой нами Инструкции и отражено в ее содержании. Вместе с тем, как мы указывали ранее, суд будет лишь оценивать полученные в ходе ОРД результаты с точки зрения их доказательственного значения, допустимости их использования в уголовном судопроизводстве. Поэтому мы поддерживаем позицию авторов считающих, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности на судебных стадиях весьма ограничено, случаев представления оперативно-розыскной информации в суд фактически не бывает¹.

Таким образом, результаты ОРД должны содержать сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, содержать указания на источник получения предполагаемого доказательства или предмета, который может стать доказательством, в силу чего могут быть использованы в качестве основы, на которой в уголовном судопроизводстве могут

¹ Малыгин С.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: Курс лекций / С.С. Малыгин, А.Е. Чечётин. Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД России, 2001, С.181.

быть сформированы доказательства при соблюдении требований уголовно-процессуального закона, предъявляемых к их содержанию (относимости) и форме (допустимости).

ЗАКОННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Ховалкин Е.С.,
адъюнкт Академии управления
МВД России*

С момента попадания в сферу уголовно – процессуальных отношений каждый человек должен быть уверен в том, что ни его интересам, ни ему самому не будет причинен вред. Гражданин становится субъектом этих отношений, и наряду с возложением на него определенных обязанностей он наделяется необходимой совокупностью прав, с помощью которых данное лицо в состоянии отстаивать и защищать свои интересы. Между тем не все люди, попавшие в орбиту уголовного процесса, могут в полной мере воспользоваться предоставленной им совокупностью прав и не могут обеспечить активное участие в уголовно – процессуальных отношениях в качестве полноценного субъекта. Вследствие этого законодателем предусмотрена целая система уголовно – процессуальных гарантий прав личности, необходимых для создания соответствующих условий, дающих участнику процесса возможность реализовать прописанные в законе права.

Под гарантиями обычно понимаются средства и способы, содействующие защите прав и законных интересов личности и обеспечивающие их правомерную реализацию¹. В качестве одной из наиболее существенных таких гарантий в уголовном судопроизводстве выступает представительство его участников².

Во – многих источниках мнение о представительстве в уголовном процессе совпадает и выражается как:

- уголовно – процессуальный институт;
- уголовно – процессуальная деятельность определенных участников уголовного судопроизводства;
- уголовно – процессуальное правоотношение³.

При этом уголовно – процессуальное представительство существенно отличается от представительства в гражданском материальном и процессуальном праве и имеет свои субъективные признаки:

1. Во–первых, это защищаемый объект.

При производстве по уголовным делам объектом являются уголовно – правовые и уголовно – процессуальные интересы, также могут являться и гражданско-правовые отношения, но при этом обязательно связанные с причинением вреда по средствам совершения преступления. В гражданском же праве либо процессе объект, как правило, не связан с преступлением.

2. Представление интересов.

Представительство в гражданском праве подразумевает совершение от имени представляемого лица сделок, возможность изменять или прекращать гражданские права и обязанности представляемого. Фактически представитель наделен правами представляемого лица. В свою очередь в уголовно – процессуальном праве существует четкое разделение прав и обязанностей представителя и представляемого. Таким образом, представитель может лишь оказывать помощь и содействие в отстаивании прав и законных интересов представляемого лица. Каждый из них совершает юридические действия от своего имени, но если представляемое лицо физически или психически недееспособно и само не может принять участие в уголовных правоотно-

¹ См.: Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. Воронеж, 1980. С.59.

² См.: Кожевников А.В. Адвокат – представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика в советском уголовном процессе: Дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С.14.

³ См.: Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970, С.135; Туленков П.М. Участие представителей на предварительном следствии в советском уголовном процессе. Волгоград, 1976. С.7-13.

ношениях, тогда вместо него действует представитель. Все права и обязанности вышеуказанных лиц при попадании их в сферу уголовно – процессуальных отношений четко прописаны в уголовно – процессуальном кодексе.

Третьим субъективным признаком может выступать то, что в уголовном процессе действуют принципы публичности и презумпции невиновности, благодаря которым на представителях не лежит обязанность доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Наряду с этим в гражданском процессе действуют принципы диспозитивности и презумпции виновности, поэтому представители сторон по собственной инициативе должны в обосновании требований и позиции представляемых собирать доказательства и представлять их суду.

Еще одним существенным отличием гражданско-процессуального представительства от уголовно – процессуального является предусмотренное УПК участие представителей на стадии предварительного расследования, которой в ГПК вообще нет. Нет в ГПК и представительства подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, так как наличие данных субъектов правоотношений характерно только для уголовного процесса.

Основной особенностью уголовно – процессуального представительства является то, что составляющие его нормы регулирует две самостоятельные, но вместе с тем взаимосвязанные и взаимообусловленные группы отношений¹.

Первую группу составляют отношения между представителем и органами, осуществляющими и направляющими производство по уголовному делу (органы предварительного расследования, прокурор, судья, суд). Такие отношения можно назвать внешними, они регулируются нормами уголовно – процессуального права, определяют основания, порядок и момент допуска представителя к участию в деле, объем прав и обязанностей.

Вторую группу (внутренние отношения) составляют отношения между представителем и представляемым. Они регулируются гражданским, семейным, трудовым и административным законодательством. Можно с уверенностью сказать, что внутренние отношения никогда не облекаются в уголовно – процессуальную форму, в отличие от внешних. К внутренним правоотношениям можно отнести:

- приглашение лица в качестве представителя;
- наделение лица правами и обязанностями;
- отказ от представителя;
- замена представителя иным лицом.

Процессуальное значение представительства выражается в том, что оно, прежде всего, является методом реализации процессуальных прав и обязанностей участников уголовного процесса, защиты их процессуальных интересов.

Делая вывод из вышеизложенного, можно утверждать, что представительство является правовым институтом, так как своим содержанием оно имеет комплекс юридических норм, регулирующих однородные и взаимосвязанные общественные отношения, которые возникают и протекают в связи с оказанием одним лицом (представителем) юридической и (или) иной помощи другому лицу (представляемому) в защите его прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве.

¹ См.: Мартыненко С.Б. представительство несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного процесса: Дис... канд. юрид. наук. СПб. 2000. С.23.

**УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ - ПРАВОВАЯ И НРАВСТВЕННАЯ ЦЕЛЬ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ**

Чаплыгина В.Н.

*к.ю.н., ст. преподаватель кафедры
криминалистики и предварительного
расследования в ОВД Орловского
юридического института МВД России*

Общеизвестно, что в процессе предварительного расследования следователь постепенно продвигается от незнания о совершенном преступлении к его раскрытию, познанию.

Вопрос о познании окружающего нас мира – вопрос философский, ответ на этот вопрос дает нам возможность глубже понять, определить круг вопросов, подлежащих разрешению. Наука философии дает следующее определение познания – это отражение нашим сознанием событий действительности; истинным знанием признается знание, отражающее ее точно, правильно. Применительно к досудебному производству - это всесторонне и полное соответствие выводов органов предварительного расследования об обстоятельствах дела, виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, тому факту, который имел место в жизни. Если процесс познания развивается успешно, постепенно создаются условия для ответа на вопросы, составляющие предмет расследования и судебного разбирательства уголовного дела: каково расследуемое событие; вызвано ли оно действиями (деяниями) человека; содержит ли это событие признаки общественно опасного и уголовно наказуемого деяния; где произошло событие, в каком месте и в какое время; каков способ совершения деяния и какие использованы при этом средства; кто совершил деяние.

Учение об истине применимо к любой отрасли научного знания и, безусловно, имеет огромное практическое значение, в этом смысле - оно всеобщее. Не представляет исключения из этого и та форма познания, которое осуществляется в досудебном уголовном судопроизводстве. Обстоятельства совершенного преступления также полно и точно могут быть познаны, как и другие явления объективной реальности, окружающей действительности.

Деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью установления события преступления, виновности лица и других обстоятельств дела называется доказыванием. Нормы уголовно-процессуального права, устанавливающие цели доказывания, признаки доказательств, круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, порядок собирания, проверки и оценки доказательств называется доказательственным правом.

Достижение истины в уголовном процессе – это не только важная теоретическая, но и большая практическая проблема, поскольку от ее решения зависит осуждение виновного и оправдание невиновного.

Уголовно-процессуальная наука, базирующаяся на материалистическом понимании истины, отстаивает возможность и необходимость достижения в уголовном процессе истины объективной, содержанием которой являются фактические обстоятельства, характеризующие расследуемое событие, то есть объективная реальность, а не субъективное представление о ней. В процессе доказывания факты выявляются и познаются, они существуют независимо от того, познаны они или нет, независимо от воли лица, осуществляющего доказывание.

Та истина, которая достигается в досудебном производстве, может считаться абсолютной (в отличие от истины, достигаемой в процессе научного познания, которая является истиной относительной). Научное познание предполагает, что невозможно полное завершённое постижение объективной реальности, а поэтому в большинстве случаев объективная истина недостижима. Каждая ступень научного познания представляет собой истину относительную – истину неполную, не исчерпывающую всех возможностей познания¹. Однако в познании определенного факта, имевшего место в прошлом, в определенных пределах вполне возможно исчерпывающее знание о нем. Поскольку преступления относятся именно к фактам, имевшим

¹ Козлов В.И. Новый уголовно-процессуальный кодекс России // Юридический консультант. 2004. №7. С.23.

место в прошлом, то в отношении конкретного преступления вполне возможно постижение абсолютной истины органами предварительного расследования и судом.

Одним из важнейших условий постижения истины является требованием о том, чтобы каждое из процессуальных решений выносилось при наличии достаточного фактического основания, что может быть достигнуто лишь при правильном определении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Совокупность этих обстоятельств в теории доказательств именуется предметом доказывания. Без такого предмета деятельность по доказыванию лишается целеустремленности, ее результативность резко снижается, могут остаться без проверки важные обстоятельства.

Статья 68 действующего УПК определяют тот минимум обстоятельств, который, по мнению законодателя, обязателен для разрешения уголовного дела по существу. Решая вопрос о предмете доказывания, необходимо учитывать действующее уголовное законодательство, т.е. необходимо из общего числа установленных обстоятельств выделить именно те, которые позволяют дать правильную уголовно-правовую квалификацию совершенному деянию. Устанавливая личность преступника, органы предварительного расследования одновременно решают вопрос об определении субъекта преступления, устанавливают не только того кто совершил преступление, но и его субъективные признаки: возраст, пол, вменяемость, виновность, также определяется, не является ли установленная личность специальным субъектом¹ (военнослужащим или должностным лицом).

Кроме тех обстоятельств, которые были указаны выше, в процессе доказывания должны устанавливаться и обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Это необходимо, поскольку каждый из фактов, входящих в предмет доказывания, может характеризоваться как в положительной, так и в отрицательной форме, то есть как имевший место, или, наоборот, совершенный. Перечень всех этих оснований содержится в ст. 5 действующего УПК. В ст. 73 УПК РФ дается одно из легальных определений обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, или, иначе говоря, предмета доказывания. Оно гласит:

«1. При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность обвиняемого в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности.

2. Подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления».

Данное определение хотя и сформулировано в общем виде, но является более развернутым и не таким односторонним, каким оно давалось в ст. 68 УПК РСФСР. Теперь оно очерчивает не только один из видов предмета доказывания - предмет обвинения, т.е. сложный юридический факт, представляющий основание для уголовного преследования и постановления обвинительного приговора, но и предусматривает другие не менее важные предметы доказывания - предмет защиты, реабилитации как основания оправдания или прекращения дела с прекращением уголовного преследования; основания для прекращения дела без решения вопроса о виновности.²

В то же время круг обстоятельств предмета доказывания, очерченный ст. 73 УПК РФ, неполон. Среди них нет, например, обстоятельств, характеризующих потерпевшего и его взаимоотношения с обвиняемым, без доказывания которых во многих случаях нельзя законно и обоснованно постановить обвинительный приговор и др.³

¹ Гаврилов Б.Я. О некоторых проблемных вопросах уголовно-процессуального законодательства РФ. // Юридический консультант. 2007. №1. С.18.

² Божьев В.П. Научно-практический комментарий к ст. 1 УПК РФ // Уголовное право. 2007. №1. С.31.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: «ТК Велби», 2002. С.429.

Содержание предмета доказывания зависит также от особенностей отдельных категорий дел (о несовершеннолетних; связанных с применением принудительных мер медицинского характера и др.).

В предмет доказывания по делам несовершеннолетних дополнительно включаются: возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц; мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, если имеются данные, свидетельствующие об его отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством (ст. 421 УПК РФ).

Требование об установлении последнего из названных обстоятельств позволяет охватить так называемую возрастную невменяемость, предусмотренную ч. 3 ст. 20 УК РФ и приводит в соответствие в этой части положения норм УК и УПК РФ. Согласно этому не связанное с психическим расстройством отставание в психическом развитии, вследствие которого несовершеннолетний не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, влечет освобождение его от уголовной ответственности и наказания. Однако вопрос о возможности применить к такому несовершеннолетнему меры принудительного медицинского или воспитательного характера в УК и УПК РФ обойден молчанием¹, хотя на практике нередко возникает вопрос о применении к такому несовершеннолетнему мер воздействия ввиду систематического совершения им различного рода общественно опасных деяний (даже если они относятся к преступлениям небольшой или средней тяжести)².

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о принудительных мерах медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасные действия в состоянии невменяемости либо заболевшим психической болезнью после совершения преступления, определяются в ст. 434 УПК РФ.

Следовало бы определить на законодательном уровне и обстоятельства, подлежащие доказыванию по многоэпизодным и групповым преступлениям в связи с их специфичностью.

Таким образом, являясь определенной формой познания, доказывание в уголовном судопроизводстве имеет свой предмет исследования. Предметом доказывания (или обстоятельствами, подлежащими доказыванию) является совокупность фактов, подлежащих установлению для правильного разрешения уголовного дела.

Четкое определение предмета доказывания по уголовному делу - необходимое условие познания истины и правильной юридической квалификации совершенного деяния.

1. Доказывание места, времени, способа и других обстоятельств совершения преступления необходимо не только для правильной квалификации содеянного. Даже в тех случаях, когда отдельные из названных обстоятельств не имеют уголовно-правового значения, их установление необходимо хотя бы потому, что без них объективная картина преступления, позволяющая правильно разрешить дело, не может считаться полной.

Поэтому установление события преступления предполагает полное и всестороннее выяснение всех объективных обстоятельств, относящихся к объекту и объективной стороне преступления³.

Место и время совершения преступления как элемент события преступления подлежат установлению по каждому делу независимо от того, имеют ли эти элементы значение для уголовной квалификации деяния. Установление времени совершения преступления не только конкретизирует исследуемое событие, но и дает возможность определить применимость акта ам-

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.И. Радченко. М.: ЗАО «Юридический дом Юстицинформ», 2003. С.225.

² Вопросы расследования преступлений: Справочное пособие / Под ред. И.Н. Кожевникова, А.Я. Качанова. 3-е изд. М.: Спарк, 2006. С.286.

³ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Спарк, 2002. С.327.

ности или срока давности. Доказанность места совершения преступления влияет на установление последовательности и подсудности уголовного дела¹.

В понятие события преступления входит и способ совершения преступления, который представляет собой комплекс совершаемых в определенной последовательности действий, приводящих к преступному результату. Способ может иметь квалифицирующее значение (например, при совершении преступления способом, опасным для жизни многих людей), а также играть роль обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание.

Под другими обстоятельствами, входящими в понятие событие преступления, следует понимать все иные (помимо места, времени и способа совершения преступления) обстоятельства, которые позволяют полно, всесторонне и объективно выяснить все обстоятельства, относящиеся к объекту и объективной стороне состава преступления.

2. Доказать виновность лица в совершении преступления означает установить субъекта и субъективную сторону преступления, т.е. установить конкретное лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности и наказанию за совершенное им деяние при наличии умысла или неосторожности (формы вины). При отсутствии достаточных доказательств виновности никто не может быть привлечен к уголовной ответственности.

Важное уголовно-правовое значение нередко имеют мотивы и цели преступления. Их установление в любом случае позволяет правильно разрешить дело.

Таким образом, доказывание обстоятельств, относящихся к событию преступления и виновности в нем конкретного лица, требуют установления всех признаков состава преступления, т.е. его объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны.

3. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, включают в себя данные о его личности - фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место жительства, место работы, род занятий, образование, семейное положение и иные данные о личности, имеющие значение для уголовного дела. Этот наиболее полный перечень таких обстоятельств приведен в п. 4 ст.304 УПК РФ².

4. Доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением, часто связано с правильной квалификацией преступления, а также с восстановлением потерпевшему, гражданскому истцу ущерба, нанесенного преступным деянием.

Характер причиненного преступлением вреда - это качественный показатель. Вред может быть моральный (унижение чести и достоинства, душевные переживания), имущественный (хищение имущества и т.п.) и физический (причинения вреда здоровью).

Размер вреда - его количественная характеристика. В УК РФ ряд норм четко определяют количественные значения причиненного преступлением вреда (тяжкий, средней тяжести или легкий вред здоровью, крупный размер при хищении и т.д.). Но в то же время ряд норм УК РФ, в которых определяется размер вреда, носят оценочный характер (значительный ущерб, тяжкие последствия). В таких случаях в процессуальных решениях по делу наличие такого вреда должно мотивировать.

Таким образом, если вред от преступления не относится к признакам состава преступления, указанным в диспозиции статьи УК, то его наличие, характер и размеры все равно необходимо доказать, так как причиненный вред может быть основанием для предъявления гражданского иска. Кроме того, установление характера ущерба (моральный, физический, имущественный) и лица, которому ущерб причинен, важно для решения вопроса о признании такого лица потерпевшим или гражданским истцом.

5. К обстоятельствам, исключаящим преступность и наказуемость деяния, относятся: необходимая оборона (ст. 37 УК РФ); причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (статья 38); крайняя необходимость (статья 39); физическое или психическое принуждение (статья 40); обоснованный риск (статья 41) и исполнение приказа или распоряже-

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юрист, 2003. С.186.

² Однако и он не является исчерпывающим. Так, к рассматриваемым обстоятельствам следует отнести данные о наличии у такого лица государственных наград, почетных и иных званий; инвалидности; прежних судимостей; поведении в быту; о нахождении у него на иждивении несовершеннолетних детей, престарелых родителей и др.

ния (статья 42). Рассматриваемые обстоятельства относятся к уголовно-правовой категории, поскольку они перечислены и определены в главе 8 УПК РФ, которая называется «Обстоятельства, исключющие преступность деяния».

При установление таких обстоятельств необходимо доказать наличие существования иных обстоятельств, которые создавали угрозу общественным отношениям и правоохраняемым интересам; своевременность, правомерность и соразмерность совершенных лицом действий, направленных на устранение такой угрозы; оценка этим лицом характера угрозы, а также характера и правомерности своих действий, направленных на ее устранение.

6. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, также относятся к уголовно-правовым категориям. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, оказывают существенное влияние на принятие решений по наиболее важным вопросам уголовного судопроизводства¹. К таковым следует отнести в первую очередь вопросы о назначении подсудимому наказания за совершенное преступление; о виде наказания подсудимому; о возможности применения санкции ниже низшего предела и т. д.

При этом отягчающие обстоятельства исчерпывающе перечислены в ст. 63 УК РФ, и при их доказывании необходимо устанавливать конкретные факты, свидетельствующие об их наличии².

Смягчающие обстоятельства, предусмотренные в ст. 61 УК РФ, в ряде случаев носят оценочный характер. Например, совершение преступления в силу стечения тяжких жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания. В таких случаях доказыванию подлежат факты, позволяющие сделать вывод о наличии рассматриваемых обстоятельств³. Допускается также отнесение к обстоятельствам смягчающим наказание и иных, прямо не предусмотренных в уголовном законе. При признании иных обстоятельств (не перечисленных в ч. 1 ст. 61 УК РФ) смягчающими наказание, необходимо в процессуальных решениях не только указывать их, но и мотивированно обосновывать такое признание (например, в обвинительном заключении, обвинительном акте, приговоре и т. д.)

7. К обстоятельствам, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, относятся: деятельное раскаяние (статья 75 УК); примирение с потерпевшим (статья 76 УК); изменение обстановки (статья 77 УК); истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности (статья 78 УК).

Обстоятельствами, позволяющим освободить от наказания, являются: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК); замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК); освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК); отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82 УК); освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК).

Кроме того, в юридической литературе к рассматриваемым обстоятельствам предлагается относить амнистию (ст.84 УК) и помилование (ст.85 УК), а также замена несовершеннолетнему уголовного наказания принудительным и мерам и воспитательного воздействия (статья 90).

Несмотря на то, что названные обстоятельства относятся к уголовно-правовой категории и содержание их раскрывается в УК, тем не менее они подлежат доказыванию в ходе производства по делу и это доказывание имеет свою специфику. Так, для установления обстоятельств, позволяющих освободить от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, необходимо доказать: 1) событие преступления имело место, но оно относится к небольшой или средней тяжести; 2) преступление совершено конкретным лицом впервые; 3) это лицо добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления.

¹ Земскова А.В. Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ // Юридический консультант. 2006. №3. С.21.

² Зайцев О. Комментарий к ст. 11 УПК РФ. Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2004. №2. С.33.

³ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: ООО «ВИТРЭМ», 2002. 322 с.

Для установления обстоятельств, позволяющих, например, условно досрочно освободить осужденного от отбывания наказания, необходимо доказать: 1) для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании наказания; 2) отсутствуют предусмотренные законом препятствия для такого освобождения. Вопрос об этом решает суд на основании доказательств - иных доказательств (ст. 84 УПК РФ), представленных администрацией учреждения, где осужденный отбывает наказание. Поэтому не совсем понятна позиция автора одного из комментариев п. 7 ст. 73 УПК РФ, который к обстоятельствам, влекущим за собой освобождение от наказания, относит только обстоятельства, предусмотренные в ст.ст. 81 и 82 УК РФ.

8. Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, необходимо для профилактики преступлений. Кроме того, в ряде случаев они имеют квалифицирующее значение. В частности, когда устанавливается характер и размер вреда, причиненный преступлением; обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания¹.

В связи с этим вызывают серьезные возражения высказанное в юридической литературе утверждение, что рассматриваемые обстоятельства не имеют квалифицирующего значения и нет необходимости доказывать их по каждому уголовному делу².

Ведь должностные лица, в производстве которых находится уголовное дело, обязаны как выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, по поводу которого ведется уголовное дело, так и принять предусмотренные законом меры по их устранению³. Установить наличие таких обстоятельств возможно только путем уголовно-процессуального доказывания. Поэтому не случайно законодатель включил это положение в норму, в которой перечисляются обстоятельства, подлежащие доказыванию.

С предметом доказывания (т.е. с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по делу) тесно связаны пределы доказывания. Это понятие не определено на законодательном уровне, но имеет большое практическое значение⁴. Под пределами доказывания понимается фактический объем доказывания, т.е. необходимый и достаточный с точки зрения должностного лица, принимающего решение в ходе производства по делу, уровень исследования сведений, устанавливающих обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу. Такой уровень исследования позволяет фактически и юридически обосновать решения по делу. Поэтому пределы доказывания – это существенная характеристика процесса доказывания. Ведь они отражают количественные и качественные изменения знаний об обстоятельствах дела: раскрывают познавательную деятельность (и в первую очередь суда) в динамике ее развития к достижению достоверных знаний.

Фактический объем доказывания включает в себя комплекс необходимых для их получения следственных и судебных действий, призванных обеспечить установление всех компонентов предмета доказывания в необходимых пределах по конкретному уголовному делу. Он зависит от многих факторов, в том числе и от количества подлежащих исследованию эпизодов; от индивидуальных особенностей следователей и судей как специалистов и др.

Фактический объем доказывания определяется и реализуется дознавателем, следователем, прокурором и судом путем непосредственного осуществления ими предварительного и судебного производства. В этом аспекте он представляет собой перевод нормативных предписаний в плоскость правоприменительной деятельности. Ведь не может быть заранее определено по конкретному делу необходимое количество доказательств, их источников и следственных действий⁵.

Таким образом, предмет доказывания и пределы их установления – это качественные характеристики процесса доказывания, позволяющие следователю определить фактический

¹ Гирько С.И. Новый УПК: проблемы применения // Юридический консультант. 2005. №8. С.43.

² Химичева Г.П. Некоторые замечания о системе принципов уголовного судопроизводства по УПК РФ // Закон и право. 2002. №9. С.16-17.

³ Уголовный процесс: Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 2002. С.438.

⁴ Уголовный процесс России: Пособие для подготовки к экзаменам. М.: Юрайт- Издат, 2002. С.188.

⁵ Уголовный процесс: Сборник учебных пособий. Особенная часть. Вып.2. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С.332.

объем (т.е. пределы) обстоятельств, подлежащих доказыванию и реализовать его в ходе производства по конкретному уголовному делу, исходя из особенностей этого дела. Ведь течение и результаты конкретного уголовного дела ни один закон заранее не в состоянии предусмотреть и описать.

